

ISSN 2500-3216 (Print)
ISSN 3034-3755 (Online)

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BALTIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№ 2

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2025

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневский, д-р юрид. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волчецкая, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
 канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юрид. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юрид. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
 университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
 экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
 ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
 БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф., Башкирский государственный
 университет; *С. М. Маркедонов*, канд. ист. наук, доц., МГИМО;
А. О. Машовец, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный
 юридический университет им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милуков*, д-р юрид. наук,
 проф., Российский государственный педагогический университет
 им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский
 государственный университет; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф.,
 Санкт-Петербургский государственный университет; *Е. Р. Россинская*,
 д-р юрид. наук, проф., Московская государственная юридическая академия
 им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Таньшина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС
 при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф.,
 Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
 информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Дата выхода в свет 22.08.2025 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

Кузьмин И.А. Основы теории правовых наказаний (постановка проблемы).....	5
Харисова З.И. Криминалистическая характеристика создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ	20
Орешков И.А. Проблемы получения доказательственной информации, содержащейся в электронных сообщениях, при расследовании преступлений	34

История. Исторические науки

Ходячих С.С. «Между двумя угловыми, прямо за моей спиной, были умерщвлены газом три тысячи человек»: футбол в концлагере Аушвиц.....	45
Жданович Л.Н. «Солдаты слова»: советские военные корреспонденты о боях в Восточной Пруссии в 1944 – 1945 годах	61
Тишакова Е.Н. Президентская избирательная кампания в США в 1980 году: особенности и результаты.....	74
Манкевич Д.В., Мегем М.Е., Щекотуров А.В. Деятели отечественной и региональной истории в культурной памяти калининградцев	88

Общество и политика

Кришталь М.И., Колокольцева П.С. Социально-экономические факторы доверия молодежи Калининградской области к органам власти	103
Большаков А.Г., Храмова Е.В., Спирчагова Е.Н. Россия и государства Центральной Азии в процессе формирования нового мирового порядка: сотрудничество и конфликты	115
Дегтярева В.С. Цифровые технологии как инструмент участия граждан в местном самоуправлении	127

CONTENTS

State and law

<i>Kuzmin I. A.</i> Fundamentals of the theory of legal punishments (problem statement)	5
<i>Kharisova Z. I.</i> Forensic characteristics of creation, use and distribution of malicious computer programs	20
<i>Oreshkov I. A.</i> Problems of obtaining evidentiary information contained in electronic messages during crime investigation	34

History. Historical sciences

<i>Khodyachikh S. S.</i> "Behind my back, between one corner kick and the next, they had gassed three thousand people": football in the Auschwitz concentration camp	45
<i>Zhdanovich L. N.</i> «Soldiers of the word»: Soviet war correspondents on the battles in East Prussia, 1944 – 1945.....	61
<i>Tishakova E. N.</i> Presidential election campaign in the United States in 1980: features and results	74
<i>Mankevich D. V., Megem M. E., Shchekoturov A. V.</i> Figures of national and regional history in the cultural memory of Kaliningraders	88

Society and politics

<i>Krishtal M. I., Kolokoltseva P. S.</i> Socio-economic factors of trust of young people of the Kaliningrad region in the authorities.....	103
<i>Bolshakov A. G., Khramova E. V., Spirchagova E. N.</i> Russia and the Central Asian countries in the process of forming a new world order: cooperation and conflicts	115
<i>Degtyareva V. S.</i> Digital technologies as a tool for citizen participation in local government	127

УДК 340.1

И. А. Кузьмин

**ОСНОВЫ ТЕОРИИ ПРАВОВЫХ НАКАЗАНИЙ
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)**

5

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Россия

Поступила в редакцию 15.01.2025 г.

Принята к публикации 15.05.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-1

Для цитирования: Кузьмин И. А. Основы теории правовых наказаний (постановка проблемы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №2. С. 5—19. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-1.

Система категорий юридической науки нуждается в постоянном осмыслении, уточнении и обновлении. Правовое наказание, будучи одной из наиболее значимых общетеоретических юридических категорий, на сегодняшний день относится к наименее изученным. Целью настоящего исследования является осмысление наиболее важных общетеоретических характеристик наказания, в том числе его основных признаков, а также взаимодействия с близкими правовыми категориями и актуальных тенденций развития. Автор предпринял попытку сформулировать положения, которые могут стать отправной точкой для разработки общей теории правовых наказаний. В процессе работы помимо общенаучных методов были задействованы специально-правовые приемы исследования, включая формально-юридический, системно-правовой и правового моделирования, которые вкупе с анализом законодательных норм и актов Конституционного суда Российской Федерации позволили достичь поставленной цели исследования. Был сделан вывод о необходимости двойственного понимания наказания как явления объективного и субъективного права, установлены содержательные и функциональные связи наказания с юридической ответственностью и карой. Рассмотрена модель системы наказаний и обозначены общетеоретические и отраслевые проблемы внедрения последней в юридическую практику. В завершение автором предложены предметные направления будущего развития теории правовых наказаний и методологические ориентиры для ограничения наказаний от иных мер государственного принуждения.

Ключевые слова: теория права, юридическая наука, государственное принуждение, юридическая ответственность, правовое наказание, система наказаний, правовая политика

Введение

Правовое наказание (далее — наказание) как категорию юридической науки многие исследователи, очевидно руководствуясь положениями российского законодательства и практики, рассматривают с узкоотраслевых (уголовно-правовой и административно-правовой) позиций. Данное обстоятельство стало во многом переломным для общей теории права, из которой искусственным образом был «условно-конвенционально» изъят целый блок проблематики, составляющий важную часть общей теории государственно-правового принуждения. Ю. А. Тихомиров справедливо задается вопросом о том, насколько полно и точно право отражает различные явления и процессы, отмечая, что нормативный подход в регулировании общественных отношений (складывающийся столетиями) без предшествующей научно-аналитической деятельности неизбежно приводит к отставанию и ошибкам в правовом регулировании. Он же, размышляя о содержании правовой цепи, видит в мировоззренческой основе правового регулирования теории и концепции, разработку научных концепций, утверждая единственно верный принцип развития права от теории к практике [1, с. 1—9]. В продолжение обозначенной позиции В. Ф. Цомартова в числе важнейших направлений устранения причин противоправного поведения и повышения стабильности правового поведения граждан называет неотвратимость применения санкций и их справедливость, указывая, что справедливое наказание имеет максимальное общепредупредительное значение [1, с. 244].

Н. А. Власенко, характеризуя кризис юридической науки, выразил отрицательное отношение к категоризации «правовых метафор», назвав в числе последних «позитивную юридическую ответственность» за будущее поведение [2, с. 34], которая фактически оторвала общепризнанное понятие юридической ответственности от своего основного содержания и стержня, коим является правовое наказание. С. Симеонидис, анализируя особенности американского частного права, пришел к выводу о том, что наказания (как формы возмездия) являются индивидуальными, так как они обращены в прошлое и фокусируются на отдельном правонарушителе и его противоправном деянии [3, с. 249—250].

Предметный анализ диссертационных исследований и научных публикаций позволил нам выявить несколько методологических позиций относительно познания правового наказания как общетеоретической категории:

1) историко-правовые традиции XVIII—XIX вв. в России и Европе исходили из общеправового понимания наказания как следствия нарушения норм любых отраслей права (Е. Н. Зиньков, Е. М. Минакова и др.);

2) потребность в формировании теории правовых наказаний оформилась еще в Новое время, но до настоящего дня не была реализована (Г. В. Ф. Гегель, А. В. Малько и др.);

3) современный узкоотраслевой подход относительно объема и содержания понятия наказания в России нуждается в пересмотре (Н. В. Витрук, И. М. Рагимов и др.).

Определение актуальных направлений дальнейшего развития концепции правовых наказаний имеет общеправовое значение и является необходимым условием для достижения качественного прогресса в теории государственного принуждения и развития общей теории правовых наказаний.

Наказание как общетеоретическая категория

Категоризация — сложный процесс, связанный с осмыслением социальной динамики, упорядочением и отражением ее фрагментов в виде системы соответствующих категорий. А. М. Васильев, размышляя над механизмом формирования научных категорий, указывает, что научные понятия «выступают как средство и результат постигающего мышления... Научное понятие... с позиции диалектической логики... мысленное (идеальное) воспроизведение сущности познаваемого объекта, как концентрация знаний о нем... И в теории права понятия выступают как логическая форма постижения сущности правовых явлений, как отражение закономерного и особенного в правовой действительности... это содержательные, предметные образы, которые воспроизводят в мышлении (идеально) объективную суть реальных процессов» [4, с. 57].

Наказание — это универсальная категория, обозначающая явление, сопровождающее человечество во все периоды его существования. Отрицательная оценка поведения человека, связанная с возложением на нарушителя социальных норм различных лишений и ограничений (далее — лишений), издревле составляла содержание и определяла сущность наказания [5, с. 202—208; 6, с. 93—95]. С появлением древних государств и началом действия первых норм права связывается появление правового наказания как наиболее строгого юридического последствия за нарушение соответствующих предписаний.

Этимологический словарь А. К. Шапошникова раскрывает значение термина «наказание» как меру воздействия на того, кто совершил проступок (преступление), как нечто тяжелое, трудное, неприятное. Обращено внимание, что в русском языке XVI—XVII вв. наказание соотносилось с понятиями «поучение, наставление, наказ, наука, знание, учение, обучение, кара, порицание» [7, с. 562].

На разных языках мира «явление наказания» обозначается различными терминами, иногда весьма показательными с этимологической точки зрения и созвучными применительно к русскому языку. Наиболее часто названные словоформы апеллируют к следующим понятиям:

— «кара» или «мучения» («покарание» на белорусском; «kara» на польском; «muchuchiy» на языке кечуа);

— «казнь» («kazen» на словенском языке, «казнуванье» на македонском);

— «имущественное взыскание» («казна» или «kazna» на боснийском, сербском и хорватском; «trest» на словацком и чешском языках);

— «штраф» («strafe» на немецком, «straf» на голландском и датском языках, «straff» на шведском, «strof» на люксембургском).

В русском, а также в болгарском и горномарийском языках используется единая словоформа «наказание» [8].

Как обоснованно отмечает С.В. Лонская, юридические формулы как единицы юридического текста несут важное содержание бытия права, закрепляя его регулятивные начала и обеспечивая стандартизированность и формальную определенность [9, с. 33]. В этой связи использование термина «наказание» и производных словосочетаний (наложение, возложение, претерпевание, реализация, исполнение... наказания и др.) требует выверенного и единообразного подхода к обозначению наказаний как мер юридической ответственности независимо от их отраслевой принадлежности.

Отталкиваясь от элементарных начал формальной логики в стремлении установить истинное содержание правового наказания как разновидности наказания (социального), следует первоначально обратиться к официальным трактовкам и материалам практики.

В российском законодательстве дается понятие уголовному и административному наказанию. В ст. 43 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) под наказанием понимается мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, которая применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Согласно ст. 3.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) административное наказание является «мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами». Сопоставление названных официальных дефиниций наглядно показывает отсутствие у законодателя единого непротиворечивого понимания наказания, так как в первой из них связь с юридической ответственностью не обозначена (дается отсылка не к ближайшему, а к дальнему родовому понятию — государственному принуждению), а во второй — указывается на цели, но не раскрывается содержание понятия.

Конституционный суд Российской Федерации в постановлении от 4 июля 2022 г. № 27-П обобщил ранее выраженные им правовые позиции в отношении законодательства, предусматривающего правовые последствия совершения лицом противоправных деяний. В частности, высший орган конституционного контроля постановил, что юридическая ответственность и наказание могут возлагаться только за правонарушения и лишь в порядке исключения — за деяния, совершенные без (независимо от) вины. Закрепление в законе и изменение мер ответ-

ственности за совершение правонарушений необходимо сопоставлять с критериями необходимости ограничения прав и свобод, достигая соразмерности наказаний конституционно значимым целям. Санкции (наказания) за совершение нарушений должны быть четко определены в законе, чтобы правовые последствия были наглядно видны для каждого, исходя из текста самой нормы или ее судебного толкования. Введение наказаний, которые ограничивают право собственности, требует от государства соблюдения требований справедливости, соразмерности и адекватности принуждения в каждом конкретном случае с детальным учетом всех юридически значимых обстоятельств последнего. В постановлении от 15 июля 1999 г. №11-П Конституционный суд Российской Федерации особо отметил дополнительный характер наказания как меры юридической ответственности.

По нашему мнению, наказание неотделимо от юридической ответственности по следующим причинам:

1) объем понятий «нормы юридической ответственности» и «нормы, содержащие наказания» совпадает (юридическая ответственность закреплена в законе в виде наказаний);

2) цели юридической ответственности одновременно составляют и цели наказания;

3) материальным содержанием юридической ответственности является наказание, то есть мера юридической ответственности, соответственно, мера наказания указывает на правовые лишения, составляющие обязанность правонарушителя;

4) юридическая ответственность с точки зрения объективного воздействия на правонарушителей представляет собой угрозу применения наказания;

5) наказание для конкретного правонарушителя является закономерным этапом (стадией) реализации юридической ответственности и ее правоотношения;

6) исполнение правонарушителем обязанности претерпеть наказание фактически означает окончание материального правоотношения юридической ответственности и прекращение ее реализации;

7) иные обстоятельства.

Изложенное выше закономерно наводит на мысль о естественной дихотомии в понимании наказания как явления объективного и субъективного права. В объективном смысле наказания представляют собой закрепленные в санкциях правовых норм лишения, которые могут быть возложены на лиц за совершение деяний, предусмотренных гипотезами соответствующих правоохранительных норм. В субъективном смысле наказание представляет собой конкретные лишения, которые должен претерпеть правонарушитель за совершенное им противоправное деяние. Соответственно, употребляя понятие «наказание», следует учитывать уровень правового регулирования (нормативный или индивидуальный), в контексте которого оно используется. Наказание как нормативная конструкция (в объективном смысле) возникает со вступлением в силу охранительных норм и представляет собой часть

формального правопорядка — правовое средство, которое эвентуально может быть применено к правонарушителям. Наказание в субъективном смысле как материальное содержание юридической ответственности конкретного правонарушителя в виде лишений, которые последний должен претерпеть, апеллирует к индивидуальному уровню правового регулирования, возникая из факта совершения правонарушения. Переход от объективного состояния наказания в субъективное Д. С. Терещенко характеризует следующим образом: «Понятие "наказание" в понимании меры при переходе из некой постоянной величины в значение действия (процесса) становится величиной переменной, которая описывается некоторой функцией» [10, с. 119].

Система наказаний [11, с. 12–13] представляет собой единое, целостное и интегративное образование, в котором все наказания нормативно находятся во взаимосвязи друг с другом, упорядочены и структурированы в рамках горизонтальных и вертикальных отношений таким образом, чтобы обеспечить наибольшую эффективность правоохранительной функции государства. На сегодняшний день говорить о системе наказаний в субъективном смысле представляется преждевременным, так как назначаемые конкретным правонарушителям наказания обусловлены нормативной возможностью их одновременного возложения (например, если нарушитель одним деянием выполнил несколько составов правонарушений) и находятся друг с другом в вертикальной связи (например, если возлагается основное и дополнительные наказания). Эти вопросы в лучшей степени урегулированы в публичном праве, чем в частном.

Наказание (правовое) и система (правовых) наказаний относятся к общетеоретическим (универсальным и межотраслевым) правовым категориям, познание которых необходимо для совершенствования законодательных и правоприменительных моделей закрепления и возложения тех или иных мер юридической ответственности, а также в целом для качественного развития правовой политики. В связи с этим особой ценностью для юриспруденции обладают определение и дальнейшая проработка (углубление) актуальных направлений развития теории правовых наказаний в общетеоретическом и отраслевом срезе.

Мы убеждены, что наказанием следует считать любую меру, которая одновременно отвечает трем основным критериям: связана с противоправным поведением нарушителя; заключается в дополнительных лишениях, которые у него не могли возникнуть иначе как в связи с противоправным поведением; демонстрирует осуждение (отрицательную оценку) соответствующего поведения со стороны того или иного уполномоченного (управомоченного) государством субъекта.

Формально можно указать, что наказание как мера юридической ответственности закрепляется в специальных охранительных нормах, часть из которых законодатель напрямую признает «наказательными» (преимущественно в уголовном и административном праве). Что же касается другой части норм, не отнесенных к собственно-наказательным, то их выявление может быть сопряжено с известными сложностями.

ми. Между тем даже в области частнопроводного регулирования исследователи обоснованно говорят о ситуации «безнаказанности» при отсутствии мер юридической ответственности, то есть наказаний [12, с. 174].

Что касается «штампов» в мышлении об имманентной связи наказания с карой, то мы полагаем их пережитками прошлого и атавизмами, поскольку целью правового регулирования и задеиствованных в его развитии правовых средств, включая наказание, выступает достижение правопорядка на основе продуктивного и систематического воздействия. В.К. Дуюнов разграничивал понятия кары и наказания, утверждал, что принуждение и насилие к сущности уголовного наказания не относятся [13, с. 62–64]. Обращение к толковым словарям позволяет установить смысловое содержание термина «кара», которое раскрывается через понятия «суровое наказание» и «возмездие» [14, с. 31; 15, с. 417]. Кроме того, целевая ориентация наказания на кару, месть и страдания субъекта является неутилитарной и в большей степени осуществляется в угоду субъекту применения наказания, чем в интересах общества. Отметим, что согласно ст. 20 ранее действовавшего Уголовного кодекса РСФСР, утвержденного Верховным Советом РСФСР, с момента его принятия и до последней редакции (от 30.07.1996 г.) родовым признаком понятия наказания была «кара за совершение преступления». В действующем УК РФ кара в качестве характеристики уголовного наказания уже не фигурирует. В.Г. Швыдкий рассматривает кару в контексте правового поля размышлений, органических потребностей — как психическое, психологическое, духовное страдание, которое не переводится напрямую в рациональное [16, с. 83].

По нашему мнению, наказание — это лишь одна из действенных правовых мер (правовых средств), которая на основе порицания и последующих лишений / ограничений создает необходимые и обязательные для правонарушителя условия, способствующие профилактике противоправного поведения в формате общей и частной превенции, а также оказывающие восстановительный эффект на деформированные элементы социальной материи. В конечном итоге наказание должно приводить к возникновению в сознании нарушителя существенного духовного (психологического) дискомфорта, который вполне может повлечь страдания субъекта права, но в потенциале позволит обеспечить режим законности и правопорядка. Механизм действия наказания Г.Ф. Шершеневич усматривал в причинении нарушителю права страдания за счет отнятия у последнего какого-либо блага [17, с. 640]. При этом эффективность наказания также зависит от совокупного применения и других мер правового принуждения.

Проблемы системы правовых наказаний

Систематизация наказаний как процесс закрепления новых, отмены прежних и изменения действующих наказаний — сложный вид правотворческой деятельности, который оказывает принципиальное влияние на систему государственного принуждения в целом.

На сегодняшний день приходится констатировать отсутствие основ правовой политики и единой официальной позиции по ключевым вопросам выстраивания системы наказаний, что влечет ряд негативных последствий, в числе которых: 1) возникновение и расширение областей юридической безнаказанности; 2) закрепление внесистемных наказаний, то есть мер, отвечающих признакам наказаний, но имеющих неопределенный или иной статус; 3) включение в систему наказаний мер, не отвечающих основным признакам наказаний либо являющихся избыточными (дублирующими).

Примером первой группы последствий могут послужить избыточно широкие пределы судебного усмотрения, когда за совершенные преступления на легальной основе назначаются наказания «ниже низшего предела» или отдельные административные проступки квалифицируются как «малозначительные» без назначения наказания в принципе [18, с. 55–56; 19, с. 280–281]. В свою очередь, если за отдельные социально вредные деяния, которые требуют мер принуждения в виде наказаний, таковые не установлены, то это также характеризует ситуацию безнаказанности. В частности, на фоне растущих проблем в области незаконной миграции из стран Ближнего зарубежья и получения соответствующими лицами гражданства России обостряется целый ряд вопросов к процедурам приобретения гражданства, воинскому учету, трудовой деятельности, формированию национальных диаспор, обучению детей, не владеющих русским языком, в школах и многое другое. Очевидно, что наказаний в виде прекращения гражданства по основаниям, предусмотренным ст. 22 федерального закона от 28 апреля 2023 г. №138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» для обеспечения качественной правовой охраны здесь будет недостаточно.

Ко второй группе последствий можно отнести такую меру, как обращение в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, предусмотренную ст. 17 федерального закона от 3 декабря 2012 г. №230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». По всем основным признакам эта мера имеет наказательный характер (С.А. Агапов отрицает отнесение данной меры к наказанию, утверждая, что она составляет лишь особое основание прекращения права собственности [20, с. 34–35]), так как возлагается за противоправное деяние (непредставление обязанными лицами сведений, подтверждающих приобретение ими имущества на законные доходы), связано с изъятием имущества в доход государства (то есть с лишением собственности) и отрицательной оценкой государства подобных деяний как коррупционных. Однако правовая природа рассматриваемой меры до конца не определена (административно-правовая, гражданско-правовая, смешанная и т.д.), к какой-либо отраслевой подсистеме наказаний она не отнесена. Н.А. Исакова, обращаясь к порядку реализации этой меры, высказывает недоумение, что изъятие имущества проходит в порядке гражданского судопроизводства, а не в порядке процессуаль-

ного производства по уголовному делу [21, с. 91]. В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 4 июля 2022 г. №27-П применил к обращению в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, ряд правовых позиций, относящихся к правонарушениям и мерам юридической ответственности за их совершение. В еще более категоричной и определенной форме в постановлении от 1 июня 2023 г. №29-П Конституционный суд Российской Федерации высказался относительно исполнительского сбора как внесистемного наказания, обозначив его как штрафную санкцию и меру публично-правовой ответственности.

Третья группа последствий связана с появлениями внутри системы наказаний отдельных «элементов», которые по своей сути и признакам к наказаниям не относятся либо являются избыточными (дублирующими). Так, наличие в системе уголовных наказаний в виде обязательных, исправительных и принудительных работ (ст. 44 УК РФ) уже само по себе вызывает вопросы, а исходя из правовых конструкций перечисленных наказаний и практического их применения, становится очевидной избыточность сохранения всех трех наказаний одновременно [22, с. 97]. Если подходить объективно, то «предупреждение» как мера административного наказания, предусмотренная ст. 3.4 КоАП РФ, которая порицает противоправное поведение, по своему названию и содержанию в большей степени относится к профилактическим мерам, так как не влечет каких-либо лишений / ограничений для правонарушителя, одновременно создавая потенциальные возможности для правонарушителей уходить от реального административного наказания в виде штрафа в соответствии со ст. 4.1.1 КоАП РФ. Как следует из ст. 6 федерального закона от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», предупреждение правонарушений является основным направлением профилактики правонарушений. Отметим, что предостережение о недопустимости нарушения закона как мера прокурорского реагирования в силу ст. 25.1 федерального закона от 10 февраля 1999 г. №31-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» реализуется в целях предупреждения правонарушений при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях. Показательно, что согласно ст. 5.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. №91-З предупреждение находится в главе «Профилактические меры воздействия» и к административным наказаниям, соответственно, не относится.

Очевидно, что наказание как универсальная правовая категория проявляет себя не только в уголовном и административном, но и в иных отраслях права. О.Е. Финогентова и А.Ю. Ломаев выстроили логическую цепь размышлений в следующей системе: «Юридическая ответственность как элемент правовой системы выполняет важные функции — становится юридическим средством, стимулирующим общественно полезные действия и локализует/блокирует противоправное

поведение в различных отраслях права благодаря тому, что ее содержанием является государственное принуждение». Авторы справедливо рассматривают юридическую ответственность как правовое последствие некоторых юридических фактов, влекущее возникновение у субъекта права обязанности [23, с. 63 — 64].

Развитие теории правовых наказаний в отраслевом срезе предполагает существенную дифференциацию в подходах к его исследованию. Уголовное и административное право с точки зрения степени значимости и объема «наказательных норм» и механизмов их реализации в совокупности с обширной судебной (административной) практикой в данном направлении закономерно обуславливают потребность в более детальном анализе вопросов закрепления и возложения наказаний, которые уже характеризуются высоким уровнем проработанности. В противовес этому уровень изученности наказаний в конституционном и частном праве на фоне скудности (несистемности) правового регулирования и противоречивости ряда правоприменительных позиций высвечивает необходимость решения целого ряда общих, принципиальных проблем соответствующих отраслевых систем наказаний. Тем не менее М.Э. Жаркой и А.Е. Козлов правильно отмечают, что содержание наказания, вид и система наказаний зависят от множества факторов, характеризующих конкретное общество и его идеологию, уровень его развития на определенном этапе [24, с. 58].

Актуальные направления развития теории правовых наказаний в общетеоретическом срезе

Развитие теории правовых наказаний в рамках общетеоретической науки о праве сложно назвать прогрессивным, так как оно во многом проходит «в тени» частной теории юридической ответственности. Д.М. Нартымов, В.В. Ныров, С.В. Оятьев, И.В. Пикин и некоторые иные немногочисленные исследователи посвятили свои диссертационные работы проблематике правового наказания как категории общей теории права, углубившись в историко-правовые и теоретико-правовые аспекты понимания, сущности и систематизации правовых наказаний, повышения их эффективности, соотношения с юридической ответственностью, поощрением и иными правовыми явлениями. Благодаря проведенным исследованиям становится возможным актуализировать и инициировать целый ряд предметных направлений, в том числе проблемы:

- философско-правового осмысления идеи наказания;
- полисемии относительно понимания наказания как явления и как средства правового регулирования;
- диалектического единства правового наказания и противоправного поведения;
- соотношения наказаний с мерами безопасности и профилактики;
- теории юридической безнаказанности;
- содержания права на наказание и самонаказание;

- качественной архитектоники системы наказаний, в том числе посредством обращения к правовым общностям;
- глобального значения наказания в свете современных вызовов и угроз;
- осознания миссии наказания как условия обеспечения требований биоэтики;
- закрепления и возложения наказаний в сфере развития и применения технологий искусственного интеллекта;
- правовой политики в области юридической ответственности и наказаний, их места и роли в составе инструментария и в контексте политических конфликтов.

В свою очередь, развитие основ теории правовых наказаний нуждается в некоторых общих подходах и положениях, обеспечивающих единую методологическую основу. Одним из таких «столпов» мог бы стать алгоритм отграничения наказаний от иных мер государственного принуждения. Мы предполагаем, что на первоначальном этапе познания в данный алгоритм могут быть включены следующие «вводные»:

- 1) наказание составляет стержень системы правоохранительных мер, и его изъятие из данной системы без несоразмерного (разрушительного) вреда последней невозможно;
- 2) наказание имеет своей целью достижение правопорядка в тех случаях, когда без угрозы его применения получение желаемого эффекта невозможно;
- 3) наказание является самой жесткой мерой государственного принуждения, которая в максимальной степени принудительно воздействует на общественные отношения;
- 4) наказание перманентно выступает мерой юридической ответственности, независимо от вида и отраслевой принадлежности последней;
- 5) отрицательная оценка отдельных актов поведения инстанцией, обладающей «правом на наказание», является обязательным условием закрепления и возложения наказания;
- 6) наказание диалектически связано с противоправным поведением, содержание которого «генетически» отражается на юридически значимых характеристиках первого;
- 7) лишения, которые образуют содержание наказания, всегда носят дополнительный характер по отношению ко всем иным мерам, не связанным с совершением противоправного деяния.

Выводы

Правовое наказание является самостоятельной категорией правоведения, общетеоретические характеристики которой в настоящее время слабо исследованы по целому ряду причин и обстоятельств, таких как позиция законодателя и правоприменителя, повышенная акцентуация на проблематике позитивной юридической ответственности. Между тем проработка основ теории правовых наказаний в потенциале от-

крывает большие перспективы для дальнейшего совершенствования системы государственного принуждения и правоохранительной системы государства в целом.

Наказание составляет основное содержание юридической ответственности любого вида, этимологически обусловлено близкими понятиями и сущностно выражено на уровне объективного права (закрепленные в санкциях правовых норм лишения/правоограничения, которые могут быть возложены на лиц за совершение деяний, предусмотренных гипотезами соответствующих правоохранительных норм) и субъективного права (конкретные лишения, которые должен претерпеть правонарушитель за совершенное им противоправное деяние).

Наказание как правовое средство и мера принуждения, независимо от своей отраслевой привязки, должно соответствовать трем критериям: 1) связано с противоправным поведением нарушителя; 2) заключается в дополнительных лишениях, которые у него не могли возникнуть иначе как в связи с противоправным поведением; 3) демонстрирует осуждение (отрицательную оценку) соответствующего поведения со стороны того или иного уполномоченного (управомоченного) государством субъекта. Целевая ориентация наказания имеет регулятивную направленность и не связана напрямую с карой и местью, хотя и предполагает наступление существенного духовного (психологического) дискомфорта у правонарушителя.

Система наказаний представляет собой единое, целостное и интегративное образование, в котором все наказания нормативно находятся во взаимосвязи друг с другом, упорядочены и структурированы в рамках горизонтальных и вертикальных отношений таким образом, чтобы обеспечить наибольшую эффективность правоохранительной функции государства.

Отсутствие основ правовой политики и единой официальной позиции по ключевым вопросам выстраивания системы наказаний влечет ряд негативных последствий, в числе которых: 1) возникновение и расширение областей юридической безнаказанности; 2) закрепление внесистемных наказаний, то есть мер, отвечающих признакам наказаний, но имеющих неопределенный или иной статус; 3) включение в систему наказаний мер, не отвечающих основным признакам наказаний либо являющихся избыточными (дублирующими).

Обращение к современному состоянию изученности теории правовых наказаний позволило выявить предметные направления развития теории правовых наказаний, а обобщение полученных результатов дало возможность сформулировать базовые теоретико-методологические положения, которые могут быть использованы в качестве отправной точки для соответствующих предметных исследований.

Список литературы

1. *Правовые модели и реальность* : монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М., 2020.

2. Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей : монография. М., 2024.
3. *Symeonides S.C. Choice of Law* (Oxford Commentaries on American Law). N. Y., 2016. doi: 10.1093/acprof:oso/9780190496722.001.0001.
4. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография. Репринтное издание. М., 2024.
5. Кузьмин И.А. Наказание как объект научных исследований: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Юридические науки. 2023. Т. 27, №1. С. 200—220. doi: 10.22363/2313-2337-2023-27-1-200-220. EDN: TVDQDN.
6. Кузьмин И.А. Категории «юридическая ответственность» и «наказание» в общей теории права // Вопросы правоведения. 2016. №1. С. 90—109. EDN: VRNNFF.
7. *Этимологический словарь современного русского языка* : в 2 т. / сост. А.К. Шапошников. Т. 1. М., 2010.
8. Слово «наказание» на иностранных языках // mrpolyglot.com (русско-язычная версия). URL: <https://mrpolyglot.com/ru/punishment/> (дата обращения: 10.12.2025).
9. Лонская С.В. Юридические формулы в русском праве: теоретико-исторический аспект // История государства и права. 2024. №7. С. 29—34. doi: 10.18572/1812-3805-2024-7-29-34. EDN: DHEXXN.
10. Терещенко Д.С. Юридическая ответственность: проблемы переосмысления традиционного представления // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 109—130. doi: 10.17506/26867206_2022_22_1_109. EDN: QTOFLK.
11. Родионова А.С. Система наказаний в российском праве (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. EDN: ZOQXAV.
12. Балаклея И.И., Салтыкова Н.В. К вопросу об ответственности государственных служащих // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. №8. С. 173—175. EDN: OZTDMB.
13. Дуюнов В.К. Наказание в уголовном праве России — принуждение или кара? // Государство и право. 1997. №11. С. 61—68. EDN: XYRRPF.
14. *Словарь русского языка* : в 4 т. Т. 2. К—О / АН СССР, Институт Русского языка ; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1986.
15. *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
16. Швыдкий В.Г. Возможность и действительность уголовного наказания // Вестник Томского государственного университета. 2004. №283. С. 80—85. EDN: OJDJSB.
17. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 1. М., 1910.
18. Смирнов А.М. Уголовно-правовая безнаказанность преступного деяния: к постановке проблемы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. №2. С. 50—57. EDN: RTOZCP.
19. Иваненко И.Н. Критерий малозначительности административных правонарушений // Эпомен. 2019. №27. С. 276—281. EDN: EIYRZG.
20. Агапов С.А. Обращение в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, как мера противодействия коррупции // Общество. Закон. Правосудие. 2018. №3. С. 34—36. EDN: YYGDSX.
21. Исакова Н.А. Порядок обращения в доход государства имущества, в отношении которого в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции не представлены доказательства его приобретения на законные доходы // Ленинградский юридический журнал. 2015. №3. С. 86—92. EDN: VJUJZ.

22. Бугера Н.Н., Штаб О.Н. Сравнительный анализ уголовных наказаний в виде обязательных, исправительных и принудительных работ: общие и отличительные признаки // Алтайский юридический вестник. 2016. №3. С. 94–98. EDN: WLRWD.

23. Финогентова О.Е., Ломаев А.Ю. Проблемы реализации правовой категории «публичный интерес» в российском праве. Самара, 2016. EDN: YKAGMR.

24. Жаркой М.Э., Козлов А.Е. Наказание и карательная политика государства (к проблеме теоретического осмысления) // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. №3. С. 53–60. EDN: VBIIQT.

Об авторе

18

Игорь Александрович Кузьмин — доц., Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Россия.

E-mail: grafik-87@mail.ru

SPIN-код: 2206-9144

ORCID: 0000-0002-6478-6028

I. A. Kuzmin

FUNDAMENTALS OF THE THEORY OF LEGAL PUNISHMENTS (PROBLEM STATEMENT)

Irkutsk Law Institute (branch)

of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Russia

Received 15 January 2025

Accepted 15 May 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-1

To cite this article: Kuzmin I. A. 2025, Fundamentals of the theory of legal punishments (problem statement), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 5–19. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-1.

The system of categories in legal science requires constant reflection, clarification, and updating. Legal punishment, being one of the most significant general theoretical legal categories, remains among the least studied today. The aim of the present study is to conceptualize the most important general theoretical characteristics of punishment, including its main features, its interaction with related legal categories, and current developmental trends. The author attempts to formulate provisions that may serve as a starting point for developing a general theory of legal punishments. In the course of the study, in addition to general scientific methods, special legal research techniques were employed, including the formal-legal, systemic-legal, and legal modeling methods, which, together with the analysis of legislative norms and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, allowed the research objective to be achieved. A conclusion is drawn on the necessity of a dual understanding of punishment as a phenomenon of both objective and subjective law, and the substantive and functional connections between punishment, legal responsibility, and retribution are identified. A model of the punishment system is examined, and general theoretical and sector-specific problems of its implementation in legal practice are outlined. Finally, the author proposes concrete directions for the future development of the theory of legal punishments and methodological guidelines for distinguishing punishments from other forms of state coercion.

Keywords: theory of law, legal science, state coercion, legal responsibility, legal punishment, system of punishments, legal policy

The author

Dr Igor A. Kuzmin, Associate Professor, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.

E-mail: grafik-87@mail.ru

SPIN-код: 2206-9144

ORCID: 0000-0002-6478-6028

З. И. Харисова**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СОЗДАНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ВРЕДОНОСНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ**

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Поступила в редакцию 05.05.2025 г.

Принята к публикации 15.05.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-2

20

Для цитирования: Харисова З.И. Криминалистическая характеристика создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №2. С. 20–33. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-2.

Вредоносное программное обеспечение и вирусные фишинговые атаки уже несколько лет подряд остаются одним из самых действенных инструментов проникновения в информационную инфраструктуру. В подавляющем большинстве эксплуатация вредоносных программ связана с получением доступа к системам, содержащим конфиденциальную информацию, и ее хищением, что является наименее затратным способом доставки и выполнения вредоносного кода на устройстве получателя. Поскольку рост противоправных деяний, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ, — это значимый фактор самовоспроизводства киберпреступлений, целесообразно рассмотреть возможности оптимизации процесса их расследования, в частности изучение элементов, входящих в их криминалистическую характеристику. Объектом исследования выступили правоотношения, возникающие при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ, основной целью при этом было раскрытие содержания элементов криминалистической характеристики указанных преступных деяний с учетом современного развития информационных технологий и тенденций эксплуатации вредоносного программного обеспечения. Теоретическую значимость исследования составляет описание криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, которая может послужить основой для формирования их информационной модели (цифровых двойников), что концептуально выступает научной новизной. Прикладное значение типовых криминалистических характеристик преступлений в сфере компьютерной информации — возможность их использования при формировании частных криминалистических методик расследования, создании новых криминалистических учетов на основе баз данных цифровых доказательств, а также разработки специализированного программного обеспечения в виде систем поддержки принятия решений, применяемых, например, при выдвижении следственных версий и планировании расследования.

Ключевые слова: компьютерные преступления, вредоносные программы, криминалистическая характеристика преступлений, цифровая модель преступления, цифровой двойник, цифровая криминалистика, искусственный интеллект

Современное право нацелено на урегулирование вновь появляющихся форм отношений практически всех сфер деятельности человека, где объектами, субъектами, а порой и средствами все чаще выступают высокие технологии, что закономерно формирует новый вид права, именуемый высокотехнологичным и представляющим собой логистичный, наукоемкий и технологичный регулятор общественных отношений, который не только регламентирует вновь возникающие отношения, связанные с высокими технологиями, но и активно использует их в правоприменении [1, с. 742]. Возникновение новых субъектов права, объектов регулирования и высокотехнологичных средств совершения преступлений, в том числе в виде вредоносного программного обеспечения (далее — ПО), в основном вынуждает законодателей принимать меры по разработке нормативных правовых актов, регулирующих новые правоотношения. Однако ключевым аспектом очередного этапа развития права является наличие новых инструментов и технологий, повышающих эффективность функционирования этой отрасли.

Вредоносное ПО все чаще становится инструментом преступников для осуществления несанкционированного доступа к охраняемой законом информации, кражи персональных данных граждан, вымогательства, шпионажа, атак на государственные структуры и пр. В условиях повсеместной цифровизации создание, использование и распространение вредоносного ПО (ст. 273 УК РФ) может нанести значительный ущерб экономической жизни общества, например при внедрении в банковское ПО, а в отдельных случаях причинить вред здоровью различной тяжести, привести к смерти людей, в частности при внедрении в информационные системы персональных данных, эксплуатируемые в медицинских учреждениях и т. п.

Уникальность каждого из применяемых способов и средств совершения преступлений в сфере компьютерной информации, составным элементом которых являются рассматриваемые преступные деяния, определяет индивидуальность в их раскрытии, расследовании, а также в поиске и фиксации доказательств. Определить особенности преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предоставляя необходимые методы обнаружения, изъятия и анализа электронных доказательств, позволяет область знаний, возникшая на стыке правовых и технических наук [2, с. 6], именуемая в России цифровой криминалистикой, или форензикой (*англ. computer forensics* — наука об исследовании цифровых доказательств [3, с. 11]).

С учетом очевидной необходимости модернизации правовых подходов к урегулированию вновь появляющихся общественных отношений, связанных с инновационными, эволюционными и синергетическими процессами, обусловленными внедрением информационных технологий [4, с. 80], а также в связи с широкой распространенностью в настоящее время рассматриваемых преступных деяний [5, с. 55] актуальной задачей является рассмотрение возможностей оптимизации процесса расследования преступлений, связанных с созданием, исполь-

зованием и распространением вредоносных компьютерных программ, в частности изучение элементов, входящих в их криминалистическую характеристику, а также применение их при использовании современных методов компьютерной криминалистики, реализуемых на основе технологий анализа больших данных и алгоритмов искусственного интеллекта, что позволит следователю (дознавателю) ориентироваться в ситуации нехватки времени либо опыта [6, с. 30].

За последние три десятка лет вопросы целесообразности формирования криминалистических моделей преступлений (цифровых, информационных и пр.), а также компьютерного моделирования их расследования рассматривались довольно часто (Т.С. Волчецкая, В.Е. Корноухов, Е.П. Ищенко, В.Я. Колдин, В.О. Давыдов, В.Б. Вехов, Р.Л. Ахмедиишин, А.А. Бессонов, Е.Р. Россинская, А.И. Семикаленова, У.А. Мусаева и др.), однако, являясь фундаментальными в данной области, в большинстве своем они касались общих аспектов моделирования механизма преступных деяний и алгоритмизации процесса расследования, который позволяет повысить профессиональную компетентность субъектов раскрытия и расследования преступлений и показатели антикриминальной деятельности, а также дополнить и внести вклад во все фундаментальные направления современной криминалистической науки [8, с. 640]. При этом вопрос повышения эффективности расследования (в том числе алгоритмизации) преступлений, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных программ на основе криминалистической модели преступления, не рассматривался.

Вредоносное ПО — это форма представления совокупности данных и команд, обеспечивающих функционирование компьютера либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования электронных данных или нейтрализации средств защиты информации [9]. Способом совершения данного преступления является действие, выраженное в виде создания вредоносного ПО, а равно использования или распространение такого ПО либо иной компьютерной информации.

Под созданием вредоносного ПО подразумевается результат деятельности, выразившейся в представлении в объективной форме совокупности данных и команд, предназначенных для функционирования информационно-телекоммуникационной системы либо компьютера с целью уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты информации, а также с целью нарушения работы информационной системы. Действия, направленные на создание вредоносной программы, не доведенные до конца по причинам, не зависящим от воли виновного, могут быть квалифицированы как покушение на преступление.

Распространение предполагает как возмездную, так и безвозмездную передачу ПО, либо вредоносной информации, либо электронного носителя информации с его содержанием. Использование ПО либо

вредоносной информации имеет место при внедрении ПО в компьютер или информационную систему независимо от того, повлекло ли это последствия, поскольку преступление окончено в момент совершения соответствующих действий.

К числу основных криминалистических категорий как наиболее общих и значимых для науки и практики понятий криминалистики относятся понятия криминалистической характеристики преступления, которая, являясь базовым элементом криминалистической методики, образует систему сведений о типичных криминалистически значимых признаках преступлений и связях между ними [10, с. 8], а также типовой (родовой, групповой, видовой) криминалистической характеристики преступления. Под типовой криминалистической характеристикой преступления понимается научная абстракция, отражающая систему взаимосвязанных и корреляционно зависимых элементов той или иной категории (группы) преступлений и способствующая определению основных направлений в расследовании общественно опасного деяния [11, с. 111].

Криминалистическая характеристика складывается из элементов, в совокупности составляющих систему характерных криминалистических признаков конкретного преступления, на основе которых становится возможным сформировать методику его расследования. По этой причине в свете рассмотрения теоретических основ расследования рассматриваемых преступлений целесообразно выделить элементы их криминалистической характеристики.

На основе исследования материалов уголовных дел по преступлениям, связанным с созданием, использованием и распространением вредоносного ПО, их криминалистическую характеристику предлагается изложить в следующем виде:

- способ совершения преступления (с описанием типичных следов преступления, способов их сокрытия, вероятных мест их нахождения и распространенности (серийности) преступного деяния);
- обстановка (место (среда), время совершения) преступления;
- личность преступника;
- личность потерпевшего и / или предмет посягательства.

Отдельно стоит отметить такой элемент, как серийность преступного деяния, являющийся одним из обязательных реквизитов [12] для указания в статистической карточке преступления, содержание которого, например, может выступить основой для формирования нового криминалистического учета цифровых доказательств, что сопоставлено с одной из основных задач государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий [13].

Переходя к рассмотрению содержания элементов криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений, стоит отметить, что основными способами создания вредоносного ПО являются написание исходного кода на языке программирования с использованием вредоносных алгоритмов; модификация легального ПО [14, с. 702]

с внедрением вредоносного функционала в виде бэкдоров (*англ.* backdoor — лазейка); использование специализированных сервисов в виде автоматизированных MaaS-конструкторов (*англ.* malware-as-a-service (MaaS)) — вредоносное ПО, предоставляющееся как услуга, позволяющих создавать программы без глубоких знаний в области информационных технологий; создание новой версии программного проекта с открытым исходным кодом путем форкинга (*англ.* forking — ветвление); создание ПО, которое использует уязвимости в легальных программах для распространения вредоносных функций в виде эксплойта (*англ.* exploit — эксплуатировать)); внедрение буткитов (*англ.* boot — загрузка и kit — набор инструментов) — комплекса вредоносного ПО, которое изменяет сигнатуру исходного кода для уклонения от обнаружения антивирусами; генерация адаптивного вредоносного кода с применением алгоритмов искусственного интеллекта и пр. Ввиду того что непосредственное создание вредоносного ПО требует знаний в области программирования, кибербезопасности и эксплуатации уязвимостей, довольно часто преступники прибегают к приобретению готовых вредоносных продуктов на теневых площадках сети Даркнет.

Среди основных способов использования вредоносного ПО на сегодняшний день можно выделить сбор конфиденциальных данных в целях кибершпионажа; шифрование данных; создание ботнетов для заражения компьютера (например, для организации DDoS-атак, несанкционированного копирования компьютерной информации и пр.); рассылку спама или криптоджекинга (майнинга криптовалют); SQL-инъекции; компрометацию систем безопасности (установка бэкдоров для несанкционированного доступа и пр.); создание ресурсов с использованием вредоносных скриптов; деструктивное воздействие вредоносным ПО на информацию или технические средства (уничтожение данных, вывод из строя информационной инфраструктуры); нейтрализацию средств защиты информации; обход лицензий ПО и антивирусов; воздействие вредоносного ПО на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, распространение ПО с возможностями VPN-прокси-сервера и создания бот-сетей из зараженных ею компьютеров с сокрытием IP-адресов [15, с. 31], сканирование информационной системы, эксплуатацию уязвимостей и пр.

Способы распространения вредоносного ПО зависят от целей преступника и технических возможностей жертвы и могут представлять собой распространение вредоносных ссылок и ПО на веб-ресурсах, в файлообменных пиринговых сетях, торрент-трекерах, сети Блокчейн, а также в электронных узлах и локальных информационно-вычислительных сетях автотранспортных средств [16, с. 17], в виде вложений через мессенджеры, электронную почту и социальные сети; заражение устройств через недоработки в ПО и операционных системах устройств, принадлежащих жертве (например возможно воздействие на уязвимость нулевого дня (*англ.* zero-day) — уязвимость в ПО, против которой еще не разработаны защитные механизмы и не были выпущены обновления безопасности) и т. п.; манипулирование пользователями

с помощью применения методов социальной инженерии с целью побуждения их скачать и запустить вредоносное ПО; взлом протоколов безопасности для загрузки вредоносного кода; заражение носителей информации и IoT-устройств; использование вредоносного ПО для кражи лицензий, учетных данных и пр.

Процессы, возникшие в ходе случайных действий либо стечения обстоятельств, относят к непреднамеренным, например: использование разработчиками легального ПО открытых библиотек и баз данных, содержащих вредоносный код или критические уязвимости; внедрение вредоносного кода в проекты с открытым исходным кодом; создание прототипов автоматизированных программ для тестирования различных сервисов, которые случайно выходят из-под контроля, что довольно часто встречается при генерации кода с использованием искусственного интеллекта и т. п. Кроме того, вредоносные программы могут использоваться непреднамеренно, например пользователем или администратором информационной системы. Так, довольно часто встречается ситуация, когда в отсутствие действенных средств защиты информации пользователи скачивают и запускают на первый взгляд легальное, но зараженное ПО, не подозревая о его вредоносной активности, что часто объясняется использованием нелегальных версий программ, распространяемых на безвозмездной основе.

Анализ массива уголовных дел позволил выявить основные средства создания, использования и распространения вредоносного ПО. При непосредственном доступе ими могут выступать носители информации, эксплуатируемые с техническими средствами, а при опосредованном доступе — сетевое оборудование, средства доступа в информационные системы (средства вычислительной техники, мобильные средства связи и пр.), различное ПО (например, кейлоггеры (*англ.* key — клавиша и *logger* — регистрирующее устройство в виде клавиатурного шпиона), руткиты (*англ.* *rootkit* — набор программных средств, в виде исполняемых файлов, скриптов и пр., обеспечивающих маскировку объектов, управление и сбор данных), трояны (*англ.* *trojan* — троянская вирусная программа, проникающая в компьютер под видом легального ПО) и пр.), способное к распространению в локальных информационных системах и служащих в целях выполнения какого-либо деструктивного действия (удаление, блокирование или изменение файлов) и пр.

В целом к средствам хранения вредоносного ПО относятся материальные носители: жесткие и оптические диски, USB-накопители, карты памяти и т. п., средством их обработки служит вычислительное устройство (процессор) компьютера. Средства разработки вредоносного ПО могут включать в себя компиляторы и интерпретаторы (языки программирования, используемые для написания ПО); ПО в виде фреймворков для тестирования эксплойтов и бэкдоров; конструкторы вредоносного ПО, в том числе функционирующие на основе искусственного интеллекта, ПО для шифрования и маскировки вредоносного кода.

Средствами использования вредоносного ПО являются, например, управляемые группы зараженных устройств, используемые для DDoS-атак,

спама и криптоджекинга (ботнет-сети), а также инструменты, обеспечивающие полный доступ к зараженному устройству; программы-шифровальщики и вымогатели, используемые для блокировки данных и вымогательства.

К средствам распространения вредоносного ПО преимущественно относятся зараженные компьютеры (носители информации), сети передачи данных, веб-ресурсы и прочие хранилища данных.

Минимизировать риск раскрытия преступником своей личности и источников происхождения вредоносного ПО позволяют следующие методы сокрытия следов: использование анонимных сетей (Tor, I2P, VPN) с целью сокрытия IP-адреса или MAC-идентификатора средства совершения преступления и анонимных (фиктивных) учетных записей для внедрения ПО в информационную систему или в целях обсуждения и дальнейшего его распространения. Для исключения отслеживания банковских операций применяются цифровые фиатные активы; шифрование исходного кода вредоносного ПО, обфускация (запутывание алгоритмов и маскировка вредоносных функций) для затруднения анализа; создание динамически изменяемых версий ПО для обхода детектирования антивирусами; маскировка вредоносного ПО под стандартное легальное ПО, входящее в состав операционной системы.

Для сокрытия следов разработки вредоносного ПО, как правило, используются изолированные виртуальные машины [17, с. 103]. При успешном внедрении вредоносного ПО преступник переходит к мерам по сокрытию своей деятельности в зараженном устройстве. Так, например, осуществляется маскировка вредоносных процессов и сетевой активности в операционной системе, обход или отключение антивирусных систем; манипуляция атрибутами создания, изменения и доступа к файлам (изменение временных меток файлов жертвы); использование самоуничтожаемых вредоносных программ после выполнения задачи; очистка системных логов и следов активности и пр.

Типичными следами создания, использования и распространения вредоносного ПО в общем случае являются следы установленного ПО с признаками вредоносного функционала, изменения в конфигурации операционной системы устройства, журналах подключений к компьютерам или информационным системам, удаленные, модифицированные или заблокированные файлы данных и т.п. и материальные следы на компьютерной периферии. К такого рода следам также относятся артефакты в исходном коде ПО (метаданные файлов, идентифицирующих разработчика, дату компиляции, используемые библиотеки, сигнатуры компиляторов и сред разработки, использование типичных функций из открытых репозиторий или подобных, выявляемых ранее атак); IP-адреса и доменные имена серверов управления ПО; параметры задействованных виртуальных машин и обращения к серверам; временные файлы данных, содержащие информацию о запуске вредоносного кода; журналы системных событий; следы использования вредоносного ПО в файловой системе, оперативной памяти, сетевом трафике; следы распространения вредоносного ПО в сети Интернет, в

фишинговых электронных рассылках (структура заголовков, IP-адреса отправителей, SMTP-сервера и пр.), сообщениях мессенджеров (фишинговые ссылки), вредоносных вложениях (документы с макросами, исполняемые файлы и пр.) в компрометированных веб-сайтах [18, с. 28] и облачных сервисах, торрент-трекерах и т. п.

Таким образом, основными слеодообразующими и следовоспринимающими объектами при создании, использовании и распространении вредоносного ПО могут выступать системное и прикладное ПО; поименованные области записей на носителях информации; электронные файлы; базы данных; идентификаторы в сети передачи данных (IP-адрес устройства или MAC-адрес его сетевой карты, IMEI-коды мобильных устройств, DNS-адреса; реестры операционных систем; сетевой трафик; цифровые финансовые активы и электронные кошельки; IMS-, SMS- и MMS-сообщения и т. п.

Вероятными местами расположения типичных следов создания, использования и распространения вредоносного ПО в цифровом виде являются носители информации различных устройств, облачные хранилища данных, в том числе файлы и каталоги хранения данных, файлы конфигурации программ удаленного доступа и пр.

Распространенность преступного деяния выражается в установлении факта схожести преступного деяния, например на основе полученных сведений об использовании в преступной схеме способа совершения преступления, тиражирования вредоносного ПО. Так, идентифицирующими признаками схожести по рассматриваемым деяниям могут выступить отдельные техники и тактики, которые обнаруживаются с помощью наборов матриц, представляющих собой основанные на реально существующих наблюдениях базы данных инцидентов безопасности [19], идентичные контрольные суммы ПО, а также реквизиты в виде MAC-идентификаторов или IP-адресов устройств, IMEI-кодов задействованных при распространении вредоносного ПО мобильных средств связи; электронных адресов и т. п. Стоит также отметить, что с учетом развития технологий возможно создание и распространение вредоносного ПО с применением технологий искусственного интеллекта с возможностью автоматической адаптации к системам защиты; методов машинного обучения для поиска уязвимостей в легальном ПО; генерации кода для обхода антивирусных сигнатур; интеграции их в мультимедиа контент.

Преступления, связанные с созданием, использованием и распространением вредоносного ПО, как правило, совершаются в условиях анонимности, с помощью эффективных методов сокрытия цифровых следов неправомерных воздействий. Обстановка совершения рассматриваемого преступления предполагает как непосредственный доступ к объекту посягательства (преимущественно в момент отсутствия потенциальной жертвы), так и удаленный (при наличии подключения к сети Интернет) и применение программно-аппаратных средств.

Местом совершения указанного преступления являются как конкретные компьютеры, серверы или информационные системы, так и локальные территории, учреждения и организации, в которых эксплу-

атируется объект воздействия либо критическая информационная инфраструктура. Довольно часто местом совершения преступления становится локация, где физически располагается средство совершения преступления (компьютеры и серверное оборудование, в том числе арендованные), облачные хранилища, а также веб-сайты и ресурсы сети Даркнет.

В подавляющем большинстве случаев местом (средой) использования и распространения вредоносных компьютерных программ выступает киберпространство ввиду его распространенности среди населения, реже — метапространство, блокчейн (распределенные реестры) либо гибридные инфраструктуры (распределенные облачные системы хранения данных и пр.). Таким образом, как правило, место реализации преступного умысла в интернет-пространстве — локация, где фактически располагалось компьютерное оборудование, посредством которого воплощен преступный план. Данная локация не ограничивается городом, территорией или конкретной страной, поскольку зачастую рассматриваемый вид преступлений носит трансграничный характер.

Временем совершения преступления признается время окончания преступного деяния вне зависимости от момента наступления последствий. Время создания, использования и распространения вредоносного ПО не всегда устанавливается точно, поскольку совершение преступления часто связано с задействованием различных компьютеров, ПО, информационных систем и прочего, реестры функционирования которых бывает довольно сложно сопоставить. Кроме того, работа указанных средств связана со временем, установленным в их системе, и оно может быть легко изменено преступником в целях искажения типичных следов.

Создание, использование и распространение вредоносного ПО ограничено временными рамками, и в зависимости от специфики конкретного случая может возникнуть необходимость определения времени создания ПО или наступления вредоносных последствий. Разработка вредоносных программ может быть довольно длительной, а процесс распространения или внедрения в систему отдельно взятого пользователя занимать считанные секунды.

Как правило, лицо, разрабатывающее, использующее и распространяющее вредоносное ПО, имеет высшее или среднее инженерно-техническое [20, с. 219] образование, обладает навыками программирования и системного администрирования сетей, а также знаниями в области информационных технологий, сетевой безопасности, криптографии, реверс-инжиниринга, в сфере оборота электронных средств платежей, банковской деятельности и международных платежных систем, национальной платежной системы Российской Федерации. Совершаемые преступления часто носят серийный характер ввиду массовости распространения идентичного ПО и сопровождаются тщательными действиями по сокрытию следов преступной деятельности. Анализ уголовных дел показывает, что преступники часто являются бывшими сотрудниками компаний, обладающими инсайдерской информацией, тщательно готовятся к атаке конкретного лица или объекта.

Основными мотивами создания, использования и распространения вредоносного ПО выступают корыстные побуждения (получение материальной выгоды), личная неприязнь к объекту воздействия, вымогательство или мошенничество, хулиганство [21, с. 186], вандализм (разрушение информационных систем, атаки на технические средства, стремление манипулировать системами и пр.), шпионаж (например, получение сведений экономической направленности, о личной жизни) и пр.

Предметом рассматриваемого преступления является вредоносное ПО, а также иная компьютерная информация, обрабатываемая на компьютерах или в информационных системах, не являющаяся программой, но способная нанести вредоносное воздействие.

Личность потерпевшего можно связать с владельцем (пользователем) объекта, в отношении которого использовалось вредоносное ПО, либо лицом, правам и законным интересам которого причинен вред. Потерпевших по указанным преступлениям также можно разделить на категории по принадлежности к физическим или юридическим лицам, а также к государственным структурам.

Исходя из анализа сложившейся за последние несколько лет следственной и судебной практики, необходимо отметить отличительные особенности личности потерпевшего по рассматриваемому виду преступления. Потерпевшим является физическое, юридическое лицо или государственная структура, которым причинен вред в результате преступного деяния, связанного с распространением вредоносного ПО.

Типичная жертва среди физических лиц — пользователь сети Интернет, который не обладает специальными знаниями в области кибербезопасности, активный пользователь интернет-сервисов или сотрудник государственных органов (инженер-программист, аналитик, системный администратор, администратор информационной безопасности и пр.), ставший мишенью атаки, направленной на получение доступа к служебной системе. Среди юридических лиц типичными пострадавшими становятся коммерческие компании, производственные предприятия, образовательные и научные учреждения, средства массовой информации. Все чаще объектом воздействия становится критическая информационная инфраструктура Российской Федерации. Также потерпевшими признаются государственные органы власти, силовые структуры, нередко — медицинские учреждения.

Психологическими и поведенческими чертами и иными особенностями личности потерпевших от рассматриваемых деяний являются недостаточная цифровая грамотность, излишняя доверчивость, высокая активность в цифровом пространстве, наличие критически значимой информации, отказ от применения антивирусного ПО, использование слабой защиты данных авторизации, устаревшего ПО и пр.

Таким образом, можно сделать вывод, что криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации, связанных с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ, фактически представляет собой информационно-теоретическую базу для создания типовых алгоритмов их расследования и программного обеспечения в виде систем поддержки

принятия решений. Изложенное позволяет сделать вывод о возможности формирования на их основе цифрового двойника преступления в виде его цифровой копии, позволяющей оптимизировать эффективность расследования. В качестве исходных дополнительных данных для построения такого рода информационно-компьютерной модели как объекта познания [22, с. 72] могут быть отобраны условные признаки, которые в наибольшей степени влияют на прогноз раскрываемости (взятые, например, из статистических карт по преступлениям прошлых лет) и, по сути, выступают значимыми элементами криминалистической характеристики преступления. Такого рода обучающую выборку для предлагаемой системы необходимо выявлять с учетом современного развития информационных технологий и тенденций их применения в противоправной деятельности.

Технологии, основанные на методах обработки больших данных, математической статистики, искусственного интеллекта и алгоритмах машинного обучения, могут предоставить возможность построения типовых криминалистических характеристик преступлений в виде цифровых моделей, отображаемых в машиночитаемой форме и представленных сведениями о криминалистически значимых признаках и их корреляционных связях между математическими категориями, уравнениями или неравенствами. Модели такого рода могут использоваться следователями для получения знаний о преступлениях различных видов либо для разработки специального ПО, сопровождающего следственную и судебно-экспертную деятельность.

Для построения цифровой модели преступления необходимо выделение корреляционных связей между элементами криминалистической характеристики преступлений, что удобнее всего осуществлять с применением математических методов и алгоритмов машинного обучения. При этом определить корреляционные связи между указанными элементами позволит лишь детализация всех возможных способов совершения преступлений в сфере компьютерной информации (тактик преступников), средств (техник, используемых преступниками), оставляемых ими следов и прочих составляющих. Детализация способов совершения преступлений, в свою очередь, сформирует основу для построения цифровой модели преступления в сфере компьютерной информации (цифрового двойника преступления), которая позволит моделировать полную структуру преступной деятельности (подготовка, совершение и сокрытие преступления), а также ход его расследования в цифровом виде на основе предварительно обученных алгоритмов искусственного интеллекта, при этом с анализом взаимосвязи путем сопоставления способов совершения преступлений (тактик) со средствами совершения преступлений (техниками), оставляющими цифровые следы.

Таким образом, цифровой двойник преступления, построенный на основе соответствующей современным реалиям криминалистической характеристики, будет представлять собой виртуальную модель, отражающую состояние и динамику реального преступления, связанного с

созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ, а в аналогии — и с иными преступными деяниями в сфере компьютерной информации. Указанное позволит:

- разработать специализированное ПО в виде системы поддержки принятия решений для специалистов, задействованных в расследовании и раскрытии преступлений рассматриваемого вида, с возможностью прогнозирования хода следственных действий;
- исследовать различные сценарии совершения преступных деяний;
- формировать на основе выявленного содержания элементов криминалистической характеристики преступлений новые криминалистические учеты цифровых доказательств и пр.

Список литературы

1. Бертовский Л. В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2021. №25(4). С. 735 — 749. doi: 10.22363/2313-2337-2021-25-4-735-749.
2. Образование для правосудия: модуль «Введение в цифровую криминалистику. Киберпреступность». Глобальная программа Дохинской декларации // УНП ООН. URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/cybercrime/cybercrime_module_4_introduction_to_digital_forensics_ru.pdf (дата обращения: 25.04.2025).
3. Федотов Н. Н. Форензика — компьютерная криминалистика. М., 2012.
4. Полякова Т. А., Минбалиев А. В., Кроткова Н. В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. №5. С. 75—87. doi: 10.31857/S013207690009678-7.
5. Гончарова М. В., Бабаев М. М., Черкасов Р. В. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 года и ожидаемые тенденции ее развития. М., 2025.
6. Джола В. А. Использование Big Data при назначении и проведении судебно-экологических экспертиз // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №2. С. 26 — 33. doi: 10.5922/sikbfu-2024-2-3.
7. Волчецкая Т. С. Учение о криминалистических ситуациях: генезис, современное состояние и перспективы развития // Союз криминалистов и криминологов. 2019. №2. С. 59 — 64. doi: 10.31085/2310-8681-2019-2-222-59-64.
8. Варданян А. В., Макаренко И. А. Дискредитация субъектов раскрытия и расследования преступлений и криминалистические методы ее нейтрализации // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, №5. С. 638 — 645. doi: 10.17150/2500-4255.2022.16(5).638-645.
9. Классификация и типы вредоносного программного обеспечения // Лаборатория Касперского. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/malware-classifications> (дата обращения: 25.04.2025).
10. Зеленский В. Д. Криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп преступлений. Краснодар, 2013.
11. Каневский Л. Л. Разработка типовых криминалистических характеристик преступлений и их использование в процессе расследования // Российский юридический журнал. 2000. №2 (26). С. 101 — 111.
12. О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России №39, МВД России №1070, МЧС России №1021, Минюста России №253, ФСБ России №780, Минэкономразвития России №353, ФСКН России №399 от 29 декабря 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О создании государственных информационных систем по противодействию правонарушениям (преступлениям), совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 25 марта 2025 г. №41-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция вредоносных программ как способов совершения компьютерных преступлений: классификации и технологии противоправного использования // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, №5. С. 699–709. doi: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).699-709.

15. Антонян Е.А., Россинская Е.Р., Клещина Е.Н. Обзор правоприменительной практики по противодействию киберпреступлений. М., 2024.

16. Вехов В.Б. Цифровая криминалистика транспортных средств // Мир криминалистики. 2024. №2. С. 15–20.

17. Белей А.В., Томская С.И. Компьютерное криминалистическое исследование вредоносного программного обеспечения // Правовая информатика. 2023. №2. С. 102–112. doi: 10.21681/1994-1404-2023-2-102-112.

18. Богомолова А.Г., Кот Е.А. Криминалистические аспекты кибербуллинга как формы деструктивного поведения в сети Интернет // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №2. С. 25–32. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-3.

19. База данных угроз безопасности информации «Mitre Att&ck» // Mitre. URL: <https://attack.mitre.org> (дата обращения: 25.04.2025).

20. Абдулвалиев А.Ф. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования. Тюмень, 2021.

21. Макаренко И.А. Тактические особенности получения информации о личности преступника при производстве осмотра места происшествия // Актуальные проблемы криминалистической тактики: матер. междунар. науч.-практ. конф. М., 2014. С. 184–188.

22. Макаренко И.А., Эксархонупо А.А. Современное состояние и проблемы развития понятийного аппарата учения о предмете криминалистики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. №4. С. 64–74. doi: 10.17150/2411-6122.2024.4.64-74.

Об авторе

Зарина Ирековна Харисова — канд. техн. наук, доц., Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.

E-mail: zarinaid@mail.ru

SPIN-Code: 8293-1823

ORCID: 0000-0002-3902-3459

Z. I. Kharisova

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE CREATION, USE AND DISTRIBUTION OF MALICIOUS SOFTWARE

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Received 05 May 2025

Accepted 15 May 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-2

To cite this article: Kharisova Z.I. 2025, Forensic characteristics of creation, use and distribution of malicious computer programs, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 20–33. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-2.

Malicious software and viral phishing attacks have remained for several consecutive years among the most effective tools for infiltrating information infrastructure. In the vast majority of cases, the exploitation of malicious software is associated with gaining access to systems containing confidential information and its theft, which constitutes the least costly method for delivering and executing malicious code on a recipient's device. Given that the increase in unlawful acts related to the creation, use, and distribution of malicious computer programs is a significant factor in the self-reproduction of cybercrime, it is reasonable to explore the possibilities for optimizing their investigation process, in particular by examining the elements that comprise their forensic profile. The object of the study is the legal relationships arising in the investigation of crimes in the field of computer information associated with the creation, use, and distribution of malicious computer programs. The main goal is to reveal the content of the elements of the forensic profile of these offenses, taking into account the current development of information technologies and trends in the exploitation of malicious software. The theoretical significance of the study lies in the description of the forensic profile of the examined crimes, which may serve as the basis for forming their informational model (digital twins), and this constitutes the conceptual scientific novelty. The applied value of typical forensic profiles of crimes in the field of computer information lies in their potential use for the development of specific forensic investigation techniques, the creation of new forensic records based on digital evidence databases, and the design of specialized software in the form of decision support systems used, for example, in the formulation of investigative hypotheses and planning of investigations.

Keywords: cybercrime, malicious software, criminalistic characteristics of crimes, digital model of crime, digital twin, digital forensics, artificial intelligence

The author

Dr Zarina I. Kharisova, Associate Professor, Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

E-mail: zarinaid@mail.ru

SPIN-Code: 8293-1823

ORCID: 0000-0002-3902-3459

И. А. Орешков

**ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ,
СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В ЭЛЕКТРОННЫХ СООБЩЕНИЯХ,
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 14.01.2025 г.

Принята к публикации 10.03.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-3

34

Для цитирования: Орешков И. А. Проблемы получения доказательственной информации, содержащейся в электронных сообщениях, при расследовании преступлений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №2. С. 34–44. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-3.

Исследованы актуальные проблемы, возникающие в процессе расследования преступлений, связанных с получением информации, содержащейся в электронных сообщениях. В ходе исследования проведен анализ следственной практики, складывающейся при производстве следственного действия «выемка электронных сообщений в организациях, осуществляющих передачу данных по сетям связи». Выделены тактические и организационные проблемы, возникающие при проведении следственных действий, связанных с выемкой электронных сообщений в организациях, обеспечивающих их передачу посредством информационно-коммуникационной сети, проведен анализ ситуационной обусловленности проведения следственных действий, связанных с выемкой электронных сообщений, а также проблем, возникающих при их проведении. Цель научного исследования – разработка научно обоснованных рекомендаций по производству следственных действий, связанных с выемкой информации, содержащейся в электронных сообщениях. Материалами исследования послужили труды отечественных специалистов в области криминалистики, посвященные изучению проблем применения информационных технологий при расследовании преступлений; нормативные акты, регламентирующие процедуры выемки электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений. В ходе исследования применялись методы анализа, систематизации и обобщения информации. В результате исследования выявлены недостатки процедуры проведения указанного следственного дела и отмечены преимущества. Даны методические рекомендации по тактике и методике проведения следственных действий, связанных с выемкой электронных и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений. Разработан алгоритм, содержащий комплекс следственных действий, направленный на установление наиболее полной и объективной совокупности электронных следов при расследовании преступлений различной направленности.

Ключевые слова: криминалистическое исследование, электронные сообщения, выемка сообщений, электронная почта, мессенджеры

При расследовании преступлений, в том числе в сфере экономики, можно отметить, что основополагающим способом получения электронных доказательств является изъятие электронных носителей и последующий анализ находящейся в них информации, в том числе и связанный с изучением электронных сообщений, находящихся в памяти указанных устройств или в облачных хранилищах, доступ к которым осуществляется посредством изъятых электронных носителей информации.

Вместе с тем при расследовании преступлений нередки случаи, когда необходимые электронные носители информации, в том числе содержащие электронные сообщения, переписки, не представляется возможным обнаружить в ходе следственных действий. Обычно подобные ситуации связаны с попытками воспрепятствовать расследованию через умышленное сокрытие или уничтожение носителей информации. Кроме того, другим фактором может быть то, что обнаруженные электронные устройства, к которым могут относиться мобильные телефоны (смартфоны), ноутбуки, настольные компьютеры и планшеты, зачастую оборудованы надежными средствами защиты. Без введения пароля доступ к таким устройствам может оказаться невозможным даже при проведении специальных исследований или экспертиз. Среди подобных электронных устройств можно выделить мобильные телефоны и ноутбуки, функционирующие на операционной системе iOS. В эту группу попадают не только известные продукты компании Apple, такие как iPhone или MacBook, но и аналогичные устройства от других производителей.

Указанные факторы обуславливают необходимость поиска иных средств и методов получения доказательственной информации посредством альтернативных источников [1, с. 151].

Прежде всего речь идет о возможностях доступа к СМС-сообщениям, электронным письмам, а также к переписке в социальных сетях и мессенджерах в организациях, обеспечивающих их передачу.

Рассматривая вопросы получения доказательственной информации, содержащейся в электронных сообщениях, необходимо первоначально определить содержание указанного понятия. В федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2024) под электронным сообщением понимается информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети [9].

В криминалистике имеются различные точки зрения относительно трактовки определения электронных сообщений. Так, Ю.Н. Соколов считает, что это «электронные сообщения, создаваемые электронными устройствами с вложенными в них текстовыми, графическими, видео- и аудиофайлами [8, с. 272].

По мнению А.Н. Першина, «электронное сообщение отличается языковыми знаками компьютерного программирования и может нахо-

дятся на машинных носителях постоянной или временной памяти или в электронно-волновой среде информационно-телекоммуникационных сетей» [6, с. 35].

С точки зрения Е. В. Никитиной и В. С. Раменской «электронное сообщение — сообщение, передаваемое по сетям электросвязи, которое может быть представлено как в форме текста, так и в ином виде (фото, видео)» [5, с. 26].

Резюмируя законодательные и научные формулировки понимания понятия электронных сообщений, можно отметить, что основными отличительными чертами электронных сообщений является факт их создания посредством электронного устройства и последующей передачи через информационно-телекоммуникационную сеть.

Таким образом, электронными сообщениями, например, нельзя признавать сообщения, передаваемые посредством радиосвязи, либо информацию, сохраненную на персональном компьютере в виде файла, но фактически не направленную посредством информационно-телекоммуникационной сети адресату, как и нельзя таковой считать информацию, сохраненную на электронных носителях, которые пересылаются посредством средств почтовой связи, курьерских организаций и т. д.

Альтернативным способом сбора цифровых доказательств в процессе расследования преступлений являются такие следственные действия, как выемка электронных сообщений в организациях, осуществляющих передачу данных по сетям связи и получение данных о соединениях между абонентами и их устройствами. Кроме того, к этой категории методов можно отнести отправку следственных запросов интернет-провайдерам и операторам связи. Эти действия подразумевают обращение к указанным провайдерам для получения доказательственной информации, которую они хранят на своих серверах. Таким образом, использование таких методов позволяет следственным органам эффективно запрашивать необходимую информацию и проводить более углубленное исследование цифровых следов, оставляемых пользователями в сети.

В настоящее время существуют методы получения такой информации на практике. Российские интернет-провайдеры и компании, предоставляющие сетевые услуги, в ответ на запросы правоохранительных органов передают данные, необходимые для ведения расследований. Это включает сведения о местоположении устройств, которые подключены к интернету по их IP-адресам.

В дополнение к этому в российских учреждениях, осуществляющих обмен сообщениями через сети электросвязи, в соответствии с судебным постановлением может быть осуществлена конфискация электронной почты и сообщений в социальных медиаплатформах. Этот механизм законодательно установлен в ч. 7 ст. 185 УПК РФ и был введен в действие в 2016 г. На практике он заключается в получении судебного решения в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ, и последующей выемке информации на основании этого решения в орга-

низациях, обеспечивающих передачу информации по сетям электро-связи, таких как почтовые сервисы и социальные сети. При этом в ходатайстве к суду о проведении выемки крайне важно указать на необходимость изъятия как существующих электронных сообщений на почтовом ящике в настоящее время, так и удаленных сообщений.

Как уже упоминалось, важно подать соответствующее ходатайство как можно раньше, так как удаленные данные хранятся на серверах компании — почтового сервиса лишь в течение полугода после их уничтожения.

Таким образом, принимая во внимание как время, затраченное на выявление преступления, так и период, необходимый для его расследования, можно утверждать, что электронная доказательственная информация в случае непринятия своевременных мер, направленных на ее изъятие, может быть безвозвратно утеряна. Ввиду этого нами был разработан специальный алгоритм, направленный на установление наибольшего количества электронных следов при расследовании преступлений различной направленности. Указанный алгоритм является универсальным применительно к расследованию как преступлений в сфере экономики, так и преступлений общеуголовной и коррупционной направленности. Данный алгоритм заключается в выполнении комплекса следственных и процессуальных действий, которые условно были нами разделены на три стадии. Первой стадией является сбор следственным путем информации о лицах (технических устройствах, абонентских номерах и т.д.), где может быть обнаружена криминалистически значимая информация [7, с. 126]. На второй стадии следователю необходимо спланировать и организовать проведение обысков или выемок. С целью изъятия электронных устройств, на которых может обнаружиться информация, представляющая интерес для следствия, проводятся следственные действия в местах проживания подозреваемых, а также на их рабочих местах или в местах выполнения служебных обязанностей. Третий этап включает в себя получение судебных постановлений, на основании которых осуществляется изъятие электронных сообщений и данных, хранящихся в облачных сервисах, в организациях, предоставляющих услуги передачи электронных сообщений.

При осуществлении предложенного алгоритма следственных и процессуальных действий возможно получить оптимальное количество доказательной информации как хранящейся на электронных носителях информации, так и передаваемой по сетям электросвязи, но которая ввиду противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц может быть удалена с технических средств, где ранее могла храниться.

Так, при расследовании уголовного дела по обвинению А. в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса РФ, которое было возбуждено более чем через два года после совершения преступления, следователь в целях полноты сбора доказательственной информации и совокупности электронных следов, обратился с ходатайством в суд о производстве выемки электронных сооб-

щений, сохраненных и в том числе удаленных в отношении электронного почтового ящика n.....@mail.ru. После получения решения суда, разрешающего производство данного следственного действия, следователь с указанным решением суда прибыл в организацию, обеспечивающую передачу электронных сообщений — ООО «ВК», однако в ходе выемки выяснилось, что почтовый ящик пуст, что в том числе свидетельствует о том, что сообщения, которые там ранее находились, могли быть удалены, а срок хранения таких сообщений на серверах подобных организаций составляет 6 месяцев. Это означает, что даже при выполнении всех условий предложенного нами алгоритма следователь мог столкнуться с ситуацией, когда электронный почтовый ящик оказался пустым. Существует вероятность, что данная переписка была удалена на более раннем этапе — во время выявления и закрепления вышеуказанных обстоятельств в рамках оперативно-розыскных мероприятий либо на стадии проверки факта преступления в соответствии со ст. 144, 145 УПК РФ.

При обсуждении данного вопроса следует акцентировать внимание на том, что на самом деле органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, имеют право проводить оперативно-розыскные мероприятия, направленные на получение информации из электронных почтовых ящиков. Это возможно посредством проведения ОРМ «Наведение справок» или «Получение компьютерной информации» с предварительным получением разрешения суда. Такое тщательно спланированное проведение оперативно-розыскных мероприятий в случае необходимости длительной разработки преступной деятельности отдельных лиц или преступных групп может повысить качество дальнейшего доказывания вины конкретных лиц за совершение преступлений. Это также поможет предотвратить утрату существенно важных электронных улик, которые с трудом могут быть установлены в процессе расследования уголовного дела.

Кроме того, одной из ключевых рекомендаций является истребование в организациях, администрирующих сервисы электронной почты, социальные сети и мессенджеры, информации о регистрационных данных, указанных пользователем при создании аккаунта и электронного адреса, а также IP-адресов, с которых осуществлялась регистрация и активация при отправке сообщений. Наличие этих данных в совокупности имеет доказательное значение, подтверждающее факт общения конкретного лица.

Вместе с этим закрепленный в ч. 7 ст. 185 УПК РФ механизм изъятия электронных сообщений в организациях, обеспечивающих передачу сообщений по сетям электросвязи, в криминалистике вызывает много критики. В частности, ученые утверждают, что установленный в ч. 7 ст. 185 УПК РФ порядок производства выемки электронных сообщений противоречит порядку производства наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки, установленному ст. 185 УПК РФ, а не дополняет его. Указанные авторы свою научную позицию мотивируют тем, что сам механизм обмена электронными со-

общениями не предполагает возможность ареста указанных сообщений и их физическую выемку, поскольку они являются электронной информацией, также в результате следственного действия могут быть изготовлены лишь копии с серверов организаций, обеспечивающих передачу сообщений по сетям электросвязи [4, с. 29].

Указанный вопрос, на наш взгляд, является дискуссионным. Действительно, арест указанных сообщений в том понимании, который наиболее относится к почтовым отправлениям и связан с физической задержкой почтовых отправлений, их осмотром следователем в учреждении связи и последующим принятием решения о его копировании и дальнейшей отправке адресату, совсем не применим к сообщениям указанного вида.

Сама концепция отправки электронных сообщений заключается в мгновенном обмене сообщениями. Ввиду этого проработка моделей ареста, задержания и копирования указанной информации в аналогии с почтовыми отправлениями, на наш взгляд, является неприменимой к сообщениям данного вида.

Так, в социальных сетях или мессенджерах есть функции, предусматривающие оповещение о доставленном сообщении, а также о факте его прочтения. В связи с этим отсутствие оповещения о факте доставки и прочтении сообщения может спровоцировать у интересующего следствия лица подозрение о факте контроля этих сообщений со стороны правоохранительных органов. Кроме этого сама переписка может вестись непрерывно на протяжении определенного периода времени и в своей совокупности нести доказательственное значение, а какие-либо ее фрагменты, вырванные из контекста, не будут отражать полной картины событий, о которых идет речь.

Учитывая перечисленные обстоятельства, можно сделать вывод, что в ч. 7 ст. 185 УПК РФ не предусмотрено законодательное закрепление возможности ареста электронных сообщений и данных, пересылаемых через сети связи. В законе лишь указана возможность их осмотра и выемки.

Тем не менее в юридической науке существует мнение о том, что указанная норма права необоснованно включена в ст. 185 УПК РФ из-за отсутствия возможности произвести арест указанной корреспонденции, а также физическую выемку указанных сообщений ввиду их природы. Некоторые ученые в таком контексте предлагают выделить и законодательно регламентировать иные — новые — следственные действия, назвав их «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также информации, содержащейся в сообщениях, передаваемых посредством сервисов электронной почты, обмена мгновенными сообщениями или иным подобным образом» [3, с. 251], «копирование и осмотр электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений» [2, с. 479], «получение информации об электронных сообщениях, их копирование и осмотр» [5, с. 29].

Не разделяя вышеизложенные взгляды, но при этом не умаляя ценности представленных исследований, мы полагаем, что определение

следственного действия, связанного с изъятием электронных сообщений в процессе расследования уголовных дел непосредственно в организациях, обеспечивающих их передачу, регламентированное в законодательстве в настоящее время, является самым целесообразным и универсальным.

Рассматривая практику изъятия электронных сообщений или других данных, которые передаются по сетям связи, следует отметить, что фактически она сводится к двум основным действиям. Первое — получение решения суда о разрешении выемки электронных сообщений; второе — на основании полученного судебного решения выемка указанных сообщений, скопированных с серверов и сохраненных на материальный носитель в организации, обеспечивающей обмен указанными сообщениями.

Несмотря на то что вышеперечисленный способ получения доказательственной информации связан с выемкой носителя со скопированными сообщениями, мы считаем, что законодательно регулируемое понятие «выемка» является наиболее точным и широким — позволяющим на основании судебных решений проводить как выемку материальных носителей, содержащих уже скопированную с сервера информацию, так и выемку, связанную с самостоятельным просмотром имеющихся на сервере организации электронных сообщений с помощью привлеченного специалиста и проводить изъятие указанных сообщений с серверов организации с последующим ограничением доступа к ним на сервере со стороны каких-либо иных лиц, включая сотрудников указанной организации, обеспечивающей их передачу по сетям электросвязи. Таким образом, описанный выше способ получения доказательственной информации подразумевает под собой «перемещение», а не «копирование» информации.

Выемка электронных сообщений вышеописанным способом, а именно посредством их перемещения с сервера организации на другой электронный носитель информации, может проводиться, например, в тех следственных ситуациях, при которых требуется получить электронные сообщения и сведения о них в организациях, использующих собственные домены электронной почты. Во многих крупных организациях имеются собственные домены корпоративной почты, которая администрируется непосредственно самой организацией либо имеет собственный сервер.

Проводить выемку электронных сообщений с сервера указанных организаций посредством изъятия копий электронных сообщений, предварительно записанных на электронный носитель сотрудниками указанных организаций, во многих случаях будет тактически не верно. Зачастую руководители таких организаций не заинтересованы в предоставлении следователю полной и объективной картины электронной переписки корпоративной почты. Ввиду этого не исключен факт того, что следователю может быть предоставлена искаженная либо неполная информация. Эти обстоятельства подтверждают необходимость прове-

дения следственного действия — изъятия сведений, содержащихся в электронных сообщениях на почтовых ящиках таких организаций, описанным нами выше способом их «перемещения».

Правовым обоснованием для изъятия указанных сообщений является решение суда, поскольку данное следственное действие затрагивает конституционное право личности на тайну переписки. Как известно, ограничение конституционных прав граждан допустимо исключительно на основании судебного постановления. Мы разделяем научные мнения, согласно которым изъятие электронных сообщений невозможно без соответствующего решения суда.

Таким образом, мы считаем, что в целях выемки электронных сообщений, фактически сохраненных на корпоративных почтовых серверах посредством их «перемещения», следует в ходатайстве перед судом обосновать и мотивировать необходимость изъятия именно таким способом. Полагаем, что не нужно законодательно пытаться сузить предоставленную следственным органам возможность выбора тактики производства следственного действия, заключающегося в выемке информации, содержащейся в электронных сообщениях, сводя его только к копированию указанной информации с серверов организаций, осуществляющих их передачу посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Существуют и другие проблемы, касающиеся изъятия электронных сообщений при расследовании преступлений. Например, сложность представляет получение данных об электронных переписках из зарубежных компаний, осуществляющих интернет-услуги, таких как Gmail, WhatsApp¹ и Telegram. Причин для затруднений несколько. Одна из них — ограниченное время хранения информации на серверах, что обусловлено законодательствами других стран и международными нормами. Кроме того, используется так называемое «сквозное шифрование», благодаря которому пересылаемые через чаты сообщения практически не сохраняются.

Дополнительные трудности возникают при обращении в компетентные органы зарубежных стран с запросами о правовой помощи в соответствии со ст. 453 УПК РФ. Эти препятствия связаны как с продолжительностью процесса подачи запросов и получения требуемой информации, так и с возможными рисками отказа в предоставлении таких данных. Согласно международным соглашениям, подписанным с Россией, иностранные власти могут отклонить такие запросы. Основания для отказа в исполнении запроса о правовой помощи, например, могут заключаться в том, что расследуемое деяние не является преступлением по уголовному закону иностранного государства или если запрашиваемые сведения могут угрожать его интересам.

Кроме того, наличие международного соглашения, подписанного между Российской Федерацией и данным государством, является одним из оснований для подачи запроса о правовой помощи в компетентные органы иностранного государства согласно ст. 453 УПК РФ.

---

¹ Приложение WhatsApp принадлежит компании *Meta*, которая признана в России экстремистской и запрещена.

Отсутствие заключенного Российской Федерацией и иностранным государством международно-правового договора об оказании взаимной правовой помощи по уголовным делам может быть причиной для отказа в удовлетворении запроса о правовой помощи, так как иностранное государство не будет иметь обязательств по его исполнению согласно действующему законодательству.

Мессенджеры имеют уникальные характеристики и установленные регламенты, которые определяют основания, условия и методы сотрудничества с органами правопорядка. Игнорирование этих норм может вызвать отказ зарубежного провайдера услуг в предоставлении требуемой информации, в том числе из-за ее отсутствия.

Тем не менее в случаях отыскания электронных доказательств в виде переписок в иностранных социальных сетях и мессенджерах, как ранее нами говорилось, следует своевременно планировать и проводить следственные действия по изъятию именно электронных носителей информации в целях установления, фиксации и в необходимых случаях восстановления сообщений, в том числе экспертным путем, которые могут иметь доказательственное значение для расследования уголовного дела.

Таким образом, получение доказательственной информации посредством проведения выемки электронных сообщений в учреждениях и организациях, обеспечивающих их передачу посредством сети Интернет имеет ряд отличительных особенностей, знание которых позволяет следователю более грамотно, рационально и эффективно планировать комплекс следственных действий как на первоначальном, так и на последующих этапах расследования преступлений. Знание указанных особенностей и соблюдение разработанных нами алгоритмов также способствуют принятию своевременных, всесторонних и объективных мер, направленных на установление, фиксацию и закрепление следов преступления (в том числе электронных следов, хранящихся на серверах организаций, обеспечивающих передачу электронных сообщений посредством информационно-телекоммуникационной сети), а также направленных на предотвращение возможной утраты этих следов.

Список литературы

1. Волчецкая Т.С. Влияние цифровых технологий на современное развитие криминалистической науки // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании : сб. матер. междунар. науч.-практ. форума. Калининград, 2021. С. 148–155.
2. Гарипов Т.И. Вопросы процессуальной регламентации копирования и осмотра электронных сообщений в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, №4. С. 475–481. doi: 10.24420/KUI.2019.79.74.012.
3. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.
4. Мещеряков В.А. «Виртуальные следы» под «Скальпелем Оккама» / Информационная безопасность регионов. Саратов, 2009. С. 28–33.

5. Никитина Е.В., Раменская В.С. Проблемы законодательного регулирования следственного действия, направленного на получение доступа к электронным сообщениям // Российское право: образование, практика, наука. 2022. №2. С. 25–32. doi: 10.34076/2410_2709_2022_2_25.

6. Першин А.Н. Электронный документ и электронное сообщение: понятие и особенности поиска в электронной среде // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015 С. 34–38.

7. Рамалданов Х.Х. Понятие и сущность цифровизации доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. №1. С. 121–128.

8. Соколов Ю.Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 2023.

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 24.06.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Об авторе

Иван Андреевич Орешков — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: vsmile777@mail.ru

I. A. Oreshkov

PROBLEMS OF OBTAINING EVIDENTIARY INFORMATION CONTAINED IN ELECTRONIC MESSAGES DURING CRIME INVESTIGATION

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 14 January 2025

Accepted 10 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-3

To cite this article: Oreshkov I.A. 2025, Problems of obtaining evidentiary information contained in electronic messages during crime investigation, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 34–44. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-3.

The study examines current issues arising in the course of investigating crimes related to the acquisition of information contained in electronic communications. The research includes an analysis of investigative practices formed in the execution of the procedural action "seizure of electronic messages in organizations engaged in data transmission over communication networks." Tactical and organizational problems encountered during investigative actions involving the seizure of electronic messages in organizations that provide their transmission via information and communication networks are identified. An analysis is conducted on the situational conditionality of conducting investigative actions related to the seizure of electronic messages, as well as the challenges faced in this process. The objective of the scientific study is to develop scientifically grounded recommendations for conducting investigative actions related to the seizure of information contained in electronic messages. The study draws on the works of domestic experts in the field of forensics, focusing on the use of information technologies in crime investigations; normative legal acts regulating the procedures for seizing electronic messages and other communications transmitted over telecommunications networks. The research employed methods of analysis, systematization, and generalization of information. As a result of the study, deficiencies in the procedures for conducting the specified

investigative actions were identified, and advantages were noted. Methodological recommendations are provided regarding the tactics and methods of conducting investigative actions related to the seizure of electronic and other communications transmitted over telecommunications networks. An algorithm was developed containing a set of investigative measures aimed at establishing the most complete and objective body of electronic evidence in the investigation of various types of crimes.

Keywords: forensic investigation, electronic messages, message extraction, e-mail, messengers

The author

Ivan A. Oreshkov, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: vsmile777@mail.ru

УДК 9:94(4)

С. С. Ходячих

«МЕЖДУ ДВУМЯ УГЛОВЫМИ, ПРЯМО ЗА МОЕЙ СПИНОЙ, БЫЛИ УМЕРЩВЛЕНЫ ГАЗОМ ТРИ ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК»: ФУТБОЛ В КОНЦЛАГЕРЕ АУШВИЦ

45

ФК «Динамо-Москва», Москва, Россия

Поступила в редакцию 24.10.2024 г.

Принята к публикации 20.02.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-4

Для цитирования: Ходячих С.С. «Между двумя угловыми, прямо за моей спиной, были умерщвлены газом три тысячи человек»: футбол в концлагере Аушвиц // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №2. С. 45—60. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-4.

Анализируется феномен спортивной игры в футбол в немецком нацистском концентрационном лагере Аушвиц в период с 1940 по 1945 г. При этом Аушвиц был далеко не единственным концлагерем, где проводились футбольные матчи и даже целые турниры, свои чемпионаты были в Бухенвальде, Терезиенштадте, Гросс-Розене. Исследуется дуальность понятия «спорт» в интерпретации лагерной администрации: спортом нацисты считали не только состязания, но и физические издевательства над заключенными, что ряд исследователей называет «квазиспортом». Приводятся свидетельства выживших узников о футбольных матчах, устраиваемых эсэсовцами в Аушвице, в том числе подробно анализируется самая известная игра, состоявшаяся в 1944 г. между нацистами и членами зондеркоманды. В настоящей статье предпринимается попытка изучения различных аспектов игры в футбол в Аушвице на материале источников личного происхождения, ставится цель выявить максимальное количество свидетельств о проводимых в концлагере футбольных матчах, а также восстановить имена их участников. Исследование такой темы, как футбол в Аушвице, подтверждает, что даже в самых экстремальных условиях, когда жизнь стояла на грани уничтожения, существовало стремление к самовыражению и сохранению человеческой природы. Для узников футбол имел символическое значение — это была не только попытка уйти от жестокой реальности, но и своего рода убежище, пространство, где они могли, пусть и ненадолго, почувствовать себя свободными.

Ключевые слова: концентрационный лагерь Аушвиц, заключенные, нацизм, футбол, история спорта, история Германии, история Польши, Вторая мировая война

Строки, вынесенные в заголовок данной статьи, принадлежат польскому поэту и прозаику, бывшему узнику концлагерей Аушвиц и Дахау Тадеушу Боровскому, который в своих воспоминаниях оставил шо-

кирующие описания лагерной повседневности. В новелле «Люди, которые шли и шли» [8, р. 84] он рассказывает о том, как заключенные играли в футбол на фоне дымящихся труб крематориев, где каждый день умерщвлялись тысячи людей.

Заключенные, доведенные до физического и морального истощения, жили в нечеловеческих условиях и терпели постоянные унижения. Однако в этом мире перманентного зла, внутри первого круга концентрационного ада находился другой круг, в котором были стихи, музыка, литература и даже спорт, в частности футбол.

Крупнейшим немецким нацистским концлагерем и лагерем смерти был Аушвиц-Биркенау, расположенный в 60 км к западу от Кракова. За все время его существования — с 14 июня 1940 г. по 27 января 1945 г. — в Аушвице погибли более миллиона заключенных (по последним оценкам, около 1,3 млн [20, р. 204]), среди которых были известные спортсмены: боксеры, пловцы, легкоатлеты, лыжники, футболисты.

Именно футбол, наряду с боксом, вызывал у нацистов повышенный интерес. Немцы всегда считались большими ценителями футбола: играли сами и любили посмотреть за тем, как играют заключенные. С подачи рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, который видел в спорте дополнительный стимул хорошего труда узников, в концлагерях проводились внутренние чемпионаты по футболу и даже разыгрывались межлагерные турниры.

В этом нацисты преследовали свои цели. Прежде всего они стремились показать внешнему миру, что существовавший образ лагерей смерти, где ежедневно гибли тысячи людей, не соответствует действительности: ничего подобного нет и быть не может, а для заключенных созданы все необходимые условия для нормальной жизни во время войны. По этой причине они зачастую устраивали в концлагерях показательные футбольные матчи и приглашали на них представителей Международного Красного Креста, которым пытались наглядно продемонстрировать, как и чем живут узники [5, с. 21–22; 19, р. 243]. Апофеозом нацистской пропаганды стал псевдодокументальный фильм «Фюрер дарит евреям город», снятый в концлагере Терезиенштадт немецким режиссером Куртом Герроном, который прибыл туда в феврале 1944 г. в качестве заключенного и на протяжении месяца (с августа по сентябрь) руководил съемочным процессом.

Исследователи, занимающиеся изучением такого феномена, как спорт в концлагерях, неизбежно сталкиваются с источниковедческими трудностями, поскольку в их распоряжении имеются исключительно источники личного происхождения, а именно воспоминания бывших узников и их свидетельства против нацистских преступников, которые хранятся преимущественно в архивах бывших концлагерей. Также необходимо принимать во внимание тот факт, что спорт существовал в концлагерях нелегально и только с разрешения лагерной администрации, поэтому официальной документации (за исключением ряда концлагерей, где проводились футбольные турниры) не сохранилось. В последнее время большую работу в этом направлении делают представи-

тели искусства — кино и литературы. Появляются художественные фильмы и литературные произведения, где показывается досуг заключенных, в том числе спорт. Однако в большинстве случаев они лишь вводят зрителей и читателей в заблуждение, поскольку далеки от реальности и не соответствуют действительности [24].

Прежде чем подробно рассмотреть вопрос, связанный с игрой в футбол в Аушвице, необходимо четко определить, что именно понималось под спортом в немецких нацистских концентрационных лагерях и лагерях смерти.

Термин «спорт» в условиях концлагеря имел двоякое трактование. И если первое и основное понимание спорта как целенаправленной физической активности, совершаемой с целью соревнования, вопросов не вызывает, то другой концепт, искаженный и извращенный нацистами, был одним из способов унижения заключенных. Лагерная администрация считала, что такой «спорт», или «квазиспорт», одновременно помогал обеспечивать дисциплину и наказывать узников. Спортсм в концлагерях эсэсовцы называли простые, но изнурительные упражнения, которые заключенные должны были выполнять на протяжении многих часов при любых погодных условиях. Кроме этого лагерная охрана и узники, приближенные к администрации, осыпали заключенных проклятиями, кричали, оскорбляли и смеялись, причем все это делалось исключительно на немецком языке. Подобный «спорт» унес жизни многих невинных людей. В большей степени пострадали те, кто не имел хотя бы малейшей физической подготовки и не занимался спортом до войны: в основном интеллигенция и пожилые люди. Все они были крайне истощены и находились в состоянии постоянного голода и жажды.

Поляк Людвик Бас, находившийся в Аушвице с августа 1940 г. по январь 1945 г., подробно рассказал о таком «спорте»: «В Аушвице в течение трех недель я занимался так называемым спортом, которым среди прочего руководил эсэовец по имени Плагге. В результате этого “спорта” обе мои ноги были полностью покрыты синяками и шрамами, в свете чего мне было назначено лечение в больнице... Евреи и священники особенно подвергались насилию во время этого “спорта”. Любимые упражнения Плагге включали в себя прыжки на корточках, бег, падение на землю, валивание на земле, поодиночке или парами, так называемую утиную походку, обмен ударами по лицу в положении на корточках, хождение по кругу вокруг столба в течение нескольких часов с поднятыми руками или нарезание кругов вокруг капо, который, стоя посередине, бил заключенных палкой без разбора... Зона “спорта” была покрыта острым гравием и шлаком, у всех заключенных сняли обувь, поэтому во время марширования и особенно бега у них болели ноги... Каждый день в результате этих упражнений погибала дюжина, иногда даже пара десятков заключенных» [36, s. 280–282]. Соотечественник Баса Станислав Корецкий, депортированный в Аушвиц самым первым транспортом 14 июня 1940 г., добавлял: «Многие заключенные не выдерживали этого “спорта”. После потери сознания их от-

носили “наверх”, в кустарный лазарет, откуда они уже не возвращались» [37, с. 319]. Разумеется, заниматься каким-либо реальным спортом в подобных условиях у заключенных желания не возникало.

В Аушвиц были заключены известные европейские футболисты, многие из них представляли национальные сборные своих стран. Узнав, что до войны вновь прибывшие узники профессионально играли в футбол, лагерная администрация создавала свои команды, в которые старалась набрать как можно больше опытных игроков. Впоследствии эсэсовцы бросали вызов коллегам из других концлагерей, а во время самих матчей делали ставки на крупные денежные суммы.

Вальтер Станоский Винтер, депортированный в Аушвиц в 1943 г., рассказывает, как один из эсэсовцев по фамилии Хартманн приказал ему собрать команду из представителей его нации — синти, тренировать ее и готовить к матчу против команды главного лагеря Аушвиц. В состав последней входили шесть бывших игроков сборной Польши, однако победа осталась за синти — 2:1. Несогласные с результатом матча эсэсовцы едва не устроили массовую драку и не перестреляли друг друга. Дело могло принять серьезный оборот, но обошлось без жертв. Спустя некоторое время состоялся еще один «ужасающий» матч, победу в котором, также со счетом 2:1, одержали представители лагеря Аушвиц I, поэтому конфликт был исчерпан. Вскоре футбольная команда синти была расформирована, но Винтер и другие заключенные, «когда было возможно, продолжили играть между собой, между блоками, стараясь быть незамеченными» [34, р. 54–56].

Принимая участие в подобных матчах, заключенные рисковали своей жизнью. Они целиком и полностью зависели от расположения «тренера», которым, как правило, был офицер СС. Если эсэсовцы считали, что футболист не до конца выкладывается на поле, не старается, или, еще хуже, «сдает» игру, то расстреливали такого игрока на месте. Или, наоборот, если играет слишком хорошо, что раздражало лагерную охрану. Так произошло с молодым и перспективным венгерским вратарем Ференцем Морошем, который осенью 1944 г. оказался на юго-западе Польши в рабочем лагере Хиршберг (филиал Гросс-Розена). По воспоминаниям очевидцев [22, р. 181–191], в матче венгерских евреев против эсэсовцев, который состоялся 29 октября 1944 г., главным героем встречи стал именно Морош, отразивший пенальти на последних минутах, чем вызвал бурные овации местной публики. Один из эсэсовцев затаил на него обиду и через несколько дней выстрелил в Мороша во время работы только за то, что он отошел в туалет без разрешения. Ференца Мороша отнесли в ревер, где он вскоре скончался [20, р. 749; 29, р. 167–169]. Подобная история произошла с поляками, обыгравшими «сборную Германии» со счетом 1:0. После матча лагерная охрана ворвалась в баню и принялась «с ожесточением бить палками всех находящихся там заключенных» лишь за то, что они победили на футбольном поле [5, с. 26].

Основными причинами быстрой усталости заключенных футболистов были недоедание и истощение. Валлиец Рон Джонс, находивший-

ся в лагере для британских военнопленных E715¹, вспоминал, что недостаточность питания приводила к низкой физической активности и высокой утомляемости узников, которых эсэсовцы принуждали к игре в футбол: «Мы быстро уставали. Думаю, поэтому каждый тайм длился по полчаса. Все дело в недоедании» [25].

По справедливому замечанию Джеймса Кейпла, футбол был «привилегией в Аушвице, доступной лишь немногим избранным», при этом «главными людьми на футбольном поле Аушвиц-Биркенау» являлись члены СС и охрана лагеря [10]. Играть в футбол эсэсовцы позволяли далеко не всем заключенным, а только лагерной «элите», к тому же у «подавляющего большинства узников на спорт просто не было сил» [3, с. 255]. Бывший узник Аушвица Херман Лангбейн вспоминал, что «только заключенные с лучшим питанием могли заниматься спортом» [18, р. 130]. Во второй половине 1943 г., с назначением оберштурмбанфюрера СС Артура Либехеншеля комендантом главного концлагеря Аушвиц, условия содержания заключенных улучшились. Чешский еврей Бертольд Эпштейн, находившийся в Аушвице с конца 1942 г. до 27 января 1945 г., в этой связи отмечал: «Наше положение значительно изменилось, причем в лучшую сторону. Была создана специальная палата для выздоравливающих, для заключенных проводились занятия лечебной физкультурой, лагерная дисциплина ослабла, и все это улучшало настроение узников» [35, s. 35].

Некоторые заключенные Аушвица в качестве поощрения и дополнительного стимула к труду все же получали возможность заниматься спортом в свободное время, обычно это был выходной день. По воскресеньям лагерная охрана зачастую организовывала футбольные матчи между командами узников [12, р. 60]. В качестве футбольного поля использовался аппельплац, где проводилась перекличка. Еще одним популярным местом была площадь рядом с крематорием.

Тадеуш Боровский, работавший в лагерной больнице, вспоминал, как заключенные готовили футбольное поле, расчищая под него пустырь за больничными бараками. По вечерам, после ужина «все, кому хотелось, выходили на поле и пинали мяч» [8, р. 83], а в воскресенье состоялся футбольный матч, собравший много зрителей из санитаров и пациентов больницы. Боровский был вратарем. В одном из игровых эпизодов мяч ушел за пределы поля, и Боровский побежал за ним к колючей проволоке. То, что он увидел дальше, потрясло его до глубины души и осталось в памяти на всю жизнь. Приведем это шокирующее описание целиком.

«Я потянулся за мячом и случайно посмотрел в сторону платформы. Только что прибыл состав. Из товарных вагонов выгружались люди и шли в сторону леса. Все, что я видел со своего места, были яркие всплески цвета. Казалось, что женщины были одеты в летние платья, впервые в этом сезоне. Мужчины шли без пиджаков, а их белые рубашки резко выделялись на фоне зелени деревьев. Шествие двигалось впе-

¹ Рабочее подразделение Шталага VIII-B, располагался в нескольких сотнях метров к западу от концлагеря Буна-Моновиц.

ред медленно, из вагонов к нему присоединялись все новые и новые люди. Затем они остановились. Люди сели на траву и посмотрели в нашу сторону. Я вернулся с мячом и бросил его обратно на поле. Мяч переходил от одного игрока к другому, пока, не описав широкую дугу, едва не влетел в ворота. Я выбил его на угловой. Он снова покатился по траве, и я опять побежал за ним. Но как только я наклонился, то остолбенел — платформа была пуста. Пестрой, по-летнему одетой толпы не было, ни единой души. Поезд тоже исчез. Бараки женского лагеря снова были на виду у всех, а санитары и пациенты стояли у колючей проволоки, приветствуя женщин, которые отвечали им с другой стороны платформы. Я вернулся с мячом и опять подал его на угловой. Между двумя угловыми, прямо за моей спиной, были умерщвлены газом три тысячи человек» [8, р. 83–84], — рассказывал в одной из своих новелл Боровский.

Для тех заключенных, кто мог играть, футбол был одним из немногих способов ухода от жестокой концлагерной реальности и возможностью погружения в нормальную, человеческую жизнь, пусть и ненадолго. Случай, описанный Тадеушем Боровским, уникален еще и потому, что этого самого «переключения» с ним не произошло: мир смерти постоянно сосуществовал с миром жизни, и даже во время матча узники думали о том, что кто-то в этот момент идет в газовую камеру. С другой стороны, как справедливо отмечает историк из Свободного университета Берлина Вероника Спрингманн, «воскресные футбольные матчи не только предоставляли заключенным собственное пространство внутри концентрационного лагеря, они также были территорией, где заключенные могли наглядно продемонстрировать свою физическую силу и форму с помощью спорта» [30, р. 188].

Мотивация заниматься спортом в концлагере и играть в футбол в частности у заключенных была разной. Все зависело от конечной цели, которую ставили перед собой узники. Большинство из них стремилось выжить любой ценой, поэтому расценивало спорт как ненужную трату физических сил и предпочитало экономить энергию. Другая часть заключенных (их было меньшинство), главным образом пленные британские солдаты и офицеры, содержащиеся в соседних с Аушвицем лагерях для военнопленных, видели в футболе полезное времяпрепровождение, которое помогало бороться со скукой [11, р. 197–198]. Находились и такие узники, в основном из числа привилегированных и приближенных к лагерной администрации, для которых футбол был способом показать себя в глазах эсэсовцев и заработать дополнительную еду для поддержания более или менее приемлемой физической формы.

По воспоминаниям бывших заключенных, футбольные матчи проводились в главном лагере Аушвиц I уже весной 1941 г. [18, р. 130]. Польский историк культуры Ивона Куж отмечает, что в футбол в Аушвице I стали играть еще раньше — осенью 1940 г. [17, s. 80]. Позднее узники проводили свое свободное время за игрой в футбол и в других отделениях Аушвица, в том числе в Биркенау, где первое футбольное поле появилось в 1943 г. на территории мужского лагеря [24]. Однако

сведений об этих играх практически не сохранилось. Историк Николаус Вахсман упоминает о футбольном матче, который состоялся во второй половине дня 6 сентября 1942 г. (это было воскресенье) «на местном стадионе с гостями из Ораниенбурга», но подробностей не приводит [33, р. 372].

Польская исследовательница Рената Кошик отмечает, что история футбола в Аушвице I началась с матча, который состоялся в конце весны или летом 1941 г., когда на поле, где находился аппельплац, вышли условные сборные Польши и Германии [24]. «Польская сборная» состояла из профессиональных футболистов, до войны игравших в различных клубах первого и второго польского дивизионов. За Германию выступили немецкие капо, а также другие заключенные, занимавшие в лагере административные должности. По словам американского исследователя Кевина Симпсона, «немцы так отчаянно хотели конкурентный матч, что организовали дополнительное питание для голодающих заключенных, отобранных на эту игру» [29, р. 139–140]. За участие в матче эсэсовцы обещали не только хороший паек, но и сигареты, имевшие в концлагере большую ценность. Подготовка к встрече заняла не один день. Главная сложность состояла в том, чтобы найти подходящую обувь для поляков, которым разрешалось носить только деревянные башмаки. В результате немецкий капо по фамилии Гронке достал одиннадцать пар ботинок со шнурками для «польской сборной». По всей вероятности, раньше эта обувь принадлежала заключенным, отобранным в результате селекции сразу по прибытии в Аушвиц и отправленным в газовую камеру.

Матч прошел в одно из воскресений² и собрал большое число зрителей, которые неистово поддерживали команды. Игроки были одеты в обычную для заключенных одежду — полосатые пижамы и брюки. Поляки одержали победу со счетом 3:1, что вызвало ликование публики. По словам Р. Кошик, «победа сборной Польши была воспринята всеми поляками как шанс выиграть войну и вернуть себе свободу», так как подобные матчи «пробуждают дух патриотизма» [24]. На какое-то время подобные «международные» матчи в Аушвице были запрещены, однако затем возобновились. Известно, что в Аушвице I прошли по меньшей мере еще три подобных встречи: Польша — Германия, Польша — Франция и Польша Б — Вторая сборная капо.

Подробности последнего матча приводит Кевин Симпсон в своей монографии «Футбол под свастикой: Истории выживания и сопротивления во время Холокоста». Не позднее 1942 г. при помощи польского заключенного Кажимежа Альбина была создана «сборная Польши Б», которая в своем первом матче обыграла вторую команду немецких капо со счетом 7:0. Позднее Альбин вспоминал: «Худые и миниатюрные на фоне мощных и сытых соперников, мы доминировали в скорости и технике. Играть против них было все равно что играть с детьми, что

² Кевин Симпсон уточняет, что это был конец лета 1941 г.

вызывало громкий смех публики, в том числе немецких заключенных из числа лагерной администрации и эсэсовцев. Наши соперники реагировали на это яростно» [15, s. 51].

Валлийский солдат Рон Джонс, подробно описывая свою жизнь в лагере для военнопленных, также рассказывает о том, как проходили футбольные матчи в заключении. Несмотря на то что Джонс не содержался непосредственно в Аушвице, его воспоминания важны с точки зрения общего представления о том, что именно нацисты вкладывали в понятие отдыха заключенных и как организовывали их досуг. По словам Джонса, который был вратарем, футбольные игры проводились исключительно в летнее время, только по воскресеньям после обеденного перерыва и собирали много зрителей: «Там были толпы — и заключенные из разных лагерей, чей труд использовали как рабскую силу, и лагерная охрана, которая тоже приходила на нас посмотреть» [25]. Евреям присутствовать на играх не разрешалось. После одного из визитов представителей Международного Красного Креста в лагерь E715 британским военнопленным вручили комплекты футбольной формы — английской, валлийской, шотландской и ирландской, благодаря чему пленные солдаты и офицеры получили возможность формировать команды из соотечественников и играть против условной сборной другой страны.

Для тех заключенных, кто старался поддерживать физическую форму и интересовался спортом, футбол имел огромное значение. На протяжении нескольких часов узники могли не только забыть о своих проблемах, тяжелой жизни и морально разрядиться, но также почувствовать дух соперничества, ощутить свободу, отнятую у них нацизмом. Более того, спорт был «занятием, которое давало большую возможность для выживания: эмоционально привлекательное, с четкой целью и дающее эскапистам дистанцию от лагеря» [17, s. 81]. «Мы забывали обо всем и просто играли в футбол», — отмечал Рон Джонс [25]. «Для них [заключенных] за спортивным соревнованием стояло нечто гораздо более важное: то, что позволяло им вкушать иллюзорную месть и одержать воображаемую победу», — вспоминал польский врач, узник Лодзинского гетто, а также концлагерей Аушвиц и Гросс-Розен Арнольд Мостович [22, p. 185]. «Это было своего рода бегством от лагерных зверств, заменой нормальной жизни на свободе. Можно было на мгновение отвлечься от страшных ужасов, которые постоянно были у нас перед глазами. Наверное, это была своего рода психологическая терапия», — так описывал свое состояние поляк Мечислав Шимковяк [17, s. 82], испытывавший на себе ужасы Аушвица.

Все то, о чем говорил Джонс, было недоступно обычным заключенным аушвицкого лагерного комплекса. Основная масса узников в силу своего физического состояния была просто не в состоянии играть в футбол, многие им вовсе не интересовались, да и в обстановке постоянного голода предпочитали экономить силы. Однако известны случаи, когда футбол в прямом смысле спасал жизни.

В 1944 г. польский еврей Лео Гольдштейн вместе с сотнями других заключенных Аушвица шел в газовую камеру, однако в какой-то момент один из эсэсовцев по имени Отто спросил у узников, кто из них разбирается в футбольном судействе. Гольдштейн не имел большого представления о футболе, однако еще до войны прочитал «книгу футбольных правил», поэтому сказал, что вполне может быть арбитром. Отто, искавший судью, организовал матч между командой лагерной охраны Аушвица и другого концлагеря, и Гольдштейн с поставленной задачей справился. В итоге он отсудил еще несколько лагерных матчей, дожил до освобождения, а после окончания Второй мировой войны переехал в Нью-Йорк, где стал профессиональным футбольным арбитром. Он обслуживал игры Американской футбольной лиги в 1950–1960-х гг., а также привлекался на матчи чемпионата мира 1962 г. в качестве лайнсмена [5, с. 25; 27, р. 167–168; 29, р. 151–152].

Похожая история случилась с чехословацким евреем, уроженцем Братиславы Уильямом Шиком, который был депортирован в Аушвиц в 1941 г. До начала Второй мировой войны он играл в футбол в полупрофессиональной пражской команде, и именно футбольный опыт помог ему выжить в концлагере. Однажды в барак Шика пришел эсэсовец и сказал, что ему не хватает одного игрока. Шик оказался единственным, кто отозвался на эту просьбу. Остальные заключенные были отправлены в газовую камеру. Эсэсовцы набрали необходимое количество футболистов и провели матч между командами разных отделений Аушвица. Команда Шика победила. Позднее он вспоминал: «После того как мы выиграли этот матч, он [эсэсовец] дал каждому из членов нашей команды по шестидюймовому кусочку салами. Мы должны были быть осторожными с салами. Если съесть все это за один раз, можно было умереть. Наши желудки не привыкли к такой богатой еде» [21; 29, р. 142–143].

Улыбнулась удача и чешскому еврею Иржи Тауссигу, который до начала Второй мировой войны был вратарем молодежной сборной Чехословакии по футболу. Он был звездой в концлагере Терезиенштадт, и все команды хотели видеть его в своем составе. В 1944 г. его перевели в Аушвиц-Биркенау, где о нем уже ходили слухи как о хорошем голкипере. Эсэсовцы освободили Тауссига от тяжелой работы и перевели в блок, где заключенные играли под надзором СС. «Мое имя было хорошо известно, и когда им понадобился хороший голкипер, они нашли меня в лагере. Транспорты прибывали из Венгрии, а вместе с ними и некоторые футболисты. Они образовали две или три команды и играли друг против друга. Это была фактически обычная игра на траве и с воротами», – вспоминал Иржи Тауссиг [31]. В феврале 1944 г. Тауссиг принял участие в матче между членами СС и заключенными чешского семейного лагеря. Он сохранял свои ворота в неприкосновенности, однако понял, что «если хочет жить, нужно уступить» [29, р. 141]. Опасаясь последствий победы чешской команды, Тауссиг умышленно пропустил два гола и позволил эсэсовцам выиграть эту встречу.

Однако далеко не всем заключенным повезло так, как Гольдштейну, Шики и Тауссигу. В Аушвиц было депортировано несколько известных в межвоенный период футболистов, но они не имели возможности проявить себя на футбольном поле и побороться за жизнь в аушвицком аду. Многие из них были убиты сразу после прибытия в концлагерь. В этом плане примечательна история Юлиуса Хирша, немца еврейского происхождения, который большую часть своей карьеры провел в клубе «Карлсруэ», выиграл чемпионат Германии в 1910 г., забил четыре гола за сборную Германии в товарищеском матче накануне Олимпиады, а затем выступал на Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме. В начале марта 1943 г. он был депортирован в Аушвиц, где по прибытии подвергся селекции и, по-видимому, сразу был отправлен в газовую камеру [9, р. 172; 12, р. 27; 29, р. xx—xxi]. После войны немецкий суд объявил Хирша погибшим и установил дату смерти 8 мая 1945 г. [5, с. 33].

Не менее трагична судьба другого выдающегося футболиста 1920-х — начала 1930-х гг., звезды амстердамского «Аякса» нидерландского еврея Эдварда Хамела, который родился в Нью-Йорке, но позднее приехал в Нидерланды. В октябре 1942 г. он был арестован и депортирован в Аушвиц, где провел четыре месяца. Во время одной из проверок эсэсовцы обнаружили у Хамела абсцесс в ротовой полости, в связи с чем посчитали непригодным для работы и жизни. Он был умерщвлен в газовой камере 30 апреля 1943 г. [5, с. 41; 16, р. 47—55]. Играл ли Хамел в Аушвице в футбол, достоверно неизвестно. По предположению польского историка Ренаты Кошик, у него «не было даже шанса сыграть хотя бы один матч» [24].

Подобная участь постигла польских футболистов, игроков национальной сборной Мариана Эйнбахера, Адама Книолы и Антония Лыко, австрийского защитника Макса Шойера, бывших венгерских игроков и тренеров Арпада Вайса и Ференца Вайса. Все они были убиты в Аушвице.

Организовывая футбольные матчи в концлагерях, эсэсовцы со свойственной им немецкой педантичностью тщательно следили за внешним видом заключенных, выходящих на футбольное поле. Удивительно, но в большинстве случаев узники были обеспечены всем необходимым — и игровой формой, и бутсами, и прочей экипировкой. Немец Ойген Когон, всю войну проведенный в концлагере, вспоминал о том, что в Бухенвальде «большинство команд выступало в безупречной футбольной форме, в том числе в футбольных бутсах» [13, с. 152]. Такая же ситуация была в Аушвице и других немецких нацистских концлагерях. По словам Когона, все дело в невиданных масштабах коррупции [14, р. 129], в которой оказалась замешана практически вся лагерная охрана. Английский историк Лоуренс Рис посвятил коррупции в Аушвице отдельную главу в своей монографии [26, р. 174—223]. Он отмечал: «Тысячи нелегальных сделок заключались в Аушвице каждую неделю. В лагерь стекалось столько богатств, а контроль был настолько слабым и возникало столько возможностей что-то украсть, что трудно представить, чтобы кто-то из эсэсовцев не был замешан в этих преступлениях.

От рядового эсэсовца, который хотел новый радиоприемник, до офицера СС, который торговал украденными драгоценностями: коррупция в лагере была повальной» [26, р. 183]. В подобной обстановке тотального воровства и разложения достать футбольную форму не представляло труда. К тому же эсэсовцы стремились получить похвалу и одобрение вышестоящего начальства, нередко посещавших матчи заключенных, ведь в случае хорошей организации игры можно было как заработать повышение в звании, так и продвинуться по службе.

Пожалуй, самый известный футбольный матч в истории Аушвица состоялся в 1944 г. между эсэсовцами и членами зондеркоманды [28, р. 1–27]. Его свидетелем стал венгерский врач-патологоанатом Миклош Нисли, работавший помощником главного доктора Аушвица Йозефа Менгеле. Нисли был лечащим врачом зондеркоманды, поэтому знал и видел все, что происходило с этими людьми. Однажды он присутствовал на футбольном матче между членами СС и зондеркомандой, о чем позднее написал в своих воспоминаниях.

«Ужинать было еще слишком рано. Зондеркоманда принесла футбольный мяч. Команды выстроились на поле. «СС против СК (Sonderkommando. — С. Х.)». На одной стороне поля — эсэсовцы, охранявшие крематорий, на другой — зондеркоманда. Они ввели мяч в игру. Звонкий смех заполнил двор. Зрители пришли в восторг и подбадривали игроков криками, как будто это было игровое поле какого-нибудь мирного городка. В каком-то ступоре я отметил и это. Не дожидаясь окончания матча, я вернулся в свою комнату. После ужина я проглотил две таблетки снотворного по десять сантиграммов и заснул. Сон был крайне необходим, потому что я чувствовал, что мои нервы натянуты до предела», — писал доктор Нисли [23, р. 68].

За этим, казалось бы, банальным описанием футбольного матча, даже при условии того, что он был сыгран в концлагере, стоит нечто большее, чем простое свидетельство очевидца. Первым на это обратил внимание итальянский писатель Примо Леви, находившийся в заключении в Аушвице в 1944–1945 гг. Его поразили сам факт того, что подобный матч мог состояться. В своей работе «Канувшие и спасенные» Леви писал: «Ничего подобного не случалось, да и не могло случиться с другими категориями заключенных, но с членами зондеркоманды, с “воронами крематория” эсэсовцы готовы были соревноваться на равных или почти на равных... Вы больше не евреи, не антираса, не враг Тысячелетнего рейха номер один, не народ, отказавшийся сотворить себе кумиров. Мы обласкали вас, развратили и утащили с собой на дно. Не воображайте, что вы чисты; вы запачканы кровью, как мы, как Каин, потому что вы тоже братоубийцы. Так что идите сюда, будем вместе играть в футбол» [4, с. 44]. Леви считал, что в концлагере априори невозможно соревнование, так как изначально нарушен его главный принцип — равенство возможностей. Следовательно, в этом мире тотального унижения, подчинения и «принудительного уравнивания в низости» [4, с. 182] проведение футбольного матча выглядит не просто алогично, но даже абсурдно. Однако мир концлагеря — это мир пара-

докса и ненормальности, где было возможно все, в том числе «уникальные онтологические отношения, сложившиеся между эсэсовцами и членами зондеркоманды» [32, p. 46].

Матч, описанный доктором Нисли, вызвал повышенный интерес и стал поводом для рефлексии у философов, которые пытались понять накопленный заключенными концлагерей опыт и переосмыслить его. Одним из таких мыслителей стал итальянец Джорджо Агамбен, который в своей работе «*Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель*» назвал матч между эсэсовцами и членами зондеркоманды «настоящим ужасом концлагеря». По мнению Агамбена, сама по себе игра в футбол является «моментом нормальности», но в условиях концлагеря приобретает совершенно иной смысл. Он пишет: «Этот матч так и не закончился и, кажется, продолжается и в этот момент. Этот матч — совершенный и вечный символ “серой зоны”, которая не подвластна времени и находится везде... Но это и наш стыд, стыд людей, которые не познали концлагерь и которые тем не менее присутствуют, сами не зная как, на этом матче, который повторяется в каждом матче наших стадионов, в каждой телевизионной трансляции, в каждой ежедневной нормальности. Если мы не сможем понять этот матч и прекратить его, у нас не будет надежды» [1, с. 25 — 26].

Историк Вероника Спрингманн идет еще дальше и, пользуясь терминологией Агамбена, отмечает, что матч эсэсовцев и членов аушвицкой зондеркоманды был «профанацией» [30, p. 186 — 187]. В своем труде «Профанации» Агамбен объясняет связь между игрой и ритуалом. По его мнению, игры, «произошедшие от древних сакральных церемоний» [2, с. 81], таковыми являются и по сей день, однако игра может выполнять функцию профанации. В то же время игра может «работать как профанация», которая «дезактивирует диспозитивы власти и возвращает в общее пользование пространства, которые раньше были властью конфискованы» [2, с. 83]. Эту мысль ярче всего иллюстрирует аппельплац, который был местом, где не только проводились переклички заключенных, но и игрались футбольные матчи.

Аушвиц был далеко не единственным немецким нацистским концлагерем и лагерем смерти, где заключенные играли в футбол. В Бухенвальде эсэсовцы организовали некое подобие внутреннего чемпионата из двенадцати команд, включая одну еврейскую, которая позднее была упразднена [13, s. 152]. В Терезиенштадте была собственная футбольная лига, в которой за три года приняли участие более 30 команд. Команды — по семь человек в каждой: вратарь, два защитника, опорный полузащитник и три нападающих [31] — собирались не только по этническому, но и по социальному принципу: электрики играли против садовников, повара против мясников, работники склада одежды против охранников гетто. Матчи проходили еженедельно в казарменном дворе [6, p. 534; 7, p. 202]. Большой популярностью футбол пользовался и в концлагере Гросс-Розен, где к весне 1944 г. существовало несколько команд, объединявших более ста игроков [15, s. 50 — 53]. В том или ином виде футбол существовал в абсолютном большинстве немецких нацистских концлагерей и лагерей смерти.

Футбол, как и спорт в целом, был важен для заключенных еще и по экономической причине. Те, кому лагерная охрана разрешала играть в футбол, не только демонстрировали принадлежность к привилегированной части узников, но и таким образом доказывали свою «работоспособность», то есть «показывали, что они продуктивны в рамках нацистской идеологии» [30, р. 188 – 189]. Это было особенно важно в связи с изменившейся ролью труда, все больше ориентированного на нужды военной экономики. В этом плане спорт, и футбол в частности, в условиях концлагеря носил амбивалентный характер. С одной стороны, игра стирала границы между заключенными и эсэсовцами, так как на футбольном поле заведомо все равны. С другой — узники-спортсмены заняли особое место среди заключенных и действовали в строгом соответствии с новоустановленной иерархией. Вероника Спрингманн объясняет это так: «Спорт создал новые границы внутри лагерного сообщества. Привилегированные заключенные-спортсмены показали в действии идеал тела и работы в рамках национал-социализма. В то же время они продемонстрировали свой культурный суверенитет, следуя собственным правилам и создавая собственное сообщество спортсменов внутри сообщества лагерного. Более того, они придали лагерному пространству — аппельплацу — другое значение, символически превратив его из места пыток и смерти в место игр» [30, р. 189].

Подведем итоги. Изучение футбола как спортивной игры в Аушвице с 1940 по 1945 г. позволяет глубже понять не только сам феномен спорта как формы человеческой активности, но и его роль в условиях крайне жестоких и бесчеловечных обстоятельств. Футбол, несмотря на все ограничения и ужас, связанные с существованием концлагеря, стал для заключенных неким символом сопротивления, стремления к нормальности и сохранению человеческого достоинства. Игра в футбол предоставляла заключенным Аушвица возможность временно отвлечься от повседневных страданий и жестокостей, с которыми они сталкивались. Она служила своего рода убежищем — пространством, где они могли почувствовать себя более свободными, частью сообщества, которое сохраняло человечность, несмотря на все окружающие их ужасы. Более того, футбол стал важным социальным феноменом, способствующим укреплению связей между узниками, позволяя поддерживать дух товарищества и солидарности в условиях, где подавление индивидуальности и идентичности было систематичным.

При этом важно помнить, что даже в таких обстоятельствах спорт не был свободен от манипуляций со стороны нацистского режима. Проведение футбольных матчей в качестве инструмента пропаганды подчеркивает: спорт может быть использован как средство для достижения политических целей, что создает двойственное восприятие этого занятия. Футбол, таким образом, становился не только актом сопротивления, но и ареной, на которой разворачивались трагические парадоксы власти и контроля.

Список литературы

1. Агамбен Д. Homo sacer. Что останется после Освенцима: архив и свидетель. М., 2012.
2. Агамбен Д. Профанации. М., 2014.
3. Аристов С.В. Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М., 2017.
4. Леви П. Канувшие и спасенные / пер. с итал. Е.Б. Дмитриевой. М., 2010.
5. Футбол. Война. Холокост: документы, свидетельства, фотографии / под ред. И.А. Альтмана, А.Е. Гербер. М., 2024.
6. Adler H. Theresienstadt, 1941–1945: the Face of a Coerced Community. N. Y., 2017.
7. Bar-On T. The World through Soccer: The Cultural Impact of a Global Sport. Lanham, 2014.
8. Borowski T. This way for the gas, ladies and gentlemen. Harmondsworth ; N. Y., 1976.
9. Brunssen P., Schuler-Springorum S. Football and Discrimination: Antisemitism and Beyond. Abingdon ; N. Y., 2021.
10. Caple J. Football in the shadow of Auschwitz-Birkenau // These Football Times. URL: <https://thesefootballtimes.co/2020/01/27/football-in-the-shadow-of-auschwitz-birkenau/> (дата обращения: 23.10.2024).
11. Feindt G. Camps Producing Identity and Memory // Sport Under Unexpected Circumstances: Violence, Discipline, and Leisure in Penal and Internment Camps / ed. by G. Feindt, A. Hillbrenner, D. Dahlmann. Göttingen, 2018. P. 193–198.
12. Football Players in Focus. Educational Materials on Sports, Persecution, and Remembrance. Bad Arolsen, 2021.
13. Kogon E. Der SS-Staat: Das System der deutschen Konzentrationslager. München, 1988.
14. Kogon E. The Theory and Practice of Hell: The German Concentration Camps and the System Behind Them. N. Y., 2006.
15. Krajewski A. Piłkarskie mecze w Auschwitz. Sport był jedyną nadzieją na zbawienie // Polityka. 2013. №22 (2909). S. 50–53.
16. Kuper S. Ajax, the Dutch, the War: The Strange Tale of Soccer During Europe's Darkest Hour. N. Y., 2012.
17. Kurz I. Mecze i gry oświęcimskie. Piłka nożna w KL Auschwitz-Birkenau // Konteksty: polska sztuka ludowa: antropologia kultury, etnografia, sztuka. 2012. T. 66, №3-4 (298-299). S. 79–84.
18. Langbein H. People in Auschwitz. Chapel Hill, 2004.
19. Mangan J. Sport in Europe: Politics, Class, Gender. L. ; Portland, 1999.
20. Megargee G. (ed.) The United States Holocaust Memorial Museum Encyclopedia of Camps and Ghettos, 1933–1945. Vol. 1 : Early Camps, Youth Camps, and Concentration Camps and Subcamps Under the SS-Business Administration Main Office (WVHA). Bloomington, 2009.
21. Moore D. William Schick survived Auschwitz // Don Moore's War Tales. URL: <https://donmoorewartales.com/2013/01/25/william-schick-auschwitz/> (дата обращения: 24.10.2024).
22. Mostowicz A. With a Yellow Star and a Red Cross: A Doctor in the Lodz Ghetto. L. ; Portland, 2005.
23. Nyiszli M. Auschwitz. A Doctor's Eyewitness Account. N. Y., 1993.
24. On Auschwitz Podcast. Sport and sportspeople in Auschwitz // Spotify.com. URL: <https://open.spotify.com/episode/0M7QkjSuS0oeuDso4R0Nzm> (дата обращения: 23.10.2024).

25. Oral history interview with Ron WG Jones // United States Holocaust Memorial Museum Archives. Accession Number: 2012.448.1. RG Number: RG-50.030.0709.
26. Rees L. Auschwitz: The Nazis & the 'Final Solution'. L., 2005.
27. Risolo D. Soccer Stories: Anecdotes, Oddities, Lore, and Amazing Feats. Lincoln, 2010.
28. Sanyal D. A Soccer Match in Auschwitz: Passing Culpability in Holocaust Criticism // Representations. 2002. Vol. 79, №1. P. 1–27.
29. Simpson K. Soccer Under the Swastika: Stories of Survival and Resistance During the Holocaust. Lanham, 2016.
30. Springmann V. "He liked us, because we were good athletes, good workers" – Productive Bodies in Nazi Concentration Camps // Sport Under Unexpected Circumstances: Violence, Discipline, and Leisure in Penal and Internment Camps / ed. by G. Feindt, A. Hillbrenner, D. Dahlmann. Göttingen, 2018. P. 175–189.
31. Talshir U. Holocaust Remembrance Day / Profile: The Goalkeeper of Theresienstadt // Haaretz. URL: <https://www.haaretz.com/1.5101094> (дата обращения: 24.10.2024).
32. Turda M. The Ambiguous Victim: Miklós Nyiszli's Narrative of Medical Experimentation in Auschwitz-Birkenau // Historein. 2014. Vol. 14, №1. P. 43–58. doi: 10.12681/historein.232.
33. Wachsmann N. KL: A History of the Nazi Concentration Camps. N. Y., 2015.
34. Winter W. Winter Time: Memoirs of a German Sinto Who Survived Auschwitz. Hatfield, 2004.
35. Zeznanie Bertolda Epsteina z dnia 18 grudnia 1946 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/99. S. 30–43.
36. Zeznanie Ludwika Basa z dnia 28 sierpnia 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/138. S. 280–284.
37. Zeznanie Stanisława Koreckiego z dnia 30 września 1947 roku // Archiwum Instytutu Pamięci Narodowej w Warszawie. Sygn. IPN GK 196/144. S. 318–320.

Об авторе

Сергей Сергеевич Ходячих — канд. ист. наук, ФК «Динамо-Москва», Москва, Россия.

E-mail: hodyachih@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8823-886X

S. S. Khodyachikh

**"BEHIND MY BACK, BETWEEN ONE CORNER KICK AND THE NEXT,
THEY HAD GASSED THREE THOUSAND PEOPLE": FOOTBALL
IN THE AUSCHWITZ CONCENTRATION CAMP**

FC Dynamo Moscow JSC, Moscow, Russia

Received 24 October 2024

Accepted 20 February 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-4

To cite this article: Khodyachikh S.S. 2025, "Behind my back, between one corner kick and the next, they had gassed three thousand people": football in the Auschwitz concentration camp, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 45–60. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-4.

The article analyzes the phenomenon of football in the German Nazi concentration camp Auschwitz between 1940 and 1945. Auschwitz was by no means the only concentration camp where football matches and even entire tournaments were held – other camps such as Buchenwald, Theresienstadt, and Gross-Rosen had their own championships. The duality of the concept of "sport" as interpreted by the camp administration is examined: for the Nazis, sport included not only competitions but also physical abuse of prisoners, which some researchers refer to as "quasi-sport." The testimonies of surviving prisoners about football matches organized by the SS in Auschwitz are cited, including a detailed analysis of the most well-known game played in 1944 between the Nazis and members of the Sonderkommando. This article attempts to explore various aspects of football in Auschwitz based on sources of personal origin, aiming to uncover as much evidence as possible about football matches held in the concentration camp, as well as to reconstruct the names of their participants. The study of such a topic as football in Auschwitz confirms that even under the most extreme conditions – when life stood on the brink of annihilation – there existed a drive for self-expression and the preservation of human nature. For the prisoners, football held symbolic meaning – it was not only an attempt to escape from the brutal reality but also a kind of refuge, a space where they could, even if only briefly, feel free.

Keywords: Auschwitz concentration camp, prisoners, Nazism, football, history of sports, history of Germany, history of Poland, World War II

The author

Dr Sergey S. Khodyachikh, FC Dynamo Moscow JSC, Moscow, Russia.

E-mail: hodyachih@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8823-886X

Л. Н. Жданович

«СОЛДАТЫ СЛОВА»: СОВЕТСКИЕ ВОЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ О БОЯХ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В 1944–1945 ГОДАХ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 31.03.2025 г.

Принята к публикации 05.05.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-5

61

Для цитирования: Жданович Л.Н. «Солдаты слова»: советские военные корреспонденты о боях в Восточной Пруссии в 1944–1945 годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №2. С. 61–73. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-5.

Предпринята попытка рассмотреть ход военных действий в Восточной Пруссии осенью 1944 – весной 1945 г. сквозь призму публикаций военных корреспондентов в центральных советских газетах: «Правде», «Известиях», «Красной звезде», «Сталинском соколе». Фронтовые корреспонденты, находясь в действующей армии, были летописцами войны, очевидцами событий, которые разворачивались на территории немецкой провинции. «Солдаты слова» способствовали поддержанию морального духа советских войск, популяризации боевого опыта частей Красной армии и примеров героизма солдат и офицеров. Выполняя идеологические задачи, возложенные на них советской властью, скованные строгой цензурой, военные корреспонденты в то же время вкладывали в очерки и заметки свой личный опыт войны, оставив для потомков ценнейший исторический источник. Анализ корреспонденций военных журналистов позволяет определить, как формировались представления о целях, поставленных перед советскими войсками в ходе Гумбинненской и Восточно-Прусской наступательных операций Красной армии, периодизации военных действий, роли отдельных родов войск, а также взаимоотношениях наступающих частей с местным населением. В то же время это история самих фронтовых корреспондентов, прошедших с действующей армией всю Восточную Пруссию.

Ключевые слова: военные корреспонденты, «Известия», «Красная звезда», «Правда», «Сталинский сокол», Восточная Пруссия, Великая Отечественная война

Через днепровский неширокий плес,
Через Березину, сквозь все бои
Я до Восточной Пруссии донес
Воспоминания горькие мои.
Я честно, как положено бойцу,
Прошел свой путь солдатский, боевой.
И с мертвецом стою лицом к лицу
В его холодном логове живой.

Алексей Сурков

«Ночной привал под Эйдукуеном» [38, с. 2]

Военные действия в Восточной Пруссии находились в центре внимания советской периодической печати на протяжении нескольких месяцев. С момента пересечения советско-германской границы осенью

1944 г. и до полного разгрома восточно-прусской группировки противника весной 1945 г. боевой путь Красной армии освещался военными корреспондентами крупнейших периодических изданий того времени. В соответствии с «Положением о работе военных корреспондентов на фронте», утвержденном ЦК ВКП(б), право иметь постоянных фронтовых корреспондентов было предоставлено редакциям газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Сталинский сокол», «Красный флот», «Комсомольская правда» [4, с. 465].

Военные корреспонденты зачислялись в кадры Красной армии или Военно-морского флота. Большинство военных журналистов находилось в действующей армии с первых месяцев войны. Если этого требовала сложившаяся обстановка, они принимали участие в боевых действиях. К личным и профессиональным качествам фронтовых корреспондентов предъявлялись особые требования. Они должны были служить примером смелости, дисциплины и неустойчивости в работе. В задачи военных корреспондентов входило освещение в печати нацистских преступлений, совершенных против как мирного населения СССР, так и советских военнопленных. Однако главными героями газетных публикаций «солдат слова» были люди фронта — бойцы и командиры Красной армии и Военно-морского флота, искусно владевшие военной техникой и тактикой ведения боя, их инициатива, военная сметка и хитрость в борьбе с врагом, их ненависть к немецко-фашистским захватчикам, стойкость, самоотверженность и дисциплина в выполнении приказов командования [4, с. 466].

Осеннее наступление Красной армии в Восточной Пруссии вызвало волну публикаций в центральной прессе. Газеты «Правда», «Известия», «Красная звезда» и др. 24 и 25 октября 1944 г. вышли под заголовками «Свершилось!», «Блестящая победа советского оружия на немецкой земле», «Красная Армия вторглась в Восточную Пруссию!»

«Красная звезда» как центральный печатный орган наркомата обороны посвятила событиям в Восточной Пруссии целую полосу. Илья Григорьевич Эренбург (1891—1967), корреспондент газеты и один из самых известных пропагандистов периода Великой Отечественной войны, отозвался на вступление Красной армии на территорию Германии статьей под заголовком «Великий день» [54, с. 3]. Ее главный мотив — долгожданное возмездие. Статья Эренбурга — призыв к воинам Красной армии не останавливаться, идти дальше, вглубь Германии. Идти на Кёнигсберг. Идти на Берлин. Призыв помнить сорок месяцев страданий, погибших родных и близких. Призыв к восстановлению справедливости.

Слова Ильи Эренбурга созвучны с общим мотивом статьи Натана Самойловича Рыбака (1913—1978), писателя и корреспондента газеты «Сталинский сокол», печатного органа Военно-воздушных сил Красной армии. Являясь военным корреспондентом газеты с 1943 г., Н. С. Рыбак создал немало художественных и публицистических очерков о героях советской авиации. Двадцать пятого октября 1944 г. он откликнулся на события в Восточной Пруссии статьей под заголовком «Вторжение». Она начиналась словами: «Мы ждали этого дня и дождались. Мы были

уверены, что воины Красной Армии придут на землю палачей и варваров» [37, с. 2]. Натан Рыбак, как и Илья Эренбург, характеризуя Восточную Пруссию, особо отметил, что эта земля — пристанище нацистского палача Эриха Коха, колыбель немецкого империализма. Каждая строка его публикации пронизана идеей о том, что нельзя забывать ужасы войны, пытки мирных советских граждан на оккупированных территориях, истязания пленных воинов, сражавшихся на земле противника. Корреспондент завершил статью словами: «Сегодня по прусской земле рядом с живыми идут мертвые, идут те, которые повешены в Харькове, замучены в Орле, сожжены в Майданеке, расстреляны в Киеве, четвертованы в Минске, отравлены в Вильно. Берлин слышит эти шаги. Вся Германия слышит их. Это идет месть. Это приближается справедливость» [37, с. 2].

63

Публикации И.Г. Эренбурга и Н.С. Рыбака были призывом к советским солдатам и офицерам помнить о преступлениях нацистов и продолжать бить врага на его территории. Корреспонденции их коллег, находившихся непосредственно на фронте, в Восточной Пруссии, должны были подчеркнуть мощь Красной армии и ее успехи в борьбе с врагом. Начальник фронтовой группы спецкоров «Красной звезды» подполковник Николай Николаевич Прокофьев и специальный корреспондент газеты на 3-м Белорусском фронте майор Василий Васильевич Терновой в статье «Прорыв вражеской обороны в Восточной Пруссии» охарактеризовали провинцию как мощный укрепленный район, состоявший из многочисленных оборонительных рубежей, а также линий долговременных укреплений в сочетании с глубоко эшелонированной полевой обороной. Отметив яростное сопротивление противника, его непрерывные контратаки, ожесточенные бои, развернувшиеся при штурме таких немецких городов, как Ширвиндт, Эйдткунен, Шталлупёнен, авторы в то же время подчеркнули успешный характер советского наступления [35, с. 3].

Репортаж военного корреспондента «Красной звезды» майора Григория Михайловича Меньшикова «На немецкой территории» был призван воссоздать картину недавних боев, развернувшихся в Восточной Пруссии и почти до основания разрушивших немецкий город Ширвиндт. Г.М. Меньшиков не только привел примеры успешного взаимодействия советской пехоты и артиллерии в первые дни наступления, но и подробно описал его последствия: разрушенные города и поселки, бегущих в панике местных жителей, бросивших свое имущество, ошеломленные лица пленных немцев, не ожидавших увидеть советских солдат на немецкой земле, а также первые встречи красноармейцев с освобожденными советскими гражданами, угнанными нацистами на работы в Германию [17, с. 3].

Не могли не отозваться на события в Восточной Пруссии центральные газеты СССР — «Правда» и «Известия». Военный корреспондент «Правды» майор Мартын Иванович Мержанов (1900—1974) находился в действующей армии с июля 1941 г. Вместе с наступающими частями Красной армии он одним из первых пересек границу Германии. Его

статья в номере газеты за 25 октября 1944 г. была озаглавлена кратко — «В Германии». Главный мотив схож с публикациями других печатных изданий. Вторжение в Восточную Пруссию — долгожданный момент, символизирующий скорый крах Германии. Слова автора обращены к солдатам Красной армии, к «армии возмездия за кровавые злодеяния гитлеровцев», к воинам, идущим по немецкой земле мимо брошенных траншей, противотанковых рвов, проволочных заграждений, разбитой немецкой техники и трупов пруссаков [19, с. 3].

На этой же полосе газеты опубликовано сообщение другого военного корреспондента «Правды», капитана Михаила Марковича Шура (1913 — 1991). Вступив в действующую армию в августе 1941 г., М.М. Шур состоял при отделе агитации и пропаганды Политуправления 4-го Украинского фронта, в 1944 г. был направлен на 3-й Белорусский фронт. Военное руководство фронта отмечало, что во время боев в Восточной Пруссии корреспондент продемонстрировал исключительную оперативность и высокое журналистское мастерство, способствовал пропаганде боевого опыта и популяризации героев 3-го Белорусского фронта [25]. В статье Михаила Шура «Дни штурма» особый акцент сделан на панических настроениях, царивших среди пленных немецких солдат, и огромных потерях противника [50, с. 3].

Выпуск газеты «Известия» от 24 октября 1944 г. вышел под заголовком «Войска 3-го Белорусского фронта, прорвав немецкую оборону, вторглись в пределы Восточной Пруссии по фронту в 140 километров. Советские воины с боями движутся вперед по Восточной Пруссии. Враг будет добит в его собственной берлоге!» [5, с. 1]. Военный корреспондент газеты на 2-м Белорусском фронте подполковник Константин Михайлович Тараданкин (1906 — 1975) в статье, озаглавленной «Вторжение», особо отметил роль артиллерии и авиации на начальном этапе наступления, подчеркнув при этом превосходство советских вооруженных сил над противником [39, с. 3]. В качестве военного журналиста К.М. Тараданкин побывал на Сталинградском, Южном, Калининском, 4-м Украинском, 3-м Белорусском фронтах. Вместе с передовыми частями он одним из первых оказался на территории Германии и Польши, где стал свидетелем ожесточенных боев.

С июня 1944 г. по февраль 1945 г. военным корреспондентом газеты «Известия» на 3-м Белорусском фронте был Леонид Александрович Кудреватых (1906 — 1981). Совместно с военным корреспондентом Всесоюзного радиокомитета, майором Зиновием Григорьевичем Островским он опубликовал в газете серию заметок, посвященных первым дням наступления в Восточной Пруссии [8, с. 2; 11, с. 3; 28, с. 3]. Среди героев этих публикаций — угнанные на работы в Германию советские граждане, которых освободила Красная армия [27, с. 2]. Авторы побуждали воинов идти вперед, призывая помнить о том, что десятки тысяч советских людей все еще томились в неволе в Восточной Пруссии.

Еще один часто встречавшийся мотив газетных публикаций этого периода — паника, которая охватила не только местное население, но и пособников гитлеровского режима. Ярким примером может послужить

заметка В.В. Тернового «В усадьбе Геринга». Охарактеризовав ход боев за Роминтенский лесной массив, автор подробно описал картину поспешного бегства, которую наблюдали советские войска, захватившие усадьбу одного из главарей нацистской Германии [45, с. 2].

Газетные публикации, посвященные первым дням наступления, не акцентировали внимание на действиях отдельных частей и командиров Красной армии. В статье Мартына Мержанова «На немецкой земле» упоминались «гвардейцы Толстикова», но лишь в контексте описания величественной картины вторжения, как русские солдаты, которые шагали по прусской земле [21, с. 3]. М.М. Шур в заметке «По немецкой земле» упоминал войска генерал-полковника К.Н. Галицкого, которые разрушили на своем пути десятки немецких крепостей [51, с. 3].

Таким образом, информация о наступательной операции войск 3-го Белорусского фронта на Гумбинненском направлении появилась в печати 24–25 октября 1944 г. Военные корреспонденты, освещавшие наступление, преследовали единую цель — воодушевить воинов Красной армии на борьбу, подчеркнув, что конец войны близок. При этом отмечались сложности, с которыми пришлось столкнуться советским войскам на земле противника. В последующие дни упоминания о тяжелых боях звучали все чаще. Много внимания уделялось системе укреплений, созданных немцами в Восточной Пруссии. Подчеркивались огромные потери, которые нес противник, но при этом отмечалось, что немцы регулярно бросали в бой новые силы [30, с. 3; 34, с. 2]. Последние публикации в прессе, освещавшие события в Восточной Пруссии, датируются ноябрем 1944 г. В дальнейшем эта тема сходит со страниц газет, чтобы вновь оказаться в центре внимания в январе 1945 г.

Двадцатого января 1945 г. в центральных печатных изданиях был опубликован приказ верховного главнокомандующего И.В. Сталина, адресованный командующему 3-м Белорусским фронтом генералу армии И.Д. Черняховскому, в котором сообщалось о прорыве обороны немцев и результатах пятидневного наступления войск фронта в Восточной Пруссии [29, с. 1]. Корреспондент «Красной звезды» на 3-м Белорусском фронте подполковник Н.Н. Прокофьев в статье «В огне боев» охарактеризовал действия советских войск по прорыву первого и второго оборонительных рубежей противника, подчеркнув роль артиллерии и авиации, оказавших необходимую поддержку наземным частям [31, с. 3]. В то время как части 3-го Белорусского фронта вели ожесточенные бои на территории немецкой провинции, войска 2-го Белорусского фронта подошли к ее границам с юга. Первые сведения о боях частей фронта на подступах к Восточной Пруссии появились в «Красной звезде» 18 января 1945 г. Капитан Михаил Еремеевич Макухин был военным корреспондентом газеты на 2-м Белорусском фронте с июня 1944 г. Несмотря на молодость, он уже имел опыт работы в газете 43-й армии «Защитник Отечества», участвовал в боях на Западном, Калининском, 1-м Прибалтийском фронтах, был дважды ранен. В статье «К границам Германии» М.Е. Макухин охарактеризовал военные

действия на млавско-эльбингском направлении, их ожесточенный характер, сложности при преодолении млавского оборонительного рубежа, подчеркнув высокий моральный дух наступающих частей Красной армии [18, с. 3].

В редакционной статье газеты «Известия» упоминались бои, развернувшиеся в Восточной Пруссии осенью 1944 г., подчеркивалось, что в течение нескольких месяцев немцы укрепляли оборону провинции, сосредоточив здесь отборные силы, но не сумели остановить наступление частей Красной армии. Военные корреспонденты газеты откликнулись на январские события чередой публикаций. Л. А. Кудреватых в статье «В Восточной Пруссии» подробно описал первые часы наступления войск 3-го Белорусского фронта. По словам корреспондента, «каждый метр немецкой земли брался в упорных боях. Взмаывалась серьезная, глубоко эшелонированная немецкая оборона» [10, с. 3]. Военные действия характеризовались автором как новый удар по немцам в Восточной Пруссии, как продолжение боев, которые вели части 3-го Белорусского фронта осенью 1944 г.

Уже на следующий день, 21 января 1945 г., в «Известиях» была опубликована статья Л. А. Кудреватых под названием «На кенигсбергском направлении». Отмечалось, что задача, которую поставило командование перед фронтом в новом наступлении в Восточной Пруссии, состояла в том, чтобы «сковать как можно больше сил врага, перемолоть эти силы, лишить противника возможности маневрировать оперативными резервами и нанести удар по подвижным средствам там, где противник меньше всего этого ожидает» [12, с. 3]. Корреспондент перечислил основные опорные узлы обороны немцев в первые дни наступления: Пилькаллен, Гумбиннен. Он также отметил успешный маневр, в ходе которого подвижные части Красной армии, брошенные в прорыв, смогли углубиться на 20 км, форсировать реку Инстер и тем самым вбить клин в немецкую оборону. В последующих номерах газеты корреспонденции Л. А. Кудреватых, посвященные боям на кенигсбергском направлении, появлялись регулярно.

Двадцать пятого января 1945 г. военный корреспондент «Известий» на 2-м Белорусском фронте К. М. Тараданкин сообщил о долгожданном вступлении частей фронта на территорию Восточной Пруссии. Журналист отметил, что ему дважды довелось пересечь границу немецкой провинции. Характеризуя военные действия в 1944 г., он подчеркнул, что «в октябре наши войска входили в Пруссию через восточную границу, чтобы сейчас, в январе, взять Гумбиннен и Тильзит... Теперь войска маршала Рокоссовского вторглись в Пруссию с юга...» [40, с. 4]. Таким образом, в сообщениях фронтовых корреспондентов январские события в Восточной Пруссии, в первую очередь наступление частей 3-го Белорусского фронта, характеризовались как продолжение военных действий, начавшихся осенью 1944 г.

В январе 1945 г. тема возмездия, обрушившегося на землю Германии, вновь становится в газетных публикациях одной из ключевых [20, с. 2; 55, с. 4]. Слова о мести и справедливости рефреном звучали в сооб-

щениях военного корреспондента «Правды», гвардии подполковника Василия Арсеньевича Величко (1908–1987). Он находился на фронте с первых дней войны, был дважды ранен, награжден медалями за оборону Москвы и Сталинграда. В период Восточно-Прусской операции находился в действующих частях 3-го Белорусского фронта. «Земля гуннов в огне», — писал автор в статье под заголовком «Огонь возмездия» [1, с. 3]. Майор Евгений Генрихович Кригер (1906–1983), известный писатель и военный корреспондент «Известий», обращался со страниц газеты к солдатам Красной армии, «идущим по дороге великого мщения», с призывом не отдавать контратакующим смертникам Гитлера ни одного метра [6, с. 3; 7, с. 2]. Корреспондент «Сталинского сокола», старший лейтенант Леонид Моисеевич Леров (Розин) (1910–1998) также использовал в своих заметках образ солдата, идущего на Кёнигсберг «великой дорогой святого возмездия» [16, с. 3]. О мщении, которое принес на землю врага советский боец, писал в первые дни наступления К.М. Тараданкин, подчеркнув при этом, что Красная армия сводила счеты за руины Смоленска, за кровь расстрелянных в Ростове не со стариками и малолетними, а с гитлеровскими войсками [42, с. 3].

Двадцать второго февраля 1945 г. в «Красной звезде» была опубликована статья И.Г. Эренбурга «В Германии». Газета в преддверии праздника вышла под лозунгом «Слава советским войскам, разбившим вражеские армии в Восточной Пруссии». И.Г. Эренбург своими глазами видел последствия зимнего наступления Красной армии. Он описал картину тотального разрушения, которую представляла собой Восточная Пруссия, упомянул десятки тысяч немецких женщин и детей, бредущих по улицам дымящихся городов. По словам корреспондента, ни он, ни советские солдаты не испытывали злорадства, потому что не воевали с младенцами и не расправлялись со стариками. Но немецкие военнопленные, фольксштурм, чиновники, члены нацистской партии — другое дело. Эренбург радовался наступившему возмездию, потому что вся Восточная Пруссия за исключением небольшого мешка возле Кёнигсберга была завоевана. «Чистая радость овладевает мной, — писал автор, — когда я вижу самый разбойный край Германии в огне, в смятении, а потом укрощенный, трепещущий, познавший нашу силу» [53, с. 2]. Тема возмездия в периодической печати была тесно связана с преступлениями нацистов на советской земле, а также с судьбами десятков тысяч освобожденных Красной армией бывших рабов прусских помещиков. «Они — точно живые страницы страшной книги, где каждая строка обагрена кровью, орошена слезами. Книга эта — обвинительный акт против гитлеровских рабовладельцев», — писал К.М. Тараданкин [41, с. 2]. Тот же мотив звучал и в статье Л. Кудреватых «По дорогам Восточной Пруссии» [13, с. 2].

Февраль 1945 г. ознаменовался серией газетных публикаций, посвященных важному стратегическому успеху советских войск — группировка немцев, находившихся в юго-западной части Восточной Пруссии, была отрезана от Кёнигсберга и лишилась единственной дороги, которая вела к морскому порту Пиллау [9, с. 3; 22, с. 3]. Именно в эти

дни на первый план в сообщениях военных корреспондентов выходит Кёнигсберг. Образ столицы Восточной Пруссии в советской прессе имел немало схожих черт. Первоклассная сухопутная и морская крепость, ввинченная в берег Балтики, окруженная мощной системой фортов, дотов, дзотов, сплошных линий траншей. Очаг войны и немецкого варварства. Очаг прусского милитаризма. Олицетворение военного престижа Германии [2, с. 3].

Заметка майора В.В. Тернового «В осажденном Кенигсберге» была размещена на первой полосе «Красной звезды». В своем рассказе о ситуации в городе он опирался на информацию, полученную от немецких военнопленных. В городе царил паника. На улицах возводились баррикады. Возникли проблемы с продовольствием. Кёнигсберг был переполнен беженцами из ближайших районов провинции. Часть жителей пыталась добраться в Пиллау по льду. Все население мужского пола было мобилизовано в действующую армию или фольксштурм [44, с. 1]. Несмотря на облавы, процветало дезертирство [23, с. 2].

Корреспондент «Сталинского сокола» Леонид Леров, ссылаясь на свидетельства сбежавших из плена советских солдат, сообщал о том, что дорога от Кёнигсберга до Пиллау была забита машинами и повозками, которые двигались в три ряда. Бензина не хватало, поэтому одна машина тянула две другие. Бои у стен Кёнигсберга не стихали ни днем ни ночью. Город дрожал от непрерывного гула, приводя жителей в ужас [15, с. 3].

Корреспонденции, посвященные боям «юго-западнее Кенигсберга», печатались в газетах почти каждый день на протяжении двух месяцев [36, с. 1; 48, с. 2]. В подробностях было описано планомерное продвижение советских войск, которые продолжали сжимать кольцо окружения. Отмечалось, что положение группировки противника, зажатой с трех сторон, становилось все более тяжелым: «Наши войска, перемалывая части вражеского гарнизона, атакуют главный город Восточной Пруссии и шаг за шагом продвигаются вперед» [44, с. 1]. Майор В.В. Терновой наблюдал многокилометровые обозы с беженцами в недавно взятом Тапиау — последнем крупном населенном пункте перед Кёнигсбергом [43, с. 2].

Тридцатого марта 1945 г. в газетах было объявлено о ликвидации окруженной восточнопрусской группы немецких войск юго-западнее Кёнигсберга. По сообщению подполковника Н.Н. Прокофьева, войска 3-го Белорусского фронта окончательно уничтожили группировку немцев на побережье залива Фриш Гаф, перемолов в приморском «котле» полки и дивизии противника. Бои на полное уничтожение, продолжавшиеся две недели, стали финалом большого двухмесячного сражения, начавшегося в январе на гумбинненском и мазурском рубежах. Основными узлами обороны немцев, по свидетельству корреспондента, были Бранденбург, Людвигсорт, Бладнау, Браунсберг, Хайлигенбайль. Все они были захвачены советскими войсками в результате ожесточенных кровопролитных боев [33, с. 2].

В первых числах апреля информация о боях в Восточной Пруссии почти не встречалась на страницах газет. Однако было понятно, что это затишье мнимое, близилась развязка — падение Кёнигсберга. Наконец, 9 апреля 1945 г. на первой полосе газеты «Правда» была опубликована статья военного корреспондента, капитана Николая Григорьевича Михайловского «Штурм Кенигсберга» [24, с. 1]. В то время пресса не могла дать мгновенный отклик на события. Сообщение о штурме было датировано 8 апреля. Н.Г. Михайловский дал одно из первых описаний боев, которые шли в столице Восточной Пруссии. По сообщению корреспондента, штурм был начат одновременно с северо-запада и юга. В первой половине дня части Красной армии прорвались к внешним фортам Кёнигсберга, расположенным в 6—7 км от центра города. В результате ожесточенных боев были захвачены три форта, преграждавшие путь в город. Несколько других фортов были блокированы и обойдены наступавшими. Развивая успех, танки и пехота прорвались в городские районы, захватывая квартал за кварталом. Немцы вели огонь из окон и подвалов домов, превращенных в доты. Пытались контратаковать, но безуспешно. В плен попали 15 000 немецких солдат и офицеров [24, с. 1].

Десятого апреля 1945 г. главная правительственная газета страны «Известия» вышла под заголовком «Красная Армия одержала новую блестящую победу. Войска 3-го Белорусского фронта штурмом овладели крепостью и главным городом Восточной Пруссии — Кенигсберг — стратегически важным узлом обороны немцев на Балтийском море. Завершен разгром Кенигсбергской группы немецких войск». В газете было объявлено, что штурм города начался 8 апреля [26, с. 1]. Военный корреспондент «Известий», старший литературный сотрудник газеты 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда» Александр Иванович Шестаков сообщил о том, что в первый день штурма, 8 апреля, было захвачено семь фортов противника, несколько дотов, немцы были выбиты из двенадцати районов города, в плен попали свыше 15 000 гитлеровцев. Утром 9 апреля начался штурм последних немецких укреплений. К 21 ч 30 мин сопротивление противника было окончательно сломлено [49, с. 2].

Однако наибольшее количество публикаций пришлось на 11 апреля 1945 г. Илья Эренбург отозвался на события в Восточной Пруссии статьей «Хватит!» Она начиналась словами: «Пал “неприступный” Кенигсберг, пал через 12 часов после заверений берлинского радио, что никогда русским не быть в Кенигсберге» [56, с. 3]. Газета «Правда» посвятила событиям в столице Восточной Пруссии отдельную полосу. В эти дни Михаил Шур находился в предместьях Кёнигсберга. По словам корреспондента, генеральному штурму предшествовала артиллерийская и авиационная подготовка, отличавшаяся исключительной силой. Артиллеристы не только заранее засекли и нанесли на карты свои цели — они имели перед собой рисунки, рельефно изображавшие каждый дот, блиндаж, убежище. Артиллерии было столько, что батареи располагались в нескольких шагах одна от другой. Главный круго-

вой обвод кёнигсбергской крепостной обороны был взломан в первые же несколько часов. Уже на следующее утро Кёнигсберг был рассечен надвое, а в полдень разгорелся бой за центр города. Зажатый в клещи немецкий гарнизон был атакован одновременно с восьми направлений. В результате Кёнигсберг стал тылом советских войск, продолжавших наступление на Пиллау [52, с. 3].

Одним из самых сильных по эмоциональному воздействию журналистских откликов на апрельские события стала серия очерков гвардии полковника В. А. Величко под общим названием «Падение Кенигсберга». Корреспондент показал основные вехи масштабного наступления Красной армии в Восточной Пруссии глазами гвардейцев генерала И. И. Людникова¹, советских солдат и офицеров, наступавших на кёнигсбергской оси. Величко позволил читателю вместе с гвардейцами вновь пересечь границу немецкой провинции, преодолеть укрепления Пилькаллена и Инстербурга, разгромить немцев на Земландском полуострове, сквозь туман и железобетон пробиться к Кёнигсбергу — прусскому Карфагену [3, с. 3].

Итоги штурма Кёнигсберга подвел подполковник Н. Н. Прокофьев. В его репортаже столица Восточной Пруссии предстала перед советским читателем покоренной и разрушенной. На загроможденных разбитой техникой улицах скопились горы гильз и патронов. Повсюду лежали трупы немецких солдат. Белые флаги развевались на зданиях — знак полной и безоговорочной капитуляции. Опираясь на свидетельство участника событий, гвардии подполковника П. Г. Яновского², Н. Н. Прокофьев сообщил также о том, как проходили переговоры о капитуляции немецкого гарнизона [32, с. 2].

Война продолжалась, а наступление Красной армии в Восточной Пруссии подходило к концу. Семнадцатого апреля 1945 г. в «Красной звезде» была опубликована заметка В. В. Тернового «Путь на Пиллау» о продвижении войск Красной армии на север и северо-запад от Кёнигсберга. Всего через несколько дней, 26 апреля 1945 г., корреспондент сообщил о том, что крепость пала [47, с. 2; 46, с. 4].

Несколько долгих месяцев военные корреспонденты центральных партийных и военных газет на 2-м и 3-м Белорусских фронтах, а также Балтийском флоте освещали в печати тяжелейшие кровопролитные бои, которые вели советские войска на восточнопрусской земле. Не все из военных журналистов, ежедневно рисковавших жизнью, чтобы получить самую актуальную информацию, смогли лично увидеть падение Кёнигсберга. Л. А. Кудреватых и М. И. Мержанов в середине февраля 1945 г. получили приказ отправиться на 1-й Белорусский фронт. Для них война закончилась в Берлине. Несмотря на это, оба журнали-

¹ Иван Ильич Людников (1902—1976) — в период Восточно-Прусской операции 1945 г. генерал-лейтенант, командующий 39-й армией 3-го Белорусского фронта.

² Петр Григорьевич Яновский (1917—2005) — в период штурма Кёнигсберга подполковник, начальник штаба 11-й гвардейской стрелковой дивизии, парламентар, вручил коменданту Кёнигсберга генералу О. Ляшу ультиматум о сдаче города.

ста, как и десятки других фронтовых корреспондентов, внесших свой вклад в падение прусской твердыни, были удостоены медали «За взятие Кенигсберга».

Пятого мая 1945 г., в день советской печати, Леонид Александрович Кудреватых сделал запись в своей «Берлинской тетради»: «Военный журналист своими глазами видит бой, беседует с его участниками. Положив блокнот на колени, пишет рассказ о виденном и слышанном и всеми путями стремится как можно скорее доставить написанное в свою газету, чтобы завтра читатели по его заметкам могли судить о ходе войны, узнавали бы о беззаветной храбрости наших бойцов и командиров» [14].

Сообщения фронтовых корреспондентов не только дополнили летопись военных событий, они сохранили для потомков примеры коллективного и индивидуального героизма советских солдат и офицеров, продемонстрировали их волю к победе и любовь к Родине.

Список литературы

1. Величко В. Восточная Пруссия. Огонь возмездия // Правда. 1945. 3 февр. С. 3.
2. Величко В. Кенигсберг во мгле // Правда. 1945. 12 марта. С. 3.
3. Величко В. Падение Кенигсберга // Правда. 1945. 11 апр. С. 3; Правда. 1945. 12 апр. С. 3; Правда. 1945. 13 апр.
4. Директива ГлавПУ РКВМФ начальникам политуправлений флотов, начальникам политотделов флотилий и соединений о направлении текста «Положения о работе военных корреспондентов на фронте». 15 сентября 1942 г. // Русский архив: Великая Отечественная: док. и материалы. М., 1996. Т. 17. С. 465–467.
5. Красная армия пересекла советско-германскую границу // Известия. 1944. 24 окт. С. 1.
6. Кригер Е. Глубина фронта // Известия. 1945. 23 февр. С. 3.
7. Кригер Е. Твой час наступает, Германия! // Известия. 1945. 1 февр. С. 2.
8. Кудреватых Л. Бои в Восточной Пруссии // Известия. 1944. 27 окт. С. 2.
9. Кудреватых Л. Бои у Кенигсберга // Известия. 1945. 3 февр. С. 3.
10. Кудреватых Л. В Восточной Пруссии // Известия. 1945. 20 янв. С. 3.
11. Кудреватых Л. В логове врага // Известия. 1944. 24 окт. С. 3.
12. Кудреватых Л. На кенигсбергском направлении // Известия. 1945. 21 янв. С. 3.
13. Кудреватых Л. По дорогам Восточной Пруссии // Известия. 1945. 31 янв. С. 2.
14. Кудреватых Л. А. Берлинская тетрадь. Записки военного корреспондента. М., 1966. URL.: <https://libking.ru/books/prose-/prose-military/606668-leonid-kudrevatyh-berlinskaya-tetrad.html#read> (дата обращения: 28.02.2025).
15. Леров Л. В Восточной Пруссии // Сталинский сокол. 1945. 17 февр. С. 3.
16. Леров Л. Восточная Пруссия. Путевые заметки // Сталинский сокол. 1945. 7 февр. С. 3.
17. Меньшиков Г. На немецкой территории // Красная звезда. 1944. 24 окт. С. 3.
18. Макухин М. К границам Германии // Красная звезда. 1945. 20 янв. С. 3.
19. Мержанов М. В Германии // Правда. 1944. 24 окт. С. 3.

20. Мержанов М. На земле врага // Правда. 1945. 20 янв. С. 2.
21. Мержанов М. На немецкой земле // Правда. 1944. 26 окт. С. 3.
22. Мержанов М., Шур М. Под Кенигсбергом // Правда. 1945. 1 февр. С. 3.
23. Мельников К. Штурм Кенигсберга // Красная звезда. 1945. 10 апр. С. 2.
24. Михайловский Н. Штурм Кенигсберга // Правда. 1945. 9 апр. С. 1.
25. Наградной лист. Шур Михаил Маркович. URL: <https://podvignaroda.ru/filter/filterimage?path=VS/199/033-0686196-5914%2b040-5923/00000155.jpg&id=27789494&id1=a1d89cd71e503ec2b66ab270b6ad1e01> (дата обращения: 28.02.2025).
26. Разгром Кенигсбергской группы немецких войск // Известия. 1945. 10 апр. С. 1.
27. Островский З., Кудреватых Л. Войска идут по Восточной Пруссии // Известия. 1944. 25 окт. С. 2.
28. Островский З., Кудреватых Л. Могучий прорыв // Известия. 1944. 26 окт. С. 3.
29. Приказ Верховного Главнокомандующего Командующему войсками 3-го Белорусского фронта генералу армии Черняховскому // Красная звезда. 1945. 20 янв. С. 1.
30. Прокофьев Н. В Германии // Красная звезда. 1944. 26 окт. С. 3.
31. Прокофьев Н. В огне боев // Красная звезда. 1945. 20 янв. С. 3.
32. Прокофьев Н. Н. Как сдались в плен остатки немецкого гарнизона Кенигсберга // Красная звезда. 1945. 12 апр. С. 2.
33. Прокофьев Н. Ликвидация группировки немцев юго-западнее Кенигсберга // Красная звезда. 1945. 30 марта. С. 2.
34. Прокофьев Н. Преодоление сильных укреплений в Восточной Пруссии // Красная звезда. 1944. 28 окт. С. 2.
35. Прокофьев Н., Терновой В. Прорыв вражеской обороны в Восточной Пруссии // Красная звезда. 1944. 24 окт. С. 3.
36. Прокофьев Н. Юго-западнее Кенигсберга // Красная звезда. 16 марта. С. 1.
37. Рыбак Н. Вторжение // Сталинский сокол. 1944. 25 окт. С. 2.
38. Сурков А. Ночной привал под Эйдкуненом // Красная звезда. 1944. 25 окт. С. 2.
39. Тараданкин К. Вторжение // Известия. 1944. 24 окт. С. 3.
40. Тараданкин К. В южной части Восточной Пруссии // Известия. 1945. 25 янв. С. 4.
41. Тараданкин К. На Втором Белорусском фронте // Известия. 1945. 2 февр. С. 2.
42. Тараданкин К. Советский воин идет вперед // Известия. 1945. 23 февр. С. 3.
43. Терновой В. В немецких городах // Красная звезда. 1945. 1 февр. С. 2.
44. Терновой В. В осажденном Кенигсберге // Красная звезда. 1945. 9 февр. С. 1.
45. Терновой В. В усадьбе Геринга // Красная звезда. 1944. 27 окт. С. 2.
46. Терновой В. Пала крепость Пиллау // Красная звезда. 1945. 26 апр. С. 4.
47. Терновой В. Путь на Пиллау // Красная звезда. 1945. 17 апр. С. 2.
48. Терновой В. Юго-западнее Кенигсберга // Красная звезда. 20 марта. С. 2.
49. Шестак А. Штурм Кенигсберга // Известия. 1945. 10 апр. С. 2.
50. Шур М. Дни штурма // Правда. 1944. 24 окт. С. 3.
51. Шур М. По немецкой земле // Правда. 1944. 29 окт. С. 3.
52. Шур М. Прусская твердыня сокрушена // Правда. 1945. 11 апр. С. 3.
53. Эренбург И. В Германии // Красная звезда. 1945. 22 февр. С. 2.
54. Эренбург И. Великий день // Красная звезда. 1944. 25 окт. С. 3.
55. Эренбург И. У них // Красная звезда. 1945. 22 янв. С. 4.
56. Эренбург И. Хватит! // Красная звезда. 1945. 11 апр. С. 3.

Об авторе

Людмила Николаевна Жданович — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: LZHdanovich@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-6107-0585

L. N. Zhdanovich

**«SOLDIERS OF THE WORD»: SOVIET WAR CORRESPONDENTS
ON THE BATTLES IN EAST PRUSSIA, 1944–1945**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 31 March 2025

Accepted 5 May 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-5

73

To cite this article: Zhdanovich L.N. 2025, «Soldiers of the word»: Soviet war correspondents on the battles in East Prussia, 1944–1945, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 61–73. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-5.

An attempt is made to examine the course of military operations in East Prussia from autumn 1944 to spring 1945 through the prism of publications by war correspondents in the central Soviet newspapers: Pravda, Izvestia, Krasnaya Zvezda, and Stalinsky Sokol. Frontline correspondents, being embedded within the active army, were chroniclers of the war, eyewitnesses to the events unfolding on the territory of the German province. These “soldiers of the word” contributed to maintaining the morale of Soviet troops, popularizing the combat experience of Red Army units, and showcasing examples of heroism among soldiers and officers. While fulfilling the ideological tasks assigned by the Soviet authorities and constrained by strict censorship, the war correspondents simultaneously infused their essays and reports with their personal war experiences, leaving for posterity an invaluable historical source. An analysis of the war journalists’ correspondence enables the identification of how perceptions were formed regarding the objectives set for the Soviet troops during the Gumbinnen and East Prussian offensive operations of the Red Army, the periodization of military actions, the role of specific branches of the armed forces, as well as the relationships between the advancing units and the local population. At the same time, this is also the history of the frontline correspondents themselves, who accompanied the active army throughout East Prussia.

Keywords: war correspondents, «Izvestia», «Krasnaya Zvezda», «Pravda», «Stalinsky Sokol», East Prussia, Great Patriotic War

The author

Dr Liudmila N. Zhdanovich, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: LZHdanovich@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-6107-0585

Е. Н. Тишакова

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В США В 1980 ГОДУ: ОСОБЕННОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 06.11.2024 г.

Принята к публикации 05.05.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-6

74

Для цитирования: Тишакова Е. Н. Президентская избирательная кампания в США в 1980 году: особенности и результаты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №2. С. 74—87. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-6.

Статья посвящена анализу президентской избирательной кампании в США в 1980 г. Особое внимание уделено историческим условиям, повлиявшим на исход выборов, на фоне которых разворачивалась партийно-политическая борьба. Каждая президентская избирательная кампания в Соединенных Штатах отличается своими особенностями и непредсказуемостью. Итоговый результат не всегда возможно определить, поскольку на избирателей и решение Коллегии выборщиков оказывает влияние множество факторов. Однако на основе комплексного анализа внутривыборных и внешнеполитических приоритетов различных электоральных групп, общей оценки исторических условий, сравнения взглядов и предвыборных платформ кандидатов в президенты появляются основания для определения возможного победителя. Острая партийно-политическая борьба в США в рамках президентской избирательной кампании 1980 г. стала отражением сильного раскола внутри страны и во многом была связана с изменением настроений американского электората. Существует необходимость в более глубоком и объективном анализе ситуации того времени, чтобы понять те процессы, которые происходили в американском обществе и привели к поражению демократа Джимми Картера на президентских выборах, обеспечили победу крайне правого республиканца Рональда Рейгана и укрепили идеологию неоконсерватизма в конце 1970-х — начале 1980-х гг. С учётом достижений исторической и политической наук и с применением историко-сравнительного и историко-генетического методов это возможно осуществить в данном исследовании.

Ключевые слова: Джимми Картер, Рональд Рейган, президентские выборы 1980 г., Соединенные Штаты Америки

В 1980 г. президентская избирательная кампания в США проходила в непростых условиях событий внутренней и внешней политики. На ее заключительном этапе действующий президент от Демократической партии Джимми Картер столкнулся с двумя противниками — крайне правым республиканцем и бывшим губернатором Калифорнии Рональдом Рейганом и либеральным республиканцем конгрессменом от штата Иллинойс Джоном Андерсоном. Наличие третьего независимого

кандидата стало одной из особенностей избирательной кампании, свидетельством сильной партийно-политической борьбы и показало, что часть американцев не доверяла обоим представителям партий.

Среди факторов, влияющих на исход президентских выборов в США, когда одним из кандидатов является действующий президент, решающее значение имели результаты его деятельности за истекшие четыре года. По традиции президент, переизбиравшийся на второй срок, имел большие преимущества перед соперниками и широко мог использовать возможности должности для влияния на общественное мнение страны через представителей СМИ, влиятельных политиков, профсоюзных деятелей. Специально приуроченные к выборам мероприятия внутренней и внешней политики нередко служили средством пробуждения национальных и патриотических чувств американцев, чтобы объединить вокруг президента разные группы избирателей. Более того, действующий президент США, формально будучи лидером партии, мог контролировать Национальный комитет с возможностью направлять его действия во время предвыборной кампании, а партийный аппарат с помощью процедурных и дисциплинарных средств был способен устранить оппозицию в рядах партии.

До 1980 г. за 200-летнюю историю США лишь в восьми случаях переизбирающийся президент терпел поражение на выборах и уступал пост. Особенностью выборов 1980 г. стало поражение переизбиравшегося на второй срок демократа Дж. Картера.

Главной причиной поражения были результаты его деятельности: в марте 1980 г. инфляция составила 14,7 % и продолжала расти, безработица коснулась 9 млн человек, в стране были stagflation и топливно-энергетический кризис, а люди продолжали терять доверие к президенту [2, с. 4]. Бывший губернатор Джорджии Дж. Картер пришел к власти в сложный период. С конца 1960-х гг. в США так называемый «кризис лидерства» проявился повсеместным и глубоким недоверием к профессиональным политикам [9, с. 113]. Как отмечал американист В.О. Печатнов, Уотергейтский скандал парализовал президентскую власть [10, с. 5]. Именно «кризис лидерства» стал главной чертой американской политики, а проблемы в экономике вызывали сомнения в будущей мощи и процветании. Избираясь в президенты в 1976 г., Картер являл собой якобы альтернативу официальному Вашингтону, считаясь «аутсайдером» (хотя была поддержка мощной «Трехсторонней комиссии» [13, с. 584; 8, с. 474—475]), и был уверен, что его личные качества в сочетании с ощущением пределов власти положат конец «кризису лидерства». Но он не справился с задачей.

Команда Картера, опираясь на убеждение, что народ испытывает недоверие к действиям истеблишмента, воплотившимся в «Уотергейте» и «имперском президентстве» Л. Джонсона и Р. Никсона, разработала новые подходы, сделав акцент на особый стиль правления президента и его общения с людьми. Это нашло отражение во внешних проявлениях. В день инаугурации 20 января 1977 г. Картер показал, что его правление будет иным, чем «имперское президентство», и от Капито-

лия к Белому дому с супругой Розалин пешком прошел часть пути по Пенсильвания-авеню. Он регулярно ездил в маленькие города США на «городские встречи» с жителями для выявления проблем и часто останавливался в доме какого-либо горожанина, а не в гостинице. Или мог позвонить по телефону рядовому американцу и поинтересоваться мнением о проводимых реформах. Картер в силу характера был естественен в своем поведении, проявляя открытость и дружелюбие, и с его стороны это не выглядело циничной манипуляцией ради политической выгоды.

Но популизм был, хотя Картер верил, что у него сложились прямые и непосредственные отношения с людьми. Основную идею он сформулировал в начале правления 9 февраля 1977 г.: «...После неудачной войны во Вьетнаме, разоблачений о нарушении закона ЦРУ и событий “Уотергейта” в сердцах и умах американского народа сформировалось отчуждение от правительства, а иногда и недоверие к нему. Я хочу сделать всё, что в моих силах, как начинающий президент, который никогда раньше не работал в Вашингтоне, чтобы укрепить связи, существующие между людьми, которые не работают в правительстве... Я постарался, насколько мог, избавиться от внешних атрибутов пышности и церемоний, которые в прошлом сопровождали президентов. ...У нас будет энергичная и динамичная администрация. В Конгресс будет поступать постоянный поток всеобъемлющих предложений, которые, на мой взгляд, давно назрели: полная реформа системы социального обеспечения; впервые всеобъемлющая политика в области энергетики...» [18; 23, р. 148–149].

Но Картеру не доставало знаний и опыта работы в Вашингтоне, что стало одной из главных причин критики в период избирательной кампании 1980 г. За годы президентства он остался «аутсайдером», не добился авторитета в Демократической партии и во взаимоотношениях с Конгрессом (хотя в обеих палатах большинство было у демократов). Ему пришлось иметь дело с активным и критически настроенным Конгрессом, отношения с которым часто были враждебными. У Картера не было взаимопонимания в администрации и прочных связей с разными учреждениями и структурами. В аппарате Белого дома преобладали его помощники и консультанты из Джорджии («джорджийская мафия»), но они тоже никогда не работали на национальном уровне, не занимали высокие должности, не умели и не стремились договориться с группами лобби и фактически бросили вызов политической элите страны.

В период избирательной кампании 1980 г. со стороны политологов и экономистов одним из критических замечаний в адрес администрации Картера было утверждение, что у нее нет комплексной программы, четкого понимания или хотя бы указания приоритетов в области внутренней политики, что она разрабатывает отдельные программы для борьбы с возникающими проблемами — инфляцией, безработицей, кризисом в энергетике. Картера обвиняли в непостоянстве взглядов, так как на выборах 1976 г. он придерживался неолиберальной

стратегии, выступал за государственное регулирование экономики и был сторонником активного социального реформизма, а став президентом, уже с 1978 г. под влиянием проблем в экономике и разногласий с членами кабинета, ответственными за социальный и экономический блок, изменил позицию. В послании к Конгрессу 19 января 1978 г. он заявил: «...Роль и функции правительства ограничены. Правительство не может решить наши проблемы, не может установить наши цели, не может определить наше видение. Правительство не может искоренить бедность или создать процветающую экономику или снизить инфляцию...» [20]. Поэтому осенью 1978 г. Картер для борьбы с инфляцией и дефицитом бюджета сократил финансирование ряда государственных социальных программ.

С 1979 г. в США наметились признаки нового экономического спада. Он совпал с новым витком кризиса в энергетике из-за революции в Иране, а дефицит сырой нефти привел к сокращению поставок бензина. Показательным в изменении экономической политики правительства было назначение Картером в августе 1979 г. главой ФРС США Пола Волкера. Тот боролся с высокой инфляцией с позиций монетаризма с помощью ограничительной денежно-кредитной политики. Эти меры и принятие администрацией в 1979 г. энергетической и антиинфляционной программ ухудшили положение людей, обернулись ростом стоимости жизни и нормированием бензина на автозаправках, а в год выборов в США стали объектами жесткой критики в отношении президента Джимми Картера.

Неблагоприятная экономическая конъюнктура и непопулярные меры быстро снижали рейтинг одобрения Картера с 50 % в январе 1979 г. до 28 % в середине июня 1979 г. [26, р. 17–20]. Это был самый низкий рейтинг для любого президента с тех пор, как Дж. Гэллуп в 1930-х гг. начал проводить опросы.

Важно отметить, что во второй половине 1970-х гг. в общественных настроениях США усилился переход к консерватизму, что свидетельствовало о распаде либерально-консервативного консенсуса, сформировавшегося после Второй мировой войны. Одним из сигналов стали промежуточные выборы в Конгресс 7 ноября 1978 г. Демократы сохранили контроль над обеими палатами, но республиканцы улучшили позиции и получили пятнадцать мест в Палате представителей и три места в Сенате. Это был результат новой тактики Республиканской партии, направленной на увеличение числа сторонников. Ее разработали при участии консервативных «мозговых трестов» («фабрик мыслей»). Укреплением Республиканской партии после провала на выборах в 1976 г. занялся Билл Брок, который в январе 1977 г. занял пост председателя Национального комитета. Солидная финансовая база позволила ему начать новые программы по партийному строительству и направить средства для расширения круга доноров через прямую почтовую рассылку.

В связи с уменьшением числа избирателей, идентифицирующих себя с одной из основных партий, в Республиканской партии признали,

что голосование становится все более ориентированным на кандидатов и для победы на выборах требуются хорошие кандидаты и энергичные избирательные кампании. После выборов 1978 г. Республиканская партия удвоила свои усилия. С 1978 г. при колоссальной финансовой и информационной поддержке со стороны представителей большого бизнеса популярность получила агитационная кампания правого консерватора Р. Рейгана, постепенно объединяя вокруг него как одного из претендентов на пост президента широкую коалицию консерваторов США разного толка и региональных групп, включая «новых правых», неоконсерваторов, консервативных демократов [27, р. 46–48]. Руководство партии запустило телевизионную рекламную кампанию стоимостью 5 млн долл., направленную на то, чтобы обвинить в бедах страны двадцатипятилетний контроль демократов над Конгрессом. Республиканцы на местном уровне проводили энергичные кампании с участием способных кандидатов, а на национальном уровне представили новый облик партии [25, р. 266].

Критика Картера и мер его администрации нарастала и в Демократической партии, где открытые высказывания недовольства начались осенью 1978 г. после промежуточных выборов в Конгресс. На конференции Демократической партии в Мемфисе 8–10 декабря 1978 г. представители либерального крыла партии ополчились против консервативной социально-экономической политики администрации. Уже тогда высказывалось мнение, что перевыборы Дж. Картера в 1980 г. не пройдут гладко. Было очевидно, что сам Картер гораздо консервативнее, и традиционные электоральные группы демократов все меньше его поддерживали и это могло негативно отразиться на выборах в Конгресс.

«Рупором» недовольных либерал-демократов стал влиятельный председатель подкомитета Сената по здравоохранению Эдвард («Тед») Кеннеди. Личная неприязнь Картера и Кеннеди наслочилась на разные взгляды на проведение реформы национального медицинского страхования. Кеннеди в Мемфисе обвинил администрацию в сокращении расходов на социальную политику для борьбы с инфляцией и в возможном распаде традиционной коалиции демократов: «Партия, которая разорвала себя на части из-за Вьетнама в 1960-х годах, не может позволить себе разорвать себя сегодня из-за сокращения бюджета на основные социальные программы. ...Немногие вещи способны внести в американское общество и в ряды нашей партии больший раскол, нежели проводимая партией политика экономии на стариках, бедных, чернокожих, больных, городских низах и безработных» [6, с. 446].

Картер опасался выдвижения кандидатуры Кеннеди на пост президента в 1980 г. [19, р. 463] и предпринял попытку договориться с ним в декабре 1978 г., чтобы тот не участвовал в выборах, но получил отказ. В опросах Гэллала в течение года начиная с осени 1978 г. Э. Кеннеди неизменно опережал Картера, что не могло того не беспокоить. Формальным поводом для вступления Кеннеди в предвыборную борьбу стала «речь о недуге», с которой Картер обратился к нации 15 июля 1979 г. в трудный момент для страны с признанием, что «кризис дове-

рия» «наносит удар в самое сердце, душу и сущность нашей национальной воли» [17]. Кеннеди был не согласен с этим выводом [6, с. 451]. Полагаясь на своих сторонников в либеральном крыле Демократической партии и опираясь на данные опросов, 7 ноября 1979 г. он выдвинул свою кандидатуру для участия в выборах.

«Речь о недуге» использовали и республиканцы как сильный аргумент против Картера и хорошую возможность одержать победу над демократами.

Дж. Картер рассчитывал на переизбрание. Но в начало предвыборной кампании вмешались события внешней политики: 4 ноября 1979 г. в посольстве США в Тегеране сотрудники-американцы были захвачены иранцами в заложники, а в декабре 1979 г. СССР ввел войска в Афганистан. В этих условиях 4 декабря 1979 г. Картер официально объявил о выдвижении своей кандидатуры на переизбрание, но заявил, что не станет участвовать в активной предвыборной кампании или другой партийной деятельности, пока не будет разрешен кризис с заложниками [16]. Поэтому 28 декабря 1979 г. он отказался от участия в январе 1980 г. в дебатах в Айове с Э. Кеннеди и губернатором Калифорнии Джерри Брауном.

Если в президентских выборах 1976 г. Картер ориентировался на внутренние проблемы, то в 1980 г. он больше внимания уделял внешней политике: ввел эмбарго на импорт иранской нефти и арестовал активы Ирана в США [12, с. 143]. Четвертого января 1980 г. резко сократил продажи СССР зерна, высокотехнологичного оборудования, стратегических товаров и добавил, что США серьезно рассматривают возможность бойкота летних Олимпийских игр в Москве, в начале 1980 г. представил доктрину о возможности использовать военную силу для защиты интересов США в регионе Персидского залива.

Воспользовавшись событиями кризиса в Иране и сославшись на заботы по освобождению заложников, Дж. Картер отказался от предвыборных поездок по стране и вел свои выступления из Розового сада в Белом доме [3, с. 13]. Вместо президента главными фигурами его предвыборной кампании стали супруга Розалин, которая представляла мужа на праймериз и выступала на агитационных митингах, и вице-президент Уолтер Мондейл.

В прошлом международные кризисы часто порождали сильные настроения сплочения вокруг президента. Захват заложников вначале тоже имел такой эффект и даже поднял рейтинг Картера в конце 1979 г. Но дальше кризис с заложниками нанес большой ущерб авторитету администрации и репутации Картера. Он стал основным информационным фоном всей избирательной кампании 1980 г. и удобным поводом для критики президента его конкурентами. На протяжении года администрация предпринимала неудачные попытки освободить заложников, включая плохо организованную военную операцию «Орлиный коготь» [4, с. 220] группы спецподразделения США «Дельта» в апреле 1980 г. [5, с. 474]. Но заложники не были освобождены вплоть до вступления в должность избранного президента Р. Рейгана в январе 1981 г.

Этап праймериз в Республиканской партии в самом начале показал преимущество Р. Рейгана, хотя было много кандидатов от республиканцев (Дж. Буш, Г. Бейкер, Дж. Конналли, Р. Доул, Дж. Андерсон). Среди них выделялись Буш и Андерсон. Против Рейгана было предубеждение из-за его взглядов и возраста — ему было 68 лет, и он был самым пожилым из кандидатов. Но команда Рейгана хотела представить его новатором в подходе к разным проблемам и энергичным человеком, поэтому за первые пять дней кампании он выступил в девяти штатах [11, с. 206]. Рейган выиграл семь из первых девяти праймериз. Девятнадцатого марта 1980 г. были опубликованы результаты праймериз в Иллинойсе, где Р. Рейган одержал крупную победу над Дж. Андерсоном и Дж. Бушем, после чего эксперты объявили, что он победил в номинации республиканцев на пост президента. На съезде Республиканской партии в Детройте 14–17 июля 1980 г. Рейган был выдвинут партией как официальный кандидат в президенты, а Джордж Буш — в вице-президенты. Буш был популярен среди умеренных республиканцев и независимых [1, с. 259–260], большинство из которых по-прежнему настороженно относились к Рейгану. Кризис с заложниками в Иране заставил многих американцев ощутить беспокойство за будущее страны, и Рейган пообещал «Сделать Америку снова великой». В платформу партии включили пункты о снижении налогов, сокращении социальных выплат и повышенном внимании к национальной безопасности [24]. Республиканская партия сплотилась, но конгрессмен Джон Андерсон принял решение баллотироваться как независимый кандидат в президенты.

Внутри Демократической партии в период избирательной кампании произошёл раскол. В истории США редко так складывались обстоятельства, чтобы президент, заявивший о переизбрании, не был даже уверен, добьётся ли он официального выдвижения на национальном съезде партии. Большинство лидеров Демократической партии невысоко оценивали шансы Картера на переизбрание и опасались, что из-за его низкой популярности многие сенаторы-демократы могут не добиться переизбрания в Конгресс.

Сенатор Э. Кеннеди боролся за нечто большее, чем просто за номинацию. Он, по-видимому, искренне хотел повлиять на будущую политику Демократической партии. Схватка Картера с Кеннеди на этапе праймериз демократов в январе — мае 1980 г. привела к ожесточенным разногласиям. Кеннеди, обладая ограниченными финансовыми и информационными возможностями, сумел одержать победу в пятнадцати праймериз и партийных собраниях штатов и получить поддержку свыше семи миллионов американцев. Их голоса позволили Кеннеди бросить вызов Картеру на Национальном съезде Демократической партии в борьбе за официальную номинацию.

Стремясь сплотить демократов, Картер воспользовался преимуществами, которые давал статус президента, включая распределение федеральных грантов на местном уровне, способных повлиять на голоса избирателей. С большим трудом Картеру удалось добиться выдвиже-

ния на Национальном съезде Демократической партии в Нью-Йорке в августе 1980 г. Кеннеди до последнего момента не снимал своей кандидатуры, добиваясь внесения ряда изменений в положения предвыборной платформы партии, чтобы она отражала его либеральную идеологию. Картеру пришлось уступить. Речь Э. Кеннеди («Речь о мечте») перед делегатами стала одним из самых волнующих моментов съезда, вызвав продолжительные овации. Речь президента Дж. Картера была примечательна не столько своим содержанием, сколько призывом к поддержке со стороны Эдварда Кеннеди. Сам сенатор всё же вышел на сцену, холодно пожал руку Картеру, но уклонился от нескольких попыток со стороны президента взяться за руки и заставить его сфотографироваться в знак примирения с поднятыми вверх руками [6, с. 466 – 468].

Независимый кандидат либеральный республиканец Джон Андерсон вступил в борьбу за пост президента в союзе с демократом Патриком Люси. Его положение было самым уязвимым из-за очень ограниченного финансирования предвыборной кампании и небольшой освещенности в СМИ. Но, как показывали опросы, почти во всех крупных штатах Андерсон отбирал голоса у Картера, а не у Рейгана. Федеральная избирательная комиссия 4 сентября 1980 г. постановила, что кандидатуру Андерсона следует рассматривать как инициативу третьей стороны, и если он наберет в день выборов не менее 5 % голосов, то получит федеральные средства после выборов.

Ключевым фактором избирательной кампании 1980 г. стало экономическое положение страны. В экономике было много проблем, но каждый кандидат настаивал на том, что возможно ее улучшение. Картер говорил об экономическом обновлении с помощью тщательно отобранных программ расходов, снижении налогов и энергосбережении [15]. Андерсон предложил значительно увеличить налог на газ как способ поощрения сохранения природных ресурсов. Рейган был уверен в оздоровлении экономики и предложил «стратегию роста»: снизить подоходный налог и государственное регулирование бизнеса, сделать упор на производство энергии, а не на ее сохранение. Он считал, что страна могла бы получать столько нефти, сколько ей нужно, если бы были расширены возможности нефтяной промышленности для получения прибыли, а Министерство энергетики, созданное Картером, — упразднено [24].

Начиная с 1960-х гг., в США обозначилась четкая партийно-политическая поляризация по самым разным проблемам американского общества. Республиканская и Демократическая партии под влиянием движения за гражданские права обозначили позиции по расовому и гендерному вопросам. По мнению В. О. Печатнова, возник глубокий социокультурный водораздел между традиционными и постматериалистическими ценностями [10, с. 5].

Особенность избирательной кампании 1980 г. была в том, что все три кандидата мало говорили о «расовом вопросе» и никто из них не призывал к серьезным изменениям в этой области. Южанин Картер как

президент страны назначил на высокие должности афроамериканцев, включая представителя США в ООН Эндрю Янга. Как последовательный сторонник законодательства о гражданских правах независимый кандидат Андерсон не имел проблем в этой сфере. Но Р. Рейган как противник законодательства о гражданских правах 1964 г. испытывал серьезные трудности, особенно когда ему напомнили, что он одобрял Ку-клукс-клан. Поэтому Рейган обращал внимание избирателей на то, что, будучи губернатором Калифорнии, назначал многих афроамериканцев на должности и во время избирательной кампании уделял этой группе больше внимания. Но в предвыборной платформе республиканцы отвергли басинг для достижения расового равноправия школьников [24].

Кандидаты в президенты не могли проигнорировать острый вопрос о равенстве мужчин и женщин и вопрос об абортах. Андерсон как либеральный республиканец поддержал либерализацию законов об абортах. Рейган как твердый консерватор призвал к внесению поправки в Конституцию, запрещающую аборт, что было частью его пропаганды традиционных ценностей. Он выступал за равенство женщин, но в платформе Республиканской партии Поправка о равных правах была отвергнута [24]. Платформа демократов имела сильную позицию в отношении Поправки о равных правах и об абортах, что объяснялось растущим влиянием женщин в Демократической партии [15], но по своим убеждениям Картер был противником абортов.

Кандидаты гораздо чаще и более четко высказывались по вопросу о роли США в мире, и все отстаивали позицию «сильной Америки». Андерсон выступал за сокращение военных расходов, но он и пообещал укрепить вооруженные силы.

Рейган был сторонником большой роли США в мире, в значительной степени полагаясь на военную мощь. В платформе республиканцев упоминалось о «глобальных амбициях СССР» как о «главном вызове», стоящим перед США, и содержался призыв к «военному превосходству» за счет увеличения расходов на новый класс бомбардировщиков, кораблей, ракет и систем ПВО. Республиканцы были против контроля над вооружениями, который поставил США «в положение военной неполноценности», и обвиняли демократов в ослаблении позиций страны на международной арене [24]. Сам Рейган придерживался воинствующего антикоммунизма с конца 1940-х гг. и рассматривал СССР как реальную угрозу, а Холодную войну — как непреходящую реальность. Он выступал за крупномасштабное наращивание военной мощи и критиковал Картера за то, что тот позволил США отстать [8, с. 505].

Картер на фоне Рейгана смотрелся «миролюбивей», но тоже был сторонником активной роли США в мире. Например, добился от НАТО одобрения плана размещения в Западной Европе 572 ракет «Першинг-2» и крылатых ракет [7, с. 307]. В своих выступлениях он представлял Рейгана политиком, который наверняка приведет страну к безудержной гонке вооружений и спровоцирует войну из-за склонности думать о решении кризисов военным путем. Платформа демокра-

тов включала укрепление вооруженных сил за счет средств ядерного сдерживания, сопротивление агрессии в Персидском заливе, поддержку Израиля, нормализацию отношений с КНР и ратификацию Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2) [15]. В заслугу себе Картер ставил принятие Закона о беженцах в 1980 г., что привело законодательство США в соответствие с международным правом [14, с. 62–63].

К концу предвыборной кампании Картер немного улучшил позиции главным образом из-за способности Рейгана допускать грубые ошибки. После съезда демократов большинство сторонников Кеннеди были вынуждены поддержать Картера, и разрыв, отделяющий Картера от Рейгана в опросах общественного мнения, стал небольшим. Опасаясь, что Дж. Андерсон отберет у него голоса и отвлечет внимание от критики Рейгана, президент отказался участвовать в телевизионных дебатах вместе с Андерсоном.

К началу октября 1980 г. многие американцы считали, что им был предложен непривлекательный выбор кандидатов. По опросам, только около 50 % избирателей собирались прийти на выборы. Республиканская партия, казалось, могла добиться успеха, в основном из-за экономических условий, но и она не была способна снова стать партией национального большинства. В конце предвыборной кампании два фактора придали Рейгану сил. Одним из них были вторые телевизионные дебаты Картера и Рейгана, состоявшиеся 28 октября 1980 г. в Кливленде за неделю до дня выборов. Большая часть дебатов касалась международных отношений, и Рейган часто проявлял нерешительность, в то время как Картер выглядел более убедительно. Но Рейган отыгрался эффектным заключительным заявлением, предложив избирателям задать себе два вопроса: «Стало ли вам лучше жить, чем было четыре года назад?» и «Так ли уважают Америку во всем мире?» [25, р. 170]. Картеру не удалось убедить колеблющихся в том, что он признал ошибки, извлек из них уроки и будет лучше управлять страной на втором сроке. Другим фактором стало разочарование в попытках Картера добиться освобождения заложников в Иране. Для многих людей эта неудача вернула их к теме слабого правления и кризиса руководства демократов.

Выборы состоялись 4 ноября 1980 г. Благодаря активности ранее не определившихся избирателей и низкой явке среди нескольких электоральных групп демократов Рональд Рейган получил абсолютное большинство голосов. За тандем Рейган — Буш было отдано 489 голосов Коллегии выборщиков, за союз Картер — Мондейл — 49 голосов, за независимых Андерсона — Люси — ни одного голоса. За Рейгана проголосовали 43,9 млн избирателей, за Картера — 35,5 млн, за Андерсона — 5,7 млн. Р. Рейган победил в 44 штатах США, Дж. Картер в 6 штатах и в округе Колумбия [21, р. 747].

Взросший абсентеизм был одним из важных факторов, повлиявших на поражение Картера. Считалось, что пассивность избирателей традиционно была выгодна республиканцам как партии меньшинства. В день голосования на избирательные участки пришли лишь 52,3 % из

160 млн американцев, имеющих право голоса. Это был самый низкий показатель явки на президентских выборах с 1948 г. [21, р. 749]. Отсутствие 48 % избирателей показывало, что они не хотели оказывать поддержку Р. Рейгану, так как его программа противоречила их интересам, но и не принимали Дж. Картера из-за негативных последствий его экономической политики и не рассчитывали, что условия их жизни улучшатся в течение его второго срока.

Победа Р. Рейгана объяснялась еще и тем, что часть избирателей, голосуя за него, стремилась не допустить переизбрания Дж. Картера на второй срок.

Недовольство избирателей внутренней и внешней политикой администрации Картера сказалось на результатах других выборов. Республиканцы закрепили свою победу на президентских выборах, улучшив позиции в Конгрессе США. Они получили 33 места в Палате представителей, что стало крупнейшим достижением партии с 1966 г. Примечательно, что четыре председателя комитетов Палаты представителей, которые были демократами, потерпели поражение впервые с 1966 г. Но, улучшив результаты в Палате представителей, республиканцы остались партией меньшинства: у Демократической партии было 243 места, у Республиканской партии — 191.

Самым приятным итогом для республиканцев было получение двенадцати мест в Сенате США: 53 места против 46. Это дало им большинство в Сенате впервые с 1954 г. Не были переизбраны такие высокопоставленные либеральные сенаторы-демократы, как Джордж Макговерн (представлял Южную Дакоту с 1962 г.), Бёрч Бай (представлял Индиану с 1962 г.), Фрэнк Чёрч (представлял Айдахо с 1956 г.), Уоррен Магнусон (представлял Вашингтон с 1944 г.) [22, р. 138].

Республиканская партия, одержав победу в Вашингтоне, Арканзасе, Миссури, Северной Дакоте, также получила четыре губернаторских поста из тринадцати, которые оспаривались в 1980 г.

На местном уровне после выборов тоже произошли изменения, так как пять законодательных палат штатов перешли под контроль республиканцев, увеличив с двенадцати до четырнадцати число штатов, в которых республиканцы возглавляли обе палаты законодательных собраний, и с пяти до семи число штатов с разделенным партийным контролем. Эти изменения на уровне штатов также были особенно важны для Республиканской партии.

Поскольку Демократическая партия проиграла президентские выборы 1980 г., уступила республиканцам позиции в Палате представителей, утратила свое почти тридцатилетнее большинство в Сенате США, а многие влиятельные либеральные и умеренные сенаторы-демократы проиграли свои переборы, в качестве главной причины такого успеха большинство членов Демократической партии обвинили Дж. Картера из-за некомпетентности и неспособности руководить страной. Проще было принять этот факт, чем признать очевидный успех предвыборной стратегии Республиканской партии, раскол в своей партии и объективные условия. Конечно, поражению Картера на выборах способствовала и неблагоприятная экономическая конъюнктура.

Демократы в 1980 г. не сумели собрать традиционную большую коалицию избирателей. Например, часть избирателей из числа «синих воротничков», являвшихся прежде сторонниками Демократической партии, поддержала Рейгана из-за недовольства ситуацией в экономике. Они считали, что экономические интересы больше не были веской причиной, чтобы поддерживать демократов. Администрация Картера своими непопулярными мерами ослабила связи демократов — «синих воротничков» с партией.

Самым впечатляющим на выборах в 1980 г. был не размах победы Р. Рейгана, а всеобщее неприятие Демократической партии. Происходила перестройка общества и перемены в нравственном климате страны. Рост консервативных настроений в США нарастал на протяжении 1970-х гг. Республиканцам нравилось думать о выборах 1980 г. как о переломном годе и о том, что к власти пришла потенциальная новая партия большинства, которая закрепит свой контроль на целое поколение вперед. Действительно, в 1980 г. победа республиканцев на разных уровнях свидетельствовала, что выборы были чем-то большим, чем просто личная победа кандидата в президенты Р. Рейгана. Безусловно, голосование 1980 г. было направлено и против действующего президента Картера. Но отвергнув ряд влиятельных конгрессменов-демократов и сенаторов-демократов, избиратели дали понять, что пришло время перемен.

Возможно, Джимми Картера несколько утешило наличие огромных трудностей, с которыми он столкнулся как президент, но он покинул свой пост глубоко разочарованным, став первым избранным президентом после Герберта Гувера, потерпевшим неудачу в попытке переизбраться на второй срок. Картер признался, что не достиг многих из своих целей. Прежде всего он знал, что не сумел покончить с «кризисом лидерства».

Задача, стоявшая перед Картером, была всеобъемлющей. Чтобы обеспечить эффективное лидерство в то время, требовались особое видение и политические навыки необычайно высокого уровня, включая большой талант в общении. Нужно было сообщать не только о привлекательных целях и о том, чего можно достичь в рамках этих целей, но и о трудностях. Возможно, ни один из кандидатов не смог бы обеспечить эффективное руководство в период, который выпал на пребывание Джимми Картера в должности президента. Более того, в стране усиливалась идеология неоконсерватизма, ярким представителем которой стал Рональд Рейган.

Список литературы

1. Буш Дж. Глядя в будущее. Автобиография. М., 1989.
2. Горюнов Ф. Неустойчивая конъюнктура // Новое время. 1980. № 2.
3. Гудков Ю. За год до финиша // Новое время. 1979. № 50.
4. Данниген Ф. Дж. Самые горячие точки XXI века. Как будут развиваться события. М., 2014.
5. История США : в 4 т. М., 1987. Т. 4.

6. Кеннеди Э.М. Один за всех: Воспоминания. М., 2012.
7. Кокошин А.А., Рогов С.М. Серые кардиналы Белого дома. М., 1986.
8. Манькин А.С., Печатнов В.О. История внешней политики США. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.
9. Минкова К.В., Цветков И.А. История стран Северной Америки : учеб. пособие. 2-е изд. СПб., 2018.
10. Печатнов В.О. США в тисках кризисов // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, №10. С. 5 – 16.
11. Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992.
12. Согрин В.В. Американская двухпартийность. От Джорджа Вашингтона до Джо Байдена. М., 2022.
13. Уткин А.И. Мировая холодная война. М., 2005.
14. Филиппенко А.А. Иммиграционная политика США: очерки истории. М., 2018.
15. 1980 Democratic Party Platform. New York. August 11, 1980 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/1980-democratic-party-platform> (дата обращения: 15.07.2024).
16. Carter J. 1980 Democratic Presidential Nomination Remarks Announcing Candidacy. December 04, 1979 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/1980-democratic-presidential-nomination-remarks-announcing-candidacy> (дата обращения: 15.07.2024).
17. Carter J. Address to the Nation on Energy and National Goals: "The Malaise Speech". July 15, 1979 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-nation-energy-and-national-goals-the-malaise-speech> (дата обращения: 15.07.2024).
18. Carter J. Department of Commerce Remarks and a Question-and-Answer Session with Department Employees. February 09, 1977 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/department-commerce-remarks-and-question-and-answer-session-with-department-employees> (дата обращения: 15.07.2024).
19. Carter J. Keeping Faith: Memoirs of a President. N. Y., 1982.
20. Carter J. The State of the Union Address Delivered Before a Joint Session of the Congress. January 19, 1978 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-state-the-union-address-delivered-before-joint-session-the-congress-1> (дата обращения: 15.07.2024).
21. Congress and the Nation: A Review of Government and Politics. 1977–1980. Vol. 5. Wash., 1981.
22. Congressional Quarterly Weekly Report. 1981. January 17. P. 138.
23. Johnson H. In the Absence of Power: Governing America. N. Y., 1980.
24. Republican Party Platform of 1980. July 15, 1980. Detroit, Michigan // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1980> (дата обращения: 15.07.2024).
25. The American Elections of 1980 / ed. by Austin Ranney. Washington, 1981.
26. U. S. News and World Report. 1979. Aug. 27. P. 17 – 20.
27. U. S. News and World Report. 1981. July 20. P. 46 – 48.

Об авторе

Елена Николаевна Тишаклова — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: elenatishakova@rambler.ru

SPIN-код РИНЦ: 1958-1910

ORCID: 0000-0001-8646-2959

E. N. Tishakova

PRESIDENTIAL ELECTION CAMPAIGN IN THE UNITED STATES IN 1980: FEATURES AND RESULTS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 6 November 2024

Accepted 5 May 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-6

To cite this article: Tishakova E.N. 2025, Presidential election campaign in the United States in 1980: features and results, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 74–87. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-6.

87

The article is devoted to the analysis of the 1980 U.S. presidential election campaign. Special attention is given to the historical conditions that influenced the election outcome, against which the partisan political struggle unfolded. Each U.S. presidential campaign is characterized by its unique features and unpredictability. The final result is not always possible to determine, as numerous factors influence both the voters and the decision of the Electoral College. However, based on a comprehensive analysis of the domestic and foreign policy priorities of various electoral groups, an overall assessment of historical conditions, and a comparison of the candidates' views and platforms, grounds emerge to identify the likely winner. The intense partisan political struggle during the 1980 presidential campaign reflected a deep division within the country and was largely connected to shifts in American voter sentiment. There is a need for a deeper and more objective analysis of that period to understand the processes occurring within American society that led to the defeat of Democrat Jimmy Carter, secured the victory of the far-right Republican Ronald Reagan, and strengthened the ideology of neoconservatism in the late 1970s and early 1980s. Considering advancements in historical and political sciences and employing historical-comparative and historical-genetic methods, this analysis is undertaken in the present study.

Keywords: Jimmy Carter, Ronald Reagan, presidential election 1980, United States

The author

Dr Elena N. Tishakova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: elenatishakova@rambler.ru

SPIN-код РИНЦ: 1958-1910

ORCID: 0000-0001-8646-2959

Д. В. Манкевич, М. Е. Мегем, А. В. Щекотуров

ДЕЯТЕЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ КАЛИНИНГРАДЦЕВ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 06.10.2024 г.

Принята к публикации 06.02.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-7

88

Для цитирования: Манкевич Д. В., Мегем М. Е., Щекотуров А. В. Деятели отечественной и региональной истории в культурной памяти калининградцев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №2. С. 88–102. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-7.

На основе анализа материалов массового опроса населения Калининградской области, проведенного в 2023 г., предложена предварительная гипотеза о специфике регионального варианта «пантеона героев» — важного структурного элемента культурной памяти калининградцев. Наибольшим потенциалом в качестве «символа России» обладают Пётр I (во всех возрастных группах), И. В. Сталин и Екатерина II, деятельность которых респонденты оценивают в основном положительно. В то же время в отношении И. В. Сталина и В. И. Ленина как исторических фигур обнаруживается конфликтный потенциал исторической памяти российского общества об их деятельности и времени. С региональным прошлым чаще всего ассоциируется И. Кант, в значительно меньшей степени — деятели отечественной истории, чьи имена закреплены в местной топонимике или связаны с образованием области. К особенностям регионального варианта культурной памяти можно отнести меньшую популярность выделяющихся представителей российской культуры в сравнении с «государственниками».

Ключевые слова: культурная память, Калининградская область, исторические деятели, Пётр I, Иммануил Кант

В первые десятилетия XXI века «мемориальные исследования» заняли важное место в системе социально-гуманитарного знания, а возникшие в процессе их развития проблемные «поля» стали катализатором формирования новых научных направлений и фактором не только академических, но и общественных дискуссий [24; 27]. Социальные представления о прошлом, выступающие элементом культуры современного общества, оказываются объектом пристального внимания представителей гуманитарного научного сообщества [4; 5; 21; 22; 31; 33].

Одним из ключевых понятий, выработанных в рамках «мемориальных исследований», стала «культурная память» — особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, поддержи-

вающая идентичность социума за счет реконструкции им своего прошлого [26, с. 132]. Культурная память конкретного социума имеет сложную структуру, взаимодействует с общегосударственным, локальными и групповыми историческими нарративами [25, с. 8–10].

Постоянное внимание исследователей привлекают региональные варианты культурной памяти, а также практики политики памяти (исторической политики). Авторы коллективной монографии «Политика памяти в России — региональное измерение» отмечают, что для большинства российских регионов характерны «акцент на политическую историю, славное и героическое прошлое, а также культурных героев» и «стремление вписать историю региона в общероссийский нарратив», не игнорируя местную специфику прошлого. Центральное место в официальной коммеморативной практике занимает Великая Отечественная война, а события и персоналии советского периода «доминируют в репертуарах актуализированного прошлого» [23, с. 451, 457].

Несколько вариантов классификации «культурных героев», образы которых активно используются в реализации политики памяти в регионах России, предложил В. Д. Бедерсон: на основе социально-профессионального подхода (литераторы, художники, композиторы, ученые, военные деятели и участники боевых действий, политические и общественные деятели, путешественники, театральные деятели); по различиям в характере связи персоналии с регионом (родился, работал в регионе, принадлежит к титульному этносу региона, пребывание в регионе повлияло на работу / творчество героя); по различиям в дискурсивном отношении «регион — центр» (культурные герои могут выражать дискурс унификации, партикуляризации или уникализации); в зависимости от особенностей роли и значения героя для регионального сообщества («первооткрыватель», «просветитель», «великий уроженец», герои, воплощающие «золотой век» в истории региона или рефлексию травматического опыта и т. д.) [6, с. 198–205].

Несомненный интерес в контексте изучения коллективных представлений о прошлом вызывает Калининградская область — самый западный, эксклавный регион России. Область была образована в 1946 г. на части территории бывшей Восточной Пруссии, переданной решением Потсдамской международной конференции Советскому Союзу. Во второй половине 1940-х гг. регион покинули остававшиеся здесь немцы, молодая область была заселена советскими людьми, «в наследство» которым достался значительный массив довоенного историко-культурного наследия.

В рамках советской официальной региональной политики памяти довоенная история воспринималась как «чуждое». В этой связи неудивительно, что «освоение» калининградцами довоенного прошлого этой земли и особенности их исторического сознания в советский период не стали объектом исследовательского интереса. В постсоветские десятилетия эта проблематика длительное время находилась «в тени» прояснения вопроса об идентичности калининградцев, над которым с 2000-х гг.

работали социологи, политологи, культурологи, историки [10; 12; 13]. В ряде исследований была представлена гипотеза о сложном характере идентичности населения края, о конкуренции ее общероссийского и регионального компонентов [1, с. 39–40; 2, с. 50–55; 3, с. 53–56].

В качестве элемента региональной идентичности разрабатывались и различные аспекты культурной (исторической) памяти жителей области, а также процесс ее формирования в советские десятилетия. Особым вниманием исследователей пользовались сюжеты, связанные с исторической политикой советского государства на калининградской земле [8; 11; 12; 17; 18; 28–30]. В первые десятилетия XXI века появились работы, авторы которых предложили новые подходы к описанию и объяснению особенностей «мемориального ландшафта» региона, специфических характеристик локальных «мест памяти» [7; 15]. Постепенно набирает обороты исследование исторического сознания жителей края с использованием социологического инструментария, который позволяет выявить поколенческие и другие различия в восприятии прошлого [9; 14; 17; 19].

Вместе с тем многие вопросы, связанные с культурной памятью калининградцев, еще требуют прояснения. К числу малоисследованных аспектов относятся и характеристики «пантеона героев» прошлого – важного элемента исторических представлений любого социума. В данной статье характеризуются особенности восприятия деятелей отечественной и региональной истории населением самой западной российской области с учетом поколенческих различий. Особый интерес в контексте специфики истории калининградской земли представляет вопрос о соотношении персоналий из общероссийского пантеона и деятелей регионального, в том числе довоенного, прошлого.

Основой для исследования стали материалы массового опроса населения Калининградской области, проведенного социологами Балтийского федерального университета им. И. Канта осенью 2023 г. В качестве основных методов при проведении опроса использовались формализованное личное интервью с жителями региона в возрасте старше 36 лет, а также онлайн-анкетирование проживающей в Калининграде молодежи в возрасте 18–35 лет. В каждом опросе выборка квотировалась по полу, возрасту и месту проживания респондента. Ожидаемая погрешность данных составила не более $\pm 4\%$.

При ответе на вопрос анкеты об исторических деятелях, которых можно считать символом России, большинство опрошенных (37 %) назвали Петра I (табл. 1). Первый император значительно опередил ближайшего «конкурента» – И.В. Сталина. В пятерку лидеров также вошли Екатерина II, А.С. Пушкин и В.И. Ленин. В качестве символов России были названы в том числе князь и православный святой Александр Невский, ученый-энциклопедист М.В. Ломоносов, выдающиеся полководцы Российской империи и советского периода, Ю.А. Гагарин и ряд других деятелей.

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на открытый вопрос:
«Кого из известных личностей прошлого вы могли бы назвать символом
России?» (респондент мог назвать до трех исторических персонажей)¹, %**

Исторический деятель	Доля в выборке
Пётр I	37
Иосиф Сталин	19
Екатерина Великая	15
А. Пушкин	14
В. Ленин	14
Александр Невский	11
М. Ломоносов	9
А. Суворов	8
Иван Грозный	7
Ю. Гагарин	7
М. Кутузов	6
Г. Жуков	5
Елизавета Петровна	3

91

Ответы на данный вопрос представителей разных поколений содержат некоторые различия. Вместе с тем Пётр I признан наилучшим «кандидатом» на роль символа России респондентами всех возрастных групп (а среди самых молодых участников опроса его назвала почти половина (табл. 2). Также во всех возрастных группах в тройке лидеров оказался И. В. Сталин, а в большинстве возрастных групп — А. С. Пушкин (исключениями стали группы 55+, где его «потеснили» Екатерина II и В. И. Ленин).

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на открытый вопрос:
«Кого из известных личностей прошлого вы могли бы назвать символом
России?» — с учетом возраста респондентов (респондент мог назвать
до трех исторических персонажей), %**

18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–54 года	55–64 года	65 лет и старше
Пётр I, 48	Пётр I, 41	Пётр I, 30	Пётр I, 44	Пётр I, 32	Пётр I, 30
И. Сталин, 25	И. Сталин, 25	И. Сталин, 14	А. Пушкин, 18	Екатерина Великая, 18	И. Сталин, 25
А. Пушкин, 16	А. Пушкин, 21	А. Пушкин, 14	И. Сталин, 14	И. Сталин, 16	В. Ленин, 16
Екатерина Великая, 16	В. Ленин, 18	Екатерина Великая, 14	Екатерина Великая, 14	В. Ленин, 14	А. Суворов, 14
В. Ленин, 14	Екатерина Великая, 16	Иван Грозный, 13	Александр Невский, 14	Александр Невский, 12	Екатерина Великая, 12

¹ В таблицу 1 включены только те исторические деятели, которые занимают от 3 % в массиве всех ответов. При этом сумма всех ответов превышает 100 %, поскольку респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

Окончание табл. 2

18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–54 года	55–64 года	65 лет и старше
Иван Грозный, 7	М. Ломоносов, 9	М. Ломоносов, 12	М. Ломоносов, 9	М. Ломоносов, 9	А. Пушкин, 7
М. Ломоносов, 7	Иван Грозный, 7	В. Ленин, 12	А. Суворов, 9	А. Суворов, 9	М. Кутузов, 7
Александр Невский, 5	Ю. Гагарин, 7	А. Суворов, 12	Иван Грозный, 9	Ю. Гагарин, 7	Г. Жуков, 7
А. Суворов, 5	А. Суворов, 5	Ю. Гагарин, 12	Г. Жуков, 9	М. Кутузов, 7	М. Ломоносов, 7
М. Кутузов, 5	Г. Жуков, 5	М. Кутузов, 7	М. Кутузов, 7	А. Пушкин, 5	Ю. Гагарин, 5
Ю. Гагарин, 2	Александр Невский, 4	Александр Невский, 5	В. Ленин, 5	Иван Грозный, 5	Иван Грозный, 5
Г. Жуков, 2	М. Кутузов, 2	Г. Жуков, 5	Ю. Гагарин, 5	Г. Жуков, 5	Александр Невский, 3
Елизавета Петровна, 2	Елизавета Петровна, 2	Елизавета Петровна, 2	Елизавета Петровна, 5	Елизавета Петровна, 5	Елизавета Петровна, 2

92

Если первый вопрос анкеты был направлен на выявление исторических деятелей, обладающих, по мнению респондентов, высоким символическим потенциалом, то второй и третий преследовали цель определить отношение участников опроса к той роли, которую сыграли эти и другие деятели в отечественной истории.

Среди тех, кто, с точки зрения респондентов, внес преимущественно положительный вклад в историю России, лидируют деятели, имеющие стойкую репутацию «государственников», — Пётр I, Екатерина II и И. В. Сталин (табл. 3). Значительное количество опрошенных положительно оценили деятельность В. И. Ленина, выдающихся полководцев — Г. К. Жукова и А. В. Суворова. Из деятелей культуры четырехпроцентного барьера достиг только А. С. Пушкин, «разделивший» этот результат с Иваном IV и М. И. Кутузовым.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на открытый вопрос:
«Какие исторические деятели, на ваш взгляд, сыграли преимущественно
положительную роль в истории России?»
(респондент мог назвать до трех исторических персонажей)², %

Исторический деятель	Доля в выборке
Пётр I	39
И. Сталин	21
Екатерина Великая	18
В. Ленин	12
Г. Жуков	8
А. Суворов	8
Александр Невский	6

² В таблицу 3 включены только те исторические персонажи, которые занимают от 4 % в массиве всех ответов.

Исторический деятель	Доля в выборке
Александр II	6
В. Путин	5
М. Кутузов	4
А. Пушкин	4
Иван Грозный	4

Рассматривая поколенческие особенности оценивания деятелей прошлого, обратим внимание на особое позитивное восприятие Петра I. За исключением возрастной группы 65 лет и старше, в которой наибольшее количество положительных оценок досталось И. В. Сталину, все остальные группы (и особенно молодежь) отдали предпочтение Петру I (табл. 4). Весьма положительной оказалась «репутация» Екатерины Великой: она стала второй по числу упоминаний у молодежи и респондентов среднего возраста, третьей в ответах категории 55–64 года и четвертой у самых старших участников опроса. Образ императрицы — интеллектуала на троне, «сильной женщины», при которой Россия приросла Новороссией и Крымом и правление которой занимает важное место в школьном историческом образовании и позиционируется как время блестящих побед, воспринимается в положительном ключе (см., напр., [32, с. 179, 241, 293]). Во всех возрастных группах Екатерина «опередила» И. В. Сталина. Исключением оказалась только группа 65 лет и старше, для которой И. В. Сталин — важнейший исторический деятель, сыгравший положительную роль в истории Отечества.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на открытый вопрос:
«Какие исторические деятели, на ваш взгляд, сыграли преимущественно
положительную роль в истории России?» — с учетом возраста респондентов
(респондент мог назвать до трех исторических персонажей), %

18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–54 года	55–64 года	65 лет и старше
Пётр I, 50	Пётр I, 50	Пётр I, 36	Пётр I, 36	Пётр I, 36	И. Сталин, 30
Екатерина Великая, 22	Екатерина Великая, 22	Екатерина Великая, 18	Екатерина Великая, 22	И. Сталин, 26	Пётр I, 28
И. Сталин, 18	И. Сталин, 16	И. Сталин, 18	И. Сталин, 18	Екатерина Великая, 16	В. Ленин, 16
Александр II, 12	В. Ленин, 14	В. Ленин, 10	В. Ленин, 14	В. Ленин, 16	Екатерина Великая, 12
В. Ленин, 10	Александр II, 14	Александр II, 10	А. Суворов, 10	Г. Жуков, 8	Г. Жуков, 10
А. Суворов, 6	Александр Невский, 8	А. Суворов, 8	Александр Невский, 10	В. Путин, 6	В. Путин, 8
Александр Невский, 6	А. Суворов, 6	Г. Жуков, 8	Г. Жуков, 6	Александр Невский, 4	А. Суворов, 6
А. Пушкин, 6	Г. Жуков, 6	А. Невский, 6	Александр II, 6	Александр II, 4	М. Кутузов, 6
М. Кутузов, 4	А. Пушкин, 6	М. Кутузов, 6	М. Кутузов, 6	А. Суворов, 4	Александр II, 4

Окончание табл. 4

18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—54 года	55—64 года	65 лет и старше
Г. Жуков, 4	В. Путин, 4	А. Пушкин, 6	Иван Грозный, 6	Иван Грозный, 4	Александр Невский, 4
Иван Грозный, 4	Иван Грозный, 2	В. Путин, 4	В. Путин, 4	М. Кутузов, 2	Иван Грозный, 4
В. Путин, 2	М. Кутузов, 2	Иван Грозный, 2	А. Пушкин, 2	А. Пушкин, 2	А. Пушкин, 2

А.С. Пушкин — один из современных символов России (3-е место) — при оценке личностей, сыгравших положительную роль в отечественной истории, во всех возрастных группах получил незначительный процент голосов (от 2 до 6 %). Судя по результатам опроса, респонденты всех возрастов при оценке вклада в историю Отечества отдают предпочтение государственным и военным деятелям, выдающиеся представители российской культуры при этом остаются «в тени».

Наибольшее количество отрицательных оценок (в сумме 73 %, табл. 5) получили государственные руководители, деятельность которых пришлось на годы кризиса и распада СССР и крайне сложный период становления новой России («лихие девяностые») — Б.Н. Ельцин и М.С. Горбачев. В «топе» исторических персонажей, чью деятельность респонденты оценили преимущественно отрицательно, оказались и советские лидеры — И.В. Сталин, В.И. Ленин, Н.С. Хрущев, набравшие вместе 33 % негативных оценок. При этом И.В. Сталин и В.И. Ленин занимают прочные позиции в списках как «положительных», так и «отрицательных» персонажей отечественной истории, что отражает конфликтный потенциал исторической памяти российского общества об их деятельности и времени. Среди дореволюционных исторических деятелей в рейтинге «антигероев» оказались Николай II и Иван Грозный, с правлением которых связаны тяжелые испытания, выпавшие на долю народа и государства.

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на открытый вопрос:
«Какие исторические деятели, на ваш взгляд, сыграли преимущественно отрицательную роль в истории России?» (респондент мог назвать до трех исторических персонажей)³, %

Исторический деятель	Доля в выборке
Б. Ельцин	40
М. Горбачев	33
И. Сталин	11
Н. Хрущев	11
В. Ленин	11
А. Гитлер	7
Николай II	6
Иван Грозный	6
Л. Берия	6

³ В таблицу 5 включены только исторические деятели, которые занимают от 6 % в массиве всех ответов.

Анализ результатов опроса показал, что почти во всех возрастных группах главными «антигероями» отечественной истории являются Б. Н. Ельцин и М. С. Горбачев (табл. 6). Особенно отчетливо это проявляется среди опрошенных старше 45 лет. Молодежь и поколение среднего возраста (35–44 года) также отмечают их, но реже. Вместе с тем молодые и средневозрастные респонденты заметно чаще называли сыгравшими преимущественно отрицательную роль в истории страны деятелями И. В. Сталина и В. И. Ленина, что в целом отражает противоречивое восприятие их как акторов российского прошлого. В то же время для старших поколений (45+) значительно чаще в качестве «антигероя» выступает Н. С. Хрущев. Возможно, такое отношение к этому советскому лидеру связано с его вкладом в процесс «десталинизации» (об этом может свидетельствовать в целом положительное отношение к И. В. Сталину в этих возрастных группах), а также с достаточно частыми в последние годы указаниями на роль Хрущева в передаче Крыма в состав Украинской ССР.

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на открытый вопрос:
«Какие исторические деятели, на ваш взгляд, сыграли преимущественно отрицательную роль в истории России?» — с учетом возраста респондентов (респондент мог назвать до трех исторических персонажей), %

18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–54 года	55–64 года	65 лет и старше
Б. Ельцин, 22	Б. Ельцин, 27	М. Горбачев, 27	Б. Ельцин, 42	Б. Ельцин, 54	Б. Ельцин, 56
И. Сталин, 18	М. Горбачев, 24	Б. Ельцин, 26	М. Горбачев, 35	М. Горбачев, 43	М. Горбачев, 50
М. Горбачев, 16	И. Сталин, 21	И. Сталин, 14	Н. Хрущев, 13	Н. Хрущев, 19	Н. Хрущев, 14
Н. Хрущев, 11	В. Ленин, 19	В. Ленин, 13	В. Ленин, 13	Николай II, 8	Л. Берия, 8
В. Ленин, 11	Иван Грозный, 11	А. Гитлер, 10	Николай II, 10	Иван Грозный, 8	В. Ленин, 5
Николай II, 11	Н. Хрущев, 10	Н. Хрущев, 6	И. Сталин, 8	Л. Берия, 8	А. Гитлер, 5
А. Гитлер, 8	Николай II, 6	Николай II, 6	Иван Грозный, 7	В. Ленин, 6	И. Сталин, 5
Иван Грозный, 8	Л. Берия, 5	Иван Грозный, 5	А. Гитлер, 6	А. Гитлер, 6	Иван Грозный, 3
Л. Берия, 2	А. Гитлер, 3	Л. Берия, 5	Л. Берия, 6	И. Сталин, 3	Николай II, 3

Часть вопросов исследования была связана с региональной историей. Респондентам было предложено назвать тех исторических деятелей, с которыми они ассоциируют территорию Калининградской области. Ответы оказались достаточно предсказуемыми. Бесспорным лидером рейтинга стал «калининградский философ» И. Кант (табл. 7), имя которого уже достаточно давно и прочно закрепилось в качестве туристического и маркетингового бренда региона [16, с. 83, 91]. Присутствие

в списке ответов других исторических деятелей можно объяснить тем, что фамилии многих из них (М. И. Калинина, П. И. Багратиона, А. М. Василевского) закреплены в областной топонимике, имя Елизаветы Петровны присвоено калининградскому аэропорту Храброво. В свою очередь, высокий рейтинг Сталина, возможно, связан с тем, что именно в период его руководства Советским Союзом была образована Калининградская область.

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на открытый вопрос:
«С какими историческими деятелями у вас главным образом ассоциируется
территория нынешней Калининградской области?»
(респондент мог назвать до трех исторических персонажей)⁴, %

Историческая личность	Доля в выборке
И. Кант	30
М. Калинин	12
И. Сталин	11
П. Багратион	9
А. Леонов	9
А. Суворов	8
А. Василевский	8
Елизавета Петровна	6

И. Кант как персонифицированная ассоциация региона лидирует во всех возрастных группах (табл. 8). Однако в старших количество выбравших его снижается: 34 % в возрастной группе 55–64 года и 23 % в группе 65 лет и старше, в то время как в других категориях Канта называли от 45 до 53 % опрошенных. Для респондентов старше 45 лет значимыми для истории региона деятелями выступают полководцы советского и дореволюционного времени (А. М. Василевский, П. И. Багратион, А. В. Суворов), а также И. В. Сталин. Само по себе присутствие А. В. Суворова в перечне личностей, с которыми ассоциируется Янтарный край, не может не вызывать удивления: он практически не был связан с историей региона, в отличие от своего отца В. И. Суворова — российского генерал-губернатора Восточной Пруссии в 1760–1761 гг. Вероятно, ответы респондентов можно объяснить наличием в Калининграде улицы, названной в честь выдающегося полководца (места памяти), а также его общей известностью. Также следует отметить, что у возрастной группы 18–24 года область слабо ассоциируется с М. И. Калининым и А. А. Леоновым, в отличие от остальных категорий, где «всесоюзный староста» и один из пионеров освоения космоса расположились среди лидеров.

⁴ В таблицу 7 включены только те исторические деятели, которые занимают от 6 % в массиве всех ответов.

Таблица 8

Распределение ответов респондентов на открытый вопрос:
«С какими историческими деятелями у вас главным образом ассоциируется
территория нынешней Калининградской области?» – с учетом возраста
респондентов (респондент мог назвать до трех исторических персонажей), %

18 – 24 года	25 – 34 года	35 – 44 года	45 – 54 года	55 – 64 года	65 лет и старше
И. Кант, 45	И. Кант, 53	И. Кант, 49	И. Кант, 45	И. Кант, 34	И. Кант, 23
И. Сталин, 9	М. Калинин, 16	А. Леонов, 15	А. Леонов, 16	А. Василевский, 17	И. Сталин, 18
Елизавета Петровна, 7	А. Леонов, 13	М. Калинин, 12	И. Сталин, 12	П. Багратион, 17	А. Суворов, 12
П. Багратион, 6	П. Багратион, 7	И. Сталин, 9	А. Василевский, 11	М. Калинин, 16	М. Калинин, 11
М. Калинин, 4	И. Сталин, 6	П. Багратион, 8	А. Суворов, 11	И. Сталин, 12	А. Василевский, 8
А. Василевский, 3	А. Суворов, 5	А. Суворов, 5	П. Багратион, 11	А. Леонов, 11	А. Леонов, 8
А. Леонов, 3	Елизавета Петровна, 5	Елизавета Петровна, 5	М. Калинин, 11	А. Суворов, 10	П. Багратион, 7
А. Суворов, 3	А. Василевский, 4	А. Василевский, 4	Елизавета Петровна, 6	Елизавета Петровна, 6	Елизавета Петровна, 5

Об отношении респондентов к деятельности исторических личностей свидетельствуют их ответы на вопрос о том, каким деятелям прошлого следовало бы установить памятники на территории региона. В пятерку лидеров вошли Пётр I (17 %), И. В. Сталин (15 %), И. Кант (9 %), Г. К. Жуков (6 %), В. И. Ленин и М. И. Калинин (по 4 %). Результаты позволяют говорить о синтезе общероссийского и регионального «пантеонов» исторических деятелей. Из числа лидеров только Пётр I и И. Кант непосредственно связаны с историей калининградской земли. При этом Пётр – наиболее популярный исторический деятель всероссийского масштаба, персонифицированный символ России (см. табл. 1, 2). И. В. Сталин, вероятно, воспринимается как руководитель, чьи действия привели к созданию Калининградской области, а Г. К. Жуков – как маршал Победы, благодаря которой в составе России (РСФСР) появился новый регион.

Ответы, распределенные по возрасту респондентов, демонстрируют, что участники опроса старше 55 лет наиболее активно выступают за установку памятника И. В. Сталину и в наименьшей степени – за установку новых памятников И. Канту (табл. 9). Возможно, это связано с сохранением у значительной части этой возрастной группы сформированных в советский период исторических представлений, в которых «калининградский философ» – все же деятель довоенного прошлого [16, с. 90, 91], а И. В. Сталин – один из архитекторов Великой Победы.

Таблица 9

**Распределение ответов респондентов на открытый вопрос:
«Каким историческим деятелям следовало установить памятник
в Калининградской области?» — с учетом возраста респондентов
(респондент мог назвать до трех исторических персонажей), %**

18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—54 года	55—64 года	65 лет и старше
И. Кант, 15	Пётр I, 18	Пётр I, 13	Пётр I, 25	И. Сталин, 25	И. Сталин, 17
Пётр I, 14	И. Кант, 13	И. Сталин, 12	И. Сталин, 18	Пётр I, 20	Пётр I, 13
И. Сталин, 12	И. Сталин, 9	И. Кант, 9	И. Кант, 11	И. Кант, 5	И. Кант, 2

98

Обобщение результатов проведенного социологического исследования позволяет сделать несколько предварительных выводов о героической «стороне» культурной памяти калининградцев.

Основу регионального «пантеона героев» составляют фигуры советского периода, что вполне соответствует общероссийской тенденции [23, с. 457]. Это неудивительно, учитывая, что история собственно Калининградской области как субъекта России (РСФСР) начинается уже в послевоенные годы.

Калининградский региональный вариант «пантеона» ключевых исторических деятелей, несмотря на близость к общероссийской модели, выявленной в процессе исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения⁵, обладает заметной особенностью. «Тройку лидеров» (см. табл. 1) составляют исторические деятели, время которых общественное мнение связывает с укреплением государственности, успехами во внешней политике, отчасти — в экономическом развитии. «Вес» деятелей культуры в калининградском рейтинге несколько меньше, а военных деятелей, напротив, выше.

Своеобразными персонифицированными «опорами» исторического сознания калининградцев выступают Пётр I и И. Кант, представляющие общероссийский и региональный «слои» памяти о прошлом. При этом фигура первого российского императора в большей степени, нежели личность великого философа, соединяет историю России и «российский след» в довоенном прошлом Янтарного края. Образ «царя-реформатора» прочно закрепился в краеведческих текстах, прусские «маршруты» Петра популяризируются в практиках работы с туристами. Можно предположить, что первый император с учетом его «узнаваемости», репутации «государственника», неоднократного пребывания на этой земле и связи с важными историко-культурными «кейсами» (Великое посольство, Янтарная комната, Радзивилловская летопись) — удобная историческая фигура для соединения регионального и общероссийского нарративов.

⁵ Герои России: вчера и сегодня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/geroi-rossii-vchera-i-segodnja> (дата обращения: 12.09.2024).

Значительным конфликтным потенциалом в системе исторических представлений калининградцев обладают фигуры В. И. Ленина и И. В. Сталина, деятельность которых многие участники опроса оценили как положительно, так и отрицательно; негативные оценки характерны преимущественно для молодежи и респондентов среднего возраста. Не избавлен от конфликтности и образ И. Канта, о чем свидетельствуют, например, высказывания ряда жителей региона в связи с дискуссией о присвоении аэропорту Храброво имени одного из исторических деятелей. Так, например, против увековечения Канта в рамках этого формата в 2018 г. выступал начальник штаба Балтийского флота вице-адмирал Игорь Мухаметшин: «... Там у нас четыре кандидата претендуют... для того чтобы аэропорт носил его имя. ... Елизавета Петровна, внучка императора, небезызвестный какой-то там Иммануил Кант и два полководца. Говоря о Канте... этот человек предал свою родину, который унижался и на коленях ползал, чтобы ему дали кафедру, понимаете, в университете — чтобы он там преподавал, писал какие-то непонятные книги, которые никто из здесь стоящих не читал и никогда читать не будет, а мы как люди военные... имеющие отношение к вооруженным силам, к Балтийскому флоту должны помнить, благодаря кому мы находимся вообще сейчас здесь» [20].

99

Если задействовать одну из предложенных В. Б. Бедерсоном классификаций (дискурсивные различия по линии «регион — центр»), то можно прийти к выводу, что для культуры памяти самой западной российской области преимущественно характерны герои, которые символизируют дискурс унификации, отражают неразрывную связь региона с Россией (Пётр I, П. И. Багратион, Елизавета Петровна, военачальники и участники войн XVIII—XX вв.). Включенность прошлого калининградской земли в общероссийское историческое пространство является, таким образом, преобладающим лейтмотивом проводимой в области политики памяти. Среди героев, память о которых отражает дискурс партикуляризации, подчеркивающий региональную «самость», — И. Кант. Однако, учитывая процесс «присвоения» калининградцами памяти о Канте, стартовавший еще в советский период, а также активную интеграцию образа философа в туристические нарративы и практики, этот вывод не кажется бесспорным [16, с. 83—88].

Список литературы

1. Алимтеева А. В. Социальная идентичность калининградцев в социальном и геополитическом контексте // Псковский регионологический журнал. 2009. № 7. С. 36—40.
2. Алимтеева А. В. Эксклавный российский регион: проблема социальной идентичности // Регион сотрудничества. 2004. № 17. С. 45—56.
3. Андрейчук Н. В., Гаврилина Л. М. Феномен калининградской региональной субкультуры (социально-философский и культурологический анализ). Калининград, 2011.
4. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна. М., 2017.

5. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
6. Бедерсон В.Д. В поисках героев: разнообразие персоналистских идентификаторов и политика идентичности в регионах современной России // Символическая политика : сб. науч. тр. М., 2015. Вып. 3 : Политические функции мифов. С. 192–209.
7. Дементьев И.О. Калининградская область как зона диалога культур и столкновения мест памяти // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти. Калининград, 2012. С. 24–32.
8. Дементьев И.О. Цензура как инструмент политики памяти в Калининградской области советского периода // Калининградские архивы : материалы и исслед. : сб. ст. / отв. ред. В.Н. Маслов. Калининград, 2016. №13. С. 98–110.
9. Зимовина Е.П., Проданцов К.С. Историческая память населения Калининградской области: общее и особенное в восприятии поколений // Вестник антропологии. 2022. №2. С. 7–27.
10. Клемешев А.П., Федоров Г.М. Калининградский социум // Регион сотрудничества. 2001. Вып. 15. С. 1–37.
11. Костяшов Ю.В. Изгнание прусского духа. Как формировалось историческое сознание населения Калининградской области в послевоенные годы // Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. Калининград, 2003. С. 7–80.
12. Кретинин Г.В. Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2015. №12. С. 61–66.
13. Кретинин Г.В. Проблема идентичности калининградцев // Калининградский социум в европейском измерении : сб. науч. тр. Калининград, 2002. С. 50–92.
14. Манкевич Д.В., Мегем М.Е. Отечественная история в культурной памяти калининградцев // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2023. Т. 10, №1 (37). С. 48–60.
15. Манкевич Д.В., Мегем М.Е. Иностранное наследие в мемориальном ландшафте Калининградской области // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 2. С. 139–155.
16. Манкевич Д.В., Мегем М.Е., Филёв М.В. Иммануил Кант в культурной памяти калининградцев (постсоветский период) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №4. С. 83–95.
17. Маслов В.Н. Экскурсионная деятельность и формирование исторической памяти калининградцев в 1964–1975 годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2017. №4. С. 77–84.
18. Маттес Э. Запрещенное воспоминание: Возвращение истории Восточной Пруссии и региональное сознание жителей Калининградской области (1945–2001) // Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. Калининград, 2003. С. 81–150.
19. Мегем М.Е., Манкевич Д.В. Отечественная и региональная история в зеркале культурной памяти калининградцев: поколенческие различия // Tempus et Memoria. 2023. Т. 4, №1. С. 32–45.
20. Начштаба Балтфлота: Все говорят Кант, а этот человек предал родину, унижался, на коленях ползал. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/26915/3962535/> (дата обращения: 14.09.2024).

21. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 202–208.
22. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция — память. СПб., 1999.
23. Политика памяти в России — региональное измерение : монография / под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефременко. М., 2023.
24. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, структуры, нарративы : монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб., 2020.
25. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и Новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45.
26. Репина Л. П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М., 2005. С. 122–169.
27. Репина Л. П. Память о прошлом как яблоко раздора, или Еще раз о (меж)дисциплинарности // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 1 (13). С. 25–32.
28. Фостова С. А. «Молодой цветущий край»: особенности репрезентации городского ландшафта Калининграда в фотодокументах советской эпохи // Новое литературное обозрение. 2022. № 2. С. 132–142.
29. Фостова С. А. Писатель Сергей Снегов и политика памяти в Калининградской области (1950–1970-е годы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3. С. 49–58.
30. Фостова С. А. Форт № 5 в исторической памяти калининградцев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4. С. 70–82.
31. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004.
32. Черникова Т. В. История. История России. Конец XVII–XVIII век. 8 класс : учебник / под ред. В. Р. Мединского. М., 2021.
33. Эксле О. Г. Культурная память под воздействием историзма / пер. с нем. М. А. Бойцова // Одиссей. Человек в истории. 2001: Русская культура как исследовательская проблема. М., 2001. С. 176–198.

Об авторах

Дмитрий Владимирович Манкевич — канд. ист. наук, доц.; науч. сотр. Центра исследований исторической памяти, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: DMankevich@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-2983-1962

Максим Евгеньевич Мегем — канд. ист. наук, доц., директор Центра исследований исторической памяти, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: Mmegem@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-6412-9119

Александр Вячеславович Щекотуров — канд. социол. наук, зав. социологической лабораторией, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-6703-4860

D. V. Mankevich, M. E. Megem, A. V. Shchekoturov

**FIGURES OF NATIONAL AND REGIONAL HISTORY
IN THE CULTURAL MEMORY OF KALININGRADERS**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 6 November 2024

Accepted 6 February 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-7

102

To cite this article: Mankevich D. V., Megem M. E., Shchekoturov A. V. 2025, Figures of national and regional history in the cultural memory of Kaliningraders, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 88–102. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-7.

Based on the analysis of the data from a mass survey of the population of the Kaliningrad region conducted in 2023, a preliminary hypothesis is proposed regarding the specifics of the regional variant of the “pantheon of heroes” – an important structural element of the cultural memory of Kaliningrad residents. Peter the Great (across all age groups), Joseph Stalin, and Catherine II possess the greatest potential as “symbols of Russia,” whose activities respondents generally evaluate positively. At the same time, regarding Joseph Stalin and Vladimir Lenin as historical figures, a conflict potential is revealed in the historical memory of Russian society concerning their activities and era. Immanuel Kant is most frequently associated with the regional past, while figures from national history whose names are reflected in local toponymy or connected to the formation of the region are much less so. A distinctive feature of the regional variant of cultural memory is the lower popularity of outstanding representatives of Russian culture compared to the “statesmen.”

Keywords: cultural memory, Kaliningrad region, historical figures, Peter the Great, Immanuel Kant

The authors

Dr Dmitrii V. Mankevich, Associate Professor, Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: DMankevich@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-2983-1962

Dr Maxim E. Megem, Director of the Centre for the Study of Historical Memory, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: Mmegem@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-6412-9119

Dr Aleksandr V. Shchekoturov, Head of Sociological Lab, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ASHCHekoturov@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-6703-4860

УДК 32.019.52

М. И. Кришталь, П. С. Колокольцева

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ МОЛОДЕЖИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ К ОРГАНАМ ВЛАСТИ

103

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 26.07.2024 г.

Принята к публикации 05.05.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-8

Для цитирования: Кришталь М.И., Колокольцева П.С. Социально-экономические факторы доверия молодежи Калининградской области к органам власти // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №2. С. 103—114. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-8.

Доверие к органам власти является ключевым аспектом, влияющим на стабильность, эффективность и устойчивость государственного управления. На современном этапе тема исследования доверия к государственным органам в России приобрела дополнительную актуальность по причине значительных социально-экономических и политических изменений, обусловленных крайней нестабильностью международной ситуации. В новых условиях доверие к органам власти выступает фундаментальным элементом успешного функционирования государства. В фокусе внимания данной статьи — молодежь Калининградской области. Цель исследования состоит в выявлении социально-экономических факторов доверия молодежи региона к органам власти. Результаты статистического анализа полученных в ходе массового опроса (n=397) эмпирических данных продемонстрировали, что происхождение доверия к органам власти обусловлено оценкой их эффективности. Выявлено, что большее доверие демонстрирует молодежь, высоко оценивающая ситуацию с межличностным доверием в России, а также имеющая близких родственников со схожей спецификой доверия. Также обнаружено, что более склонны доверять институтам власти представители молодежи женского пола, проживающие за пределами областного центра. При этом фактически отсутствует связь между доверием молодежи, ее образовательным уровнем и материальным положением.

Ключевые слова: Калининградская область, доверие, институциональное доверие, политическое доверие, молодежь, органы власти

Введение

Доверие населения к органам власти является фундаментальным элементом успешного функционирования и развития любого общества, поскольку от него напрямую зависит степень эффективности госу-

дарственного управления. Это обусловлено тем, что низкое доверие к органам власти выступает индикатором неподчинения государственным предписаниям, а также недоверия к официальной информации. В результате недостаточно высокий уровень доверия приводит к спаду гражданской и политической активности населения, что может стать причиной снижения поддержки органов государственной власти и их легитимности.

Наиболее ярко данные негативные последствия проявляются в кризисных ситуациях, характеризующихся высокой степенью нестабильности. Поэтому изучение особенностей доверия в России в современных условиях социальной и политической турбулентности, вызванной масштабными геополитическими изменениями, обретает дополнительную актуальность.

Важным становится мониторинг политического доверия во фронтальных регионах страны, в частности в эксклавной Калининградской области. Решения государственного управления в этом регионе в связи с новой реальностью в международных отношениях находятся под сильным влиянием внешних факторов, сопровождаемых ростом неопределенности, что может сказаться на культуре доверия.

В фокусе внимания данного исследования — молодежь Калининградской области. Рассматриваемая социально-демографическая группа, находясь на стадии усвоения и формирования социальных ролей и установок, наиболее интенсивно реагирует на инициативы и действия органов власти [11, с. 19]. Этот факт обуславливает исследовательский интерес к ней в рамках научной работы.

В статье делается попытка понять природу доверия молодежи к органам власти через определение индикаторов, влияющих на его формирование. Цель исследования — выявление социально-экономических факторов доверия молодежи Калининградской области к государственным органам власти.

Теоретико-методологическая основа исследования

В качестве теоретико-методологической основы исследования выступают институциональные и культурные теории, объясняющие формирование специфики доверия к органам государственной власти. Согласно положениям институциональных теорий доверие к ним индивида обусловлено оценками эффективности их функционирования [19]. Таким образом, доверие в этом контексте имеет под собой рациональную основу.

В соответствии с установками культурных теорий уровень доверия зависит от культурной среды проживания [17]: индивид, находясь в социуме с характерной для него атмосферой доверия, скорее всего, будет доверять различным институтам общества [1; 18]. Также в рамках этого подхода подчеркивается высокое значение института семьи, так как политическое доверие основывается на установках, которые усваиваются еще в раннем возрасте [13, с. 89].

Кроме того, в качестве теоретико-методологической основы исследования выступают работы отечественных ученых, выделяющих различные социально-экономические детерминанты политического доверия в России и ее регионах. В частности, фиксируется более высокий уровень доверия в сельской местности. Данную специфику объясняют особенностями «сельской» политической культуры, основанной на «презумпции правоты власти». Также это обусловлено более низкими социально-экономическими стандартами жизни, позволяющими менее критично оценивать деятельность властей [15, с. 4]. На этом примере мы можем наблюдать ситуацию, когда субъективное восприятие сельскими жителями собственного уровня дохода заметно отличается от их объективного социально-экономического положения. Поэтому ученые разграничивают данные понятия в ходе изучения взаимосвязи между экономическим статусом индивидов и их уровнем доверия [9, с. 81].

Также исследователи рассматривают влияние экономического фактора в динамике. Подчеркивается, что снижение доверия к власти вызывает ухудшение благосостояния населения [12, с. 16]. И напротив, с ростом уровня жизни происходит повышение доверия. Так, по причине улучшения экономической конъюнктуры в России в XXI веке в сравнении с периодом 1990-х гг. фиксировался рост институционального доверия в стране [10, с. 72].

При анализе взаимосвязей между материальным положением и уровнем доверия к органам власти в России отмечается, что индекс доверия в группе самых обеспеченных респондентов превышает аналогичный показатель среди наименее обеспеченных [15, с. 6]. Это связано с тем, что «бедность является своеобразной призмой, взгляд через которую окрашивает мир в черные тона». При этом подчеркивается, что этот фактор способствует снижению уровня доверия ко всем политическим институтам в России, кроме президента В.В. Путина [16, с. 301]. Также выявленная специфика объясняется тем, что более состоятельные граждане связывают свое личное благополучие с высокой эффективностью институтов [20, р. 47].

В то же время существует и противоположная точка зрения, согласно которой российские граждане с низким уровнем дохода и образования демонстрируют преимущественное доверие к институтам. На основании этого делается вывод о характерной для россиян с таким социально-экономическим статусом патриархальной модели доверия [10, с. 74].

Наряду с этим в качестве фактора доверия выделяют уровень образования. Ученые фиксируют, что с его ростом происходит повышение межличностного доверия, однако доверие к институтам власти при этом снижается. Исследователи объясняют это тем, что высокий уровень образования способствует критическому мышлению. Таким образом, чем образованнее человек, тем больше он старается разобраться в происходящих событиях и установить степень эффективности различных институтов [5, с. 92]. Однако существует и противоположная точка

зрения, согласно которой наличие у граждан высшего образования, выступая залогом высокого социального статуса и уверенности в завтрашнем дне, позитивно влияет на их уровень доверия [3, с. 47].

Фокусируя внимание на гендерном факторе доверия к российским органам власти, исследователи заявляют о его более высоком уровне среди женской аудитории как по общероссийским [2, с. 335–336], так и по региональным показателям [8, с. 37]. Данная гендерная особенность объясняется меньшей склонностью женщин к радикальному изменению политической системы, а также их приверженностью эволюционному реформистскому пути трансформации [2, с. 335–336]. Схожая специфика выявлена и среди молодежи [14, с. 312].

С опорой на данные теории и научные статьи в работе выделены следующие индикаторы доверия: оценка эффективности органов власти, восприятие уровня межличностного доверия в России, степень схожести доверия близких родственников к органам власти, уровень дохода, место проживания, образовательный статус, а также гендерная принадлежность. Они были учтены при составлении инструментария массового опроса молодежи Калининградской области (макета анкеты), проведенного с 11 февраля 2024 г. по 11 марта 2024 г. посредством онлайн-анкетирования ($n=397$). Значение доверительной вероятности составило около 95 %, погрешность – примерно $\pm 5\%$, 43,2 % молодежи было опрошено в областном центре (Калининграде), 56,8 % – за его пределами. Сформированная выборка отражает основные свойства генеральной совокупности по полу и выделенным возрастным группам (18–24 года, 25–29, 30–35 лет).

Полученные эмпирические данные были статистически обработаны в программе SPSS Statistics. Для анализа наличия связей между выделенными переменными и уровнем доверия молодежи Калининградской области были рассчитаны коэффициенты корреляции Спирмена (r_s). Их значения варьируются в диапазоне от -1 до 1 . Показатель, близкий к 1 , обозначает прямую взаимосвязь между двумя переменными. Напротив, значение, близкое к -1 , отражает обратную связь между ними. Для классификации силы связи в статье использовалась шкала Чеддока: $0,1 < r_s < 0,3$ (слабая), $0,3 < r_s < 0,5$ (умеренная), $0,5 < r_s < 0,7$ (заметная), $0,7 < r_s < 0,9$ (высокая), $0,9 < r_s$ (весьма высокая). При выявлении влияния места проживания и гендерной принадлежности на уровень доверия был проведен анализ таблиц сопряженности.

Результаты исследования

Полученные результаты корреляционного анализа демонстрируют статистически достоверную (корреляция значима на уровне $0,01$), сильную положительную связь между тем, как молодежь Калининградской области оценивает эффективность органов власти, и степенью ее доверия к ним (табл. 1). Таким образом, на примере рассматриваемой

социально-демографической группы Калининградской области подтвердились положения институциональной теории. Можно наблюдать, что в случае с федеральными органами власти (президент РФ, Государственная дума, Совет Федерации и Правительство РФ) данная связь фиксируется на несколько более высоком уровне. Возможно, данная специфика обусловлена традиционными представлениями россиян о пирамидальной структуре власти в стране [15, с. 3]. Согласно им значимость во властной структуре и, как результат, ответственность федеральных институтов выше. В свою очередь, самая низкая корреляционная связь между доверием к органам власти и оценкой их эффективности наблюдается на примере суда и органов госбезопасности. Вероятно, это связано с меньшей публичностью этих институтов, из-за чего молодежи сложнее оценивать их эффективность.

Таблица 1

**Корреляционная связь между уровнем доверия
к органам власти и оценкой их эффективности**

Орган государственной власти	rs
Президент РФ (В. В. Путин)	0,86**
Государственная дума	0,845**
Совет Федерации	0,843**
Правительство РФ	0,842**
Глава ГО «Город Калининград» (О. А. Аминов)	0,836**
Глава администрации Калининграда (Е. И. Дятлова)	0,803**
Председатель Правительства РФ (М. В. Мишустин)	0,795**
Правительство Калининградской области	0,778**
Губернатор Калининградской области (А. А. Алиханов)	0,763**
Законодательное собрание Калининградской области	0,756**
Суд	0,742**
Органы госбезопасности	0,682**

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Фиксируется статистически достоверная (корреляция значима на уровне 0,01) положительная связь между доверием к органам власти и оценкой межличностного доверия в России, однако на умеренном уровне: диапазон рассчитанных коэффициентов корреляции — от 0,39 до 0,487 (табл. 2). Таким образом, молодежь, которая более позитивно оценивает ситуацию с межличностным доверием в стране, склонна несколько сильнее доверять органам власти. Как следствие, подтвердился тезис о том, что осторожность в межличностных взаимоотношениях сочетается с недоверием институтам государственной власти [4, с. 8].

Таблица 2

Корреляционная связь между доверием к органам государственной власти и оценкой межличностного доверия в России

Орган государственной власти	rs
Суд	0,487**
Совет Федерации	0,471**
Правительство РФ	0,464**
Органы госбезопасности	0,464**
Председатель Правительства РФ (М. В. Мишустин)	0,447**
Государственная дума	0,444**
Законодательное собрание Калининградской области	0,444**
Президент РФ (В. В. Путин)	0,424**
Правительство Калининградской области	0,423**
Глава ГО «Город Калининград» (О. А. Аминов)	0,42**
Глава администрации Калининграда (Е. И. Дятлова)	0,419**
Губернатор Калининградской области (А. А. Алиханов)	0,39**

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Схожая по своим характеристикам корреляция выявлена между уровнем доверия молодежи Калининградской области и степенью схожести доверия близких родственников к органам власти (табл. 3). У молодых людей с более высоким уровнем доверия к органам власти близкие родственники чаще придерживаются схожих взглядов в данном аспекте социально-политических настроений. Соответственно, можно констатировать, что на доверие к управленческим органам также влияет авторитетность мнения членов семьи. Однако слабый или умеренный характер корреляционной связи позволяет утверждать, что хотя семья и выступает в данном случае агентом политической социализации молодежи, ее влияние остается ограниченным.

Таблица 3

Корреляционная связь между доверием к органам государственной власти и схожестью доверия к органам власти близких родственников

Орган государственной власти	rs
Законодательное собрание Калининградской области	0,477**
Правительство Калининградской области	0,468**
Государственная дума	0,431**
Президент РФ (В. В. Путин)	0,424**
Правительство РФ	0,416**
Совет Федерации	0,412**
Органы госбезопасности	0,394**
Суд	0,359**
Председатель Правительства РФ (М. В. Мишустин)	0,356**
Глава ГО «Город Калининград» (О. А. Аминов)	0,346**
Глава администрации Калининграда (Е. И. Дятлова)	0,326**
Губернатор Калининградской области (А. А. Алиханов)	0,323**

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Изучая гендерные различия в вопросе доверия к органам власти (табл. 4), выявили, что молодежь женского пола демонстрирует более высокий уровень политического доверия. Единственное исключение — глава ГО «Город Калининград» О. А. Аминов — доля представителей мужского пола, доверяющих ему, несущественно выше (48,8 против 43,1 %).

Таблица 4

**Различия доверия к органам власти в зависимости
от гендерной принадлежности, %**

Орган государственной власти	Мужчины		Женщины	
	+	–	+	–
Президент РФ (В. В. Путин)	58,8	41,2	71,1	28,9
Председатель Правительства РФ (М. В. Мишустин)	65,5	34,5	68,5	21,5
Правительство РФ	56,6	43,4	64,9	35,1
Государственная дума	47,3	52,7	54,6	45,4
Совет Федерации	49,7	50,3	58,5	41,5
Губернатор Калининградской области (А. А. Алиханов)	70,1	29,9	73,6	26,4
Глава администрации Калининграда (Е. И. Дятлова)	53,7	46,3	57,1	42,9
Глава ГО «Город Калининград» (О. А. Аминов)	48,8	51,2	43,1	56,9
Правительство Калининградской области	57,3	42,7	69,4	30,6
Законодательное собрание Калининградской области	53,9	46,1	65,3	34,7
Суд	54,5	45,5	67,5	32,5
Органы госбезопасности	59,1	40,9	62,6	37,4

109

Также обнаружены значительные различия уровня доверия молодежи в зависимости от места проживания (табл. 5). Молодые люди, проживающие за пределами областного центра, демонстрируют значительно более высокое доверие к органам власти, чем представители молодежи, которые живут в Калининграде. Вероятно, это обусловлено более широкой распространенностью неконформистских настроений в областном центре, что ярким образом проявляется в ходе избирательных кампаний [6; 7].

Таблица 5

Различия доверия к органам власти в зависимости от места проживания, %

Орган государственной власти	Калининград		Калининградская область	
	+	–	+	–
Президент РФ (В. В. Путин)	50,9	49,1	74,3	25,7
Председатель Правительства РФ (М. В. Мишустин)	55,8	44,2	74,6	25,4
Правительство РФ	43,4	56,6	72,9	27,1
Государственная дума	34	66	63	37

Окончание табл. 5

Орган государственной власти	Калининград		Калининградская область	
	+	–	+	–
Совет Федерации	35	65	68,1	31,9
Губернатор Калининградской области (А. А. Алиханов)	70,1	29,9	72,9	27,1
Глава администрации Калининграда (Е. И. Дятлова)	45,9	54,1	62,2	37,8
Глава ГО «Город Калининград» (О. А. Аминов)	39,4	60,6	50,9	49,1
Правительство Калининградской области	52	48	71,1	28,9
Законодательное собрание Калининградской области	45,9	54,1	69,4	30,6
Суд	53,2	46,8	66,5	33,6
Органы госбезопасности	49	51	69,4	30,6

В то же время фактически не удалось выявить зависимости между степенью доверия молодежи к органам власти и ее уровнем образования и материального положения (табл. 6). Корреляционная связь между переменными полностью отсутствует или фиксируется на слабом уровне. Таким образом, данные факторы не оказались значимыми при формировании доверия молодежи Калининградской области.

Таблица 6

Корреляционная связь между доверием к органам государственной власти и уровнем образования и материального положения

Орган государственной власти	Образование	Материальное положение
Президент РФ (В. В. Путин)	0,176**	– 0,048
Председатель Правительства РФ (М. В. Мишустин)	0,074	– 0,106*
Правительство РФ	0,1	– 0,046
Государственная дума	0,145**	– 0,056
Совет Федерации	0,1	– 0,076
Губернатор Калининградской области (А. А. Алиханов)	0,094	– 0,176**
Глава администрации Калининграда (Е. И. Дятлова)	0,185**	– 0,095
Глава ГО «Город Калининград» (О. А. Аминов)	0,246**	– 0,147*
Правительство Калининградской области	0,207**	– 0,1
Законодательное собрание Калининградской области	0,192**	– 0,113*
Суд	0,094	– 0,153**
Органы госбезопасности	0,136*	– 0,118*

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Выводы

По итогам проведенного исследования были выявлены социально-экономические факторы, влияющие на уровень доверия молодежи Калининградской области к органам государственной власти. Обнаружено, что происхождение доверия к ним фактически напрямую связано с оценкой эффективности их работы. Данная закономерность прослеживается со всеми органами вне зависимости от их места в структуре власти Российской Федерации. Можно прогнозировать, что изменение качества работы институтов власти будет влиять не только на степень удовлетворенности их деятельностью, но и на их легитимность. При этом наиболее высокая связь между данными переменными фиксируется в случае с институтами федерального уровня (президент РФ, Государственная дума, Совет Федерации и Правительство РФ). Это обусловлено традиционными представлениями россиян об их ключевой роли в структуре власти. Несколько ниже связь обнаружена между доверием к органам власти и оценкой их эффективности на примере суда и органов госбезопасности, что связано с их менее публичным характером.

На умеренном уровне зафиксирована корреляция между доверием и оценкой межличностного доверия в России. Исходя из этого, можно констатировать, что молодежь, для которой характерно доверять членам общества, переносит эту практику и на институциональный уровень. И напротив, представители молодежи с установкой низкого доверия к людям менее склонны также доверять властям.

Схожая умеренная положительная корреляция обнаружена между уровнем доверия и показателем схожести доверия к органам власти близких родственников молодежи. На основании этого можно утверждать, что члены семьи в определенной степени передают из поколения в поколение культуру доверия к государственным институтам. Однако это влияние носит ограниченный характер.

В числе значимых факторов специфики доверия выделены место проживания и гендерная принадлежность. В областном центре зафиксирован существенно более низкий уровень доверия. Это можно объяснить более широкой распространенностью в нем неконформистских настроений. Больше доверие государственным институтам демонстрируют женщины. Это связано с особенностями их политической психологии, согласно которой они менее склонны поддерживать масштабные изменения во властной иерархии.

При этом фактически отсутствует связь между доверием молодежи, ее образовательным уровнем и материальным положением. Второстепенность данных факторов, вероятно, вызвана социально-экономической неустойчивостью рассматриваемой социально-демографической группы Калининградской области.

Развитие данной исследовательской темы видится в выявлении влияния на формирование доверия к органам власти иных факторов: политико-идеологических установок, ценностных ориентаций, опыта взаимодействия с государственными институтами и т. д.

Список литературы

1. Алмонд Е., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М., 2014.
2. Великая Н.М. Женщины в политическом поле современной России: особенности политического участия и политического выбора // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. №1—3. С. 332—344. doi: 10.28995/2073-6401-2022-1-332-344.
3. Каташинских В.С. Доверие как проблема качества высшего образования: дисциплинарные подходы к ее исследованию // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. №4 (55). С. 41—51.
4. Козырева П.М., Смирнов А.И. О границах политического доверия // Власть. 2014. №5. С. 5—10.
5. Козырева П.М., Смирнов А.И. Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // Вестник Института социологии. 2015. №12. С. 79—99.
6. Кришталь М.И. География голосования в Калининградской области на президентских выборах 2018 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2018. №4. С. 75—82.
7. Кришталь М.И. Электоральные предпочтения жителей Калининградской области на внутрирегиональном уровне в 2003—2018 гг. // Региональные исследования. 2019. №1 (63). С. 99—107. doi: 10.5922/1994-5280-2019-1-9.
8. Лазукина А.О. Доверие к органам власти в период пандемии: гендерный аспект // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, №1. С. 33—44. doi: 10.19181/nko.2021.27.1.3.
9. Малкина М.Ю., Обвинников В.Н., Холодилин К.А. Институциональные факторы политического доверия в современной России // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12, №4. С. 77—93. doi: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.077-093.
10. Мартынов В.С. Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т. 17, №1. С. 61—82. doi: 10.17506/rypl.2016.17.1.6182.
11. Морозов С.И., Макаренко К.М. Доверие современной российской молодежи политическим институтам в условиях кризисных потрясений // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, №3. С. 16—28. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.2>.
12. Орлова В.Н. Позитивный имидж государственных гражданских служащих как основа развития управленческой культуры // Управленческое консультирование. 2016. №7. С. 14—18.
13. Попова О.В., Гришин Н.В. Политическое доверие российской молодежи: самооценка и мнение экспертов // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17, №1. С. 88—100. doi: 10.17072/2218-1067-2023-1-88-100.
14. Попова О.В., Гришин Н.В. Политическое доверие российской молодежи: «Туда ли мы идем?» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, №2. С. 298—317. doi: 10.21638/spbu23.2023.210.
15. Реутов Е.В. Политическое доверие в региональном пространстве // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Экономика. Информатика. 2011. №7 (102). С. 265—272.

16. Романович Н.А. Доверие как культурный феномен в ситуации неопределенности // Символ науки. 2015. №8. С. 299–305.
17. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М., 2004.
18. Штомпка П. Доверие — основа общества / пер. с пол. Н.В. Морозовой М., 2012.
19. Hetherington M.J. The political relevance of trust // American Political Science Review. 1998. Vol. 92, №4. P. 791–808.
20. Newton K., Stolle D., Zmerli S. Social and Political Trust // The Oxford Handbook of social and political trust / ed. by E. M. Uslaner. N. Y., 2018. P. 37–56.

Об авторах

Михаил Игоревич Кришталь — канд. геогр. наук, доц., науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: Mkrishtal@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-6167-1025

Полина Сергеевна Колокольцева — бакалавр, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: PSKolokoltseva@stud.kantiana.ru

M. I. Krishtal, P. S. Kolokoltseva

SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF TRUST OF YOUNG PEOPLE OF THE KALININGRAD REGION IN THE AUTHORITIES

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 26 July 2024

Accepted 5 May 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-8

To cite this article: Krishtal M.I., Kolokoltseva P.S. 2025, Socio-economic factors of trust of young people of the Kaliningrad region in the authorities, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 103–114. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-8.

Trust in government authorities is a key aspect influencing the stability, efficiency, and sustainability of state governance. At the present stage, the topic of trust in public authorities in Russia has gained additional relevance due to significant socio-economic and political changes caused by the extreme instability of the international situation. Under these new conditions, trust in government authorities serves as a fundamental element for the successful functioning of the state. This article focuses on the youth of the Kaliningrad region. The aim of the study is to identify the socio-economic factors influencing the trust of the region's youth in government authorities. The results of statistical analysis of empirical data obtained from a mass survey (n=397) demonstrated that the origin of trust in authorities is conditioned by the assessment of their effectiveness. It was found that higher levels of trust are shown by youth who highly evaluate the situation regarding interpersonal trust in Russia and who have close relatives with similar trust patterns. It was also revealed that female youth living outside the regional center tend to have greater trust in state institutions. At the same time, there is virtually no correlation between youth trust and their educational level or material status.

Keywords: Kaliningrad region, trust, institutional trust, political trust, youth, authorities

The authors

Dr Mihail I. Krishtal, Associate Professor, Research Fellow, Sociological Laboratory, Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: Mkrishtal@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-6167-1025

Polina S. Kolokoltseva, Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: PSKolokoltseva@stud.kantiana.ru

А. Г. Большаков, Е. В. Храмова, Е. Н. Спирчагова

**РОССИЯ И ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА:
СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНФЛИКТЫ**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия

Поступила в редакцию 14.06.2025 г.

Принята к публикации 28.06.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-9

115

Для цитирования: Большаков А. Г., Храмова Е. В., Спирчагова Е. Н. Россия и государства Центральной Азии в процессе формирования нового мирового порядка: сотрудничество и конфликты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №2. С. 115–126. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-9.

Анализируется формирование нового мирового порядка, который изменит всю современную систему международных отношений. Несмотря на то что ведущей его характеристикой пока является неопределенность, большинство экспертов полагают, что он будет полицентричным, более справедливым и менее устойчивым, чем существующий политический порядок. На современном этапе общественного развития происходит столкновение «коллективного Запада» и антиколониального движения под брендами ШОС, БРИКС+. Фактором, способствующим изменениям в мировой политике, стал украинский кризис, который из стадии эскалации постепенно переходит в стадию стабилизации. Это мегатренд современной мировой политики, на фоне которого меняются все регионы мира, внутрирегиональные взаимоотношения, идет трансформация геополитического влияния на конкретные региональные субъекты. Одним из таких регионов является Центральная Азия. В статье данный регион рассматривается преимущественно как сообщество пяти бывших советских республик, ставших независимыми государствами. Но необходимо понимать, что Центральная Азия — это и Афганистан, и части Индии, Китая, России, что сильно расширяет понятие этого региона и делает его более значимым для мировой политики. Россия и Центральная Азия связаны друг с другом исторически, данный регион — часть Российской империи, Советского Союза, это ближайшие соседи современной Российской Федерации, которые образуют единый пояс безопасности. Страны прошли разные периоды взаимодействия между собой, сегодня оно одно из самых продуктивных в постсоветский исторический период. Российское влияние приоритетно для Центральной Азии, но в регионе достаточно важна и роль Китая. Если Российская Федерация первенствует в вопросах безопасности, военно-технического сотрудничества, то Китай — в сфере экономики.

Цель исследования — изучение роли России и государств Центральной Азии в процессе формирования нового мирового порядка. Методологической основой исследования служат теории функционального и сложносоставного конфликта. Методологические возможности данных теорий позволяют изучить процесс формирования и развития современных мировых конфликтов. Также были использованы методы анализа нормативно-правовых актов и сравнительного анализа. Результаты исследования

показывают, что отношения России и стран Центральной Азии на современном этапе характеризуются двумя основными тенденциями: сотрудничеством и конфликтами. Причем большинство конфликтов носит функциональный характер и поддается политическому урегулированию. Выводы исследования заключаются в том, что отношения России и стран Центральной Азии способствуют формированию полицентричного мира. Исследователям данного региона необходимо анализировать многовекторность политики стран Центральной Азии, учитывать неоднозначность влияния США, Китая, Турции на данный регион.

Ключевые слова: страны Центральной Азии, украинский кризис, новый мировой порядок, полицентричность, СВО, БРИКС+, сотрудничество, конфликт, многовекторность внешней политики

Введение

Несмотря на существующие противоречия, попытки выстроить новый полицентричный мировой порядок предпринимаются через функционирование таких международных организаций и объединений, как ШОС и БРИКС+, состав которых продолжает расширяться, что вызывает обеспокоенность как некоторых постоянных членов, так и представителей «коллективного Запада». Страны БРИКС поддерживают идею многополярности, выступают с инициативами перехода к новому справедливому мировому порядку, в противовес американской гегемонии. В ответ на эти инициативы США начали оказывать давление на Индию как на одно из ведущих государств БРИКС с целью того, чтобы она покинула ряды данного объединения. Особенно это давление усилилось после конфликта между Индией и Пакистаном, когда БРИКС и ШОС продемонстрировали свою дистанцированность в вопросах международной безопасности. Реакция России на активизацию США в отношении Индии была обозначена в выступлении министра иностранных дел Сергея Лаврова, который предложил возобновить формат «Россия — Индия — Китай», направленный, скорее всего, на примирение Индии и Китая. «Говоря об Индии и об антикитайской направленности инициатив НАТО в восточной части Евразии, хочу подтвердить нашу искреннюю заинтересованность в скорейшем возобновлении работы “тройки” Россия, Индия и Китай...» [6]. Как было зафиксировано в Декларации, принятой по итогам XVI саммита БРИКС в Казани в октябре 2024 г., данная заинтересованность транслирует стремление России к «укреплению многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» [10].

Несмотря на масштабные санкции, Российская Федерация остается глубоко интегрированной в мировую экономику. «В 2024 году российская экономика, рассчитанная по показателю покупательной способности, составила 6,94 триллиона долларов. Доля России в мировой экономике выросла до 3,54 %, что позволило России сохранить четвертое место среди крупнейших экономик мира» [16]. Это следствие имеющихся преимуществ российской экономики, таких как доступ к относительно дешевой энергии и ряду других видов сырья, а также относительно вы-

сокая квалификация рабочей силы. Успешная переориентация экспортных потоков и выстраивание новых цепочек поставок импорта, открытие новых производств способствовали укреплению российской финансово-экономической системы.

В условиях меняющейся международной обстановки России приходится усиливать свое влияние в странах Центральной Азии, где мы можем наблюдать борьбу интересов между Китаем, США, ЕС и другими государствами Востока. Россия развивает взаимовыгодное военно-стратегическое, экономическое, социально-культурное сотрудничество в данном регионе вопреки попыткам стран «коллективного Запада» особенно активно проводить изоляционную политику в отношении Российской Федерации с момента начала проведения СВО.

Методологические основы исследования перехода к полицентричному мировому порядку, сотрудничества и конфликтов в Центральной Азии

Большое число неинституционализированных конфликтов, системный кризис современных международных отношений, состояние неопределенности, характерное для мировой политики, во многом определяют методологию, выбранную для написания данной статьи. Прежде всего мы использовали классическую методологию — теорию функционального конфликта Л. Козера [11], который считал, что многочисленность конфликтов, существующая в обществе или в любой его отдельной системе, например, в международных отношениях, не говорит о неустойчивости этой системы, если противники не разделены между собой дихотомически, то она сохраняет стабильность. Отсутствие главного конфликта и наличие большой совокупности разнонаправленных столкновений показывают относительную стабильность системы.

На наш взгляд, наиболее адекватной современной объяснительной моделью для сотрудничества и конфликтов в регионах постсоветского пространства (например, Центральной Азии) является российская теория «сложносоставного конфликта», авторами которой являются Л.И. Никовская [17] и В.Н. Якимец [18].

В рамках такого подхода сотрудничество России и государств Центральной Азии обусловлено общим историческим прошлым, в частности отношением к Великой Отечественной войне, победе советского народа, гибели миллионов соотечественников. Неизменными и одинаковыми остаются героизация данного периода истории, понимание значения единства советского народа независимо от этнического и религиозного происхождения. На современном этапе развития Россия и ряд стран Центральной Азии (за исключением Туркменистана, который провозгласил политический нейтралитет) представляют собой основу ряда межгосударственных объединений: СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и др. Отношения между этими странами принято считать союзническими, именно они составляют «пояс безопасности» Северо-Западной Евразии.

Сотрудничество, противоречия и конфликты России со странами Центральной Азии

118

В архитектуре неопределенности нового мирового порядка в России возрастает роль центральноазиатского вектора внешней политики. В частности, в Концепции внешней политики России закреплено, что «внешняя политика России направлена на активизацию сотрудничества с союзными государствами в условиях санкций и на формирование сбалансированной системы сил в Евразии» [12]. Одним из значимых мероприятий в этом контексте стал саммит «Россия — Центральная Азия» в Астане в 2022 г., где обсуждалось «создание новых производственно-сбытовых цепочек, обеспечение бесперебойного функционирования совместных предприятий, выстраивание альтернативных логистических схем» [21]. Следующий саммит запланирован на октябрь 2025 г. в Душанбе. Еще одной площадкой многопланового сотрудничества глав государств Центральной Азии и ее партнеров является Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии. В рамках Совещания активно обсуждается вопрос использования национальных валют во взаимных расчетах в целях укрепления финансового суверенитета государств и развития экономической интеграции [1]. Центральная Азия для России сегодня — это партнер в экономических отношениях, надежный сосед в обеспечении неприкосновенности границ и национальной безопасности, логистическая связка с рынками и коммуникациями Индии, Китая, Пакистана [3].

В подтверждение тезиса о развитии интенсивного экономического сотрудничества приведем данные Министерства экономического развития РФ по товарообороту между Россией и республиками Центральной Азии за период 2021 — 2024 гг. в млрд долл. (табл.).

**Товарооборот РФ и стран Центральной Азии за период 2021 — 2024 гг.,
млрд долл.**

Страна	2021	2022	2023	2024
Республика Казахстан	10,7	18,4	26	28
Республика Узбекистан	6,8	9,3	10	10
Республика Таджикистан	1,3	1,4	1,7	1,9
Туркменистан	0,865	1,6	0,865	0,7
Кыргызская Республика	2,5	3,4	3,1	3,2

Составлено на основе данных Минэкономразвития РФ.

Тесное сотрудничество России и республик Центральной Азии осуществляется через ОДКБ, в договоре которой зафиксировано, что государства согласовывают свои действия «в интересах обеспечения коллективной безопасности» [8]. Россия продемонстрировала свою стратегию и тактику в Центральной Азии в январе 2022 г., в период гибридного вооруженного конфликта в Казахстане. В официальном заяв-

лении МИД РФ была дана характеристика внутривнутриполитической ситуации и обозначены предпринятые меры — отправка 3000 военнослужащих в зону конфликта. «Рассматриваем последние события в дружественной нам стране как инспирированную извне попытку насильственным путем, с использованием подготовленных и организованных вооруженных формирований подорвать безопасность и целостность государства» [9]. Успех операции ОДКБ в Казахстане в январе 2022 г. был очень важен. ОДКБ выступило гарантом безопасности в регионе, показала мобильность, способность быстро принимать решения в сложных ситуациях, слаженность действий и умение проводить почти военные операции. ОДКБ создала «пояс коллективной безопасности» для стран СНГ на южном направлении (страны Центральной Азии и России). Подобный пояс на западных границах России объективно отсутствует, российская безопасность выстраивается через Беларусь и Калининградскую область, положение в Белгородской, Курской, Воронежской, Ростовской областях продолжает зависеть от хода специальной военной операции. Параллельно с событиями в Казахстане происходил вооруженный приграничный конфликт между Республикой Кыргызстан и Республикой Таджикистан в 2021, 2022 гг. [5]. Москва выступила посредником в решении приграничных проблем данных государств.

Российско-узбекские отношения можно охарактеризовать как стабильные. Нормативно-правовой базой сотрудничества является Декларация о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан [7; 13]. Происходит регулярное взаимодействие как на уровне глав государств, так и в формате интеграционных объединений СНГ, ШОС, ОДКБ. «Россия является одним из крупных инвестиционных партнеров Республики Узбекистан. За последние годы российские компании (“Лукойл”, “Газпром”, “Вымпелком” и другие) вложили в экономику Узбекистана более 14 млрд долл. Реализуются проекты промышленной кооперации в горно-металлургической, металлургической, химической, аграрной, машиностроительной и электротехнической отраслях» [4], в частности совместные проекты со специалистами индустриального парка «Химград» (Татарстан) [20]. Сотрудничество в образовательной сфере осуществляется через открытие филиалов российских высших учебных заведений в Республике Узбекистан. Существуют совместные проекты в сфере поддержки русского языка в Узбекистане, который является в республике языком межнационального общения. На русском в Узбекистане публикуются законодательные акты и другие официальные документы, издаются печатные СМИ [4].

Российско-туркменские отношения также на протяжении последних лет демонстрируют устойчивую динамику развития. Среди приоритетных направлений сотрудничества можем выделить экономическое и гуманитарное. За первые семь месяцев 2024 г. объем взаимной торговли увеличился на 58 %, что свидетельствует о высоком уровне интеграции экономик двух стран. Значительную роль в этом процессе

играет Межправительственная Российско-туркменская комиссия по экономическому сотрудничеству. В рамках ее работы обсуждаются вопросы развития транспортной инфраструктуры, включая реализацию восточной хорды международного транспортного коридора «Север — Юг», а также координация действий по увеличению объема грузоперевозок [25].

На формирование интересов государств Центральной Азии оказывают влияние различные факторы, такие как исторические связи, географическое положение, наличие ресурсов, политические интересы других государств. Но неизменным остаются цели обеспечения безопасности государственности и границ в регионе.

Геополитика и ее влияние на страны Центральной Азии

Современная геополитическая ситуация в Центральной Азии характеризуется активным участием в регионе США, Турции, Китая, стран ЕС. Центральная Азия — центр пересечения геополитических интересов России и Китая. Несмотря на то что они являются союзниками на международной арене, существует и конкуренция за сферы влияния. Через данный регион Россия осуществляет контакты с Ближним Востоком. Китай активно использовал регион для торговли с Европой. Российско-китайское сотрудничество для Центральной Азии является стабилизирующим фактором в регионе на фоне турбулентности мирового порядка. Россия и Китай главные экономические партнеры для государств Центральной Азии. Товарооборот Китая и стран Центральной Азии в 2024 г. составил 94,82 млрд долл. [22]. Российский товарооборот с данными государствами превысил 44,4 млрд долл. С Кыргызстаном, Казахстаном и Таджикистаном 80 % расчетов осуществляется в национальных валютах [24]. Китай усиливает свои позиции, реализуя экономический интеграционный проект «Один пояс — один путь», развивая транспортные коммуникации, например Евроазиатскую трансконтинентальную железную дорогу. Китай также заинтересован в безопасности своих границ с Таджикистаном, Казахстаном и Кыргызстаном [23]. При этом если в экономике стран Центральной Азии существенную роль играет и Китай, то обеспечение региональной безопасности преимущественно является приоритетом России.

Свидетельством геополитического противостояния в Центральной Азии выступают попытки США любым способом «оторвать» республики Центральной Азии от России, расширяя присутствие в военнотехнической сфере и контроль над энергетическими ресурсами региона. Например, «в 2024 г. США поставили в Республику Кыргызстан вооружение и военное имущество на сумму 16,5 миллионов долларов» [19]. Финансируются программы, направленные на противодействие принятию законов, которые ограничивают деятельность прозападных СМИ, на расширение энергетических инфраструктурных объектов и транспортных маршрутов, одним из которых является Транскаспий-

ский международный транзитный коридор. Этот коридор связывает Китай со странами Европы в обход России через Казахстан, Каспийское море, Грузию. Казахстан привлекателен для США как республика, занимающая первое место в мире по запасам урана [2]. Попытки установить контроль над энергетическими ресурсами Центральной Азии путем создания организации «государств Шелкового пути» закончилась провалом после выхода США из Афганистана в 2021 г. Одна из ключевых задач США на сегодняшний день заключается в снижении уровня сотрудничества между Россией и Китаем, с одной стороны, и странами Центральной Азии — с другой. Основным инструментом — угроза введения вторичных санкций. Именно через обещание введения вторичных санкций американцам удалось блокировать работу платежной системы «Мир», которая в условиях отключения России от SWIFT является важным связующим звеном между странами региона и РФ. Российские банки были вынуждены продать свои филиалы в Казахстане, а для граждан РФ во всех странах региона заметно усложнена процедура получения банковских карт западных платежных систем. Налицо системная работа по затруднению взаимодействия России и стран Центральной Азии. Такая позиция США не предполагает какую-либо альтернативу.

Турция пытается распространить свое влияние на страны Центральной Азии через культурные и идеологические аспекты объединения тюркских народов под своим протекторатом. «Учитывают в Турции и общее изменение геополитической ситуации в Евразии в связи с конфликтом на Украине, и то, что ресурсы России, остающейся, несомненно, ключевым партнером центральноазиатских государств, отвлечены во многом на украинский театр военных действий. Это дает основание турецким политикам и бизнесменам надеяться на то, что в ЦА (Центральной Азии. — А.Б., Е.Х., Е.С.) перед ними откроются новые возможности как в экономической сфере, так и в областях, связанных с обеспечением региональной безопасности» [2, с. 15]. Но в реальности мы можем наблюдать, что Турция не смогла предоставить альтернативную ОДКБ систему безопасности для Республик Центральной Азии и ее экономические интересы схожи с экономическими интересами США. Желание Турции поменять геополитический ландшафт на постсоветском пространстве может привести к противоречиям с Россией [14]. В данной ситуации Россия должна внимательно отслеживать попытки стран Центральной Азии поменять внешнеполитическую ориентацию, создавая вокруг своих границ пояс безопасности из по крайней мере не враждебных по отношению к ней государств.

Находясь территориально между двумя ведущими государствами, наблюдая за их регулярными контактами, страны Центральной Азии должны понимать, что какие-либо действия, которые будут производиться ими вопреки интересам этих стран, могут самым пагубным образом сказаться на их положении. Каким бы ни было давление со стороны США и ЕС, которые расположены за тысячи километров от них, реальное положение будет зависеть от тех великих держав, которые находятся рядом, то есть от России и Китая. Это связано с тем, что Рос-

сия и Китай — главные партнеры республик в сфере экономики и безопасности. Россия является ключевым транзитным государством для центральноазиатских республик, обеспечивая, например, 80 % экспорта казахстанской нефти на мировой рынок [15].

Россия остается базальтернативным рынком труда для граждан Центральной Азии. Количество прибывших трудовых мигрантов из региона в Россию в 2024 г. составило 670 тыс. человек, что превысило показатели прошлых лет. Данная категория населения через свои денежные переводы вносит существенный вклад в социально-экономическую стабильность в регионе.

Говоря о прогнозах развития сотрудничества между Россией и странами Центральной Азии, а также о дальнейшей трансформации системы международных отношений, можем обозначить следующие ключевые моменты.

Центральная Азия стала стратегическим регионом для России в период проведения специальной военной операции и осуществления перехода мирового развития к полицентричному (многополюсному) варианту. При этом новый мировой порядок может оказаться более нестабильным по сравнению с предыдущим, поскольку множество центров силы автоматически стимулируют борьбу за влияние, расширение и углубление кризисов и конфликтов. Государства Центральной Азии в проводимой внешней политике вынуждены балансировать между интересами глобальных и региональных игроков в регионе,

Конфликт России с «коллективным Западом» вряд ли завершится после окончания специальной военной операции, украинского кризиса. Самый реалистичный вариант: соглашение по разделу «зон влияния» и продолжение противостояния. Его объемы зависят от многих факторов. Можно предположить, что потенциальный ядерный конфликт будет использоваться дальше преимущественно в качестве угрозы. Россия как «государство-цивилизация» через определенное время сможет реализовать «поворот на Восток», изменить свои приоритеты развития на практике. В стратегическом плане для нее всегда важны государства СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, но все большее значение будут иметь страны ОПЕК+, ШОС и БРИКС+. Посредством региона Центральной Азии Россией будет осуществляться сотрудничество с Китаем, Индией, Пакистаном, Афганистаном, Монголией, странами Юго-Восточной Азии.

Страны Центральной Азии вряд ли в ближайшие годы полностью откажутся от многовекторной политики. В последние два года в регионе значительно выросло влияние крупных геополитических игроков. США регулярно пытаются проводить неформальные встречи с центральноазиатскими государствами. В этом же формате в регионе работают ЕС и Китай. Постоянную активность проявляет Турция. В 2023 г. была проведена встреча глав государств в формате «Центральная Азия — Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива» в Джидде. В последнее время значительно активизировалась в сотрудничестве

со странами региона и Россия. Речь идет не только о новом формате «Россия — Центральная Азия», но и о взаимодействии в рамках СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, двухсторонних встречах.

Страны региона используют такое обилие контактов для реализации своих интересов. Многовекторность является основной внешнеполитической линией, утвержденной государствами в регионе в официальных доктринах и документах. Выбор многовекторности объясняется необходимостью сохранять равноудаленность от основных политических и экономических центров силы с целью получения инвестиций, технологий, доступа к рынкам, гарантий безопасности. Но это в теории, а на практике многовекторность должна помогать решать стратегические и тактические задачи, стоящие перед конкретными государствами.

Тем не менее именно Россия и в меньшей степени Китай остаются важнейшими партнерами для стран региона с трендом увеличения степени их значимости для стратегического развития и стабильности Центральной Азии. Поэтому многовекторная внешняя политика несет определенную выгоду ее субъектам, соответствует восточному менталитету региона, но постепенно роль Запада будет минимизирована влиянием России и Китая.

Список литературы

1. Абытов Б. К. Таджикистан и Казахстан: корни пограничных конфликтов и пути их урегулирования // Вопросы востоковедения. 2023. №1. С. 1—13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kyrgyzstan-i-tadzhikistan-korni-pogranichnyh-konfliktov-i-puti-ih-uregulirovaniya/viewer> (дата обращения: 14.03.2025).
2. Аватков В. А., Ерманилиева А. Р. Казахстан как центр столкновения интересов глобальных игроков на постсоветском пространстве: России, Китая, США и Турции // Постсоветские исследования. 2024. Т. 1, №7. С. 9—19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazahstan-kak-tsentr-stolknoveniya-interesov-globalnyh-igrokov-na-postsovetskom-prostranstve-rossii-kitaya-ssha-i-turtsii/viewer> (дата обращения: 14.03.2025)..
3. Ачкасов В. А., Абалян А. И., Андреев А. А., Никифоров А. А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст : коллективная монография / отв. ред. В. А. Ачкасов, А. И. Абалян. СПб., 2021.
4. Биятов Е. Россия нарастила долю в мировой экономике // РИА Новости. 29.04.2025. URL: <https://ria.ru/20250429/dolja-2013971762.html> (дата обращения: 14.03.2025).
5. Борзова Е. П., Ковалев А. А. Теоретические подходы к объяснению причин и факторов современных международных конфликтов // Вестник МГПУ. Сер. Философские науки. 2023. №4 (48). С. 28—46. doi: 10.25688/2078 9238.2023.48.4.3.
6. Выступление Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова на Евразийских Международных общественно-политических слушаниях по вопросам формирования архитектуры равной и неделимой системы безопасности и сотрудничества на пространстве Евразии, Пермь, 29 мая 2025 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/rossia-nato/2020883/ (дата обращения: 14.03.2025).

7. Декларация о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5839> (дата обращения: 14.03.2025).

8. Договор о коллективной безопасности. URL: https://www.odkbcsto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezопасности/#loaded (дата обращения: 14.03.2025).

9. Заявление МИД России в связи с решением Совета коллективной безопасности ОДКБ о направлении Коллективных миротворческих сил ОДКБ в Республику Казахстан. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1793215/ (дата обращения: 14.03.2025).

10. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности Казань, Российская Федерация 23 октября 2024 года. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru> (дата обращения: 14.03.2025).

11. Козер Л. А. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. А. Назаровой ; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М., 2000.

12. Концепция внешней политики РФ : указ Президента РФ от 30.03.2023 г. №229. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 14.03.2025).

13. Кудряшова Д., Рожкова З., Майорова М. Российско-узбекские отношения: состояние и перспективы // Россия и новые государства Евразии. 2023. №II (LIX). С. 178–188. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/RNSE/archive/2023/ii-lix/central-asia-in-the-global-world/russian-uzbek-relations-state-and-prospects> (дата обращения: 14.03.2025).

14. Малышева Д. Центральназиатское направление политики Турции // Центральная Азия в глобальном мире. 2024. №12. С. 60–72. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/RNSE/archive/2024/ii-lxiii/central-asia-in-the-global-world/cenral-asian-direction-of-turkish-policy> (дата обращения: 14.03.2025).

15. Мелоян Т. Участие России в развитии транспортных и энергетических коридоров в Центральной Азии в условиях санкций // РСМД. 04.08.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/uchastie-rossii-v-razvitii-transportnykh-i-energeticheskikh-koridorov-v-tsentralnoy-azii-v-usloviyakh/?sphrase_id=181214493 (дата обращения: 14.03.2025).

16. Национальный проект «Международная кооперация и экспорт». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/922/about/> (дата обращения: 14.03.2025).

17. Никовская Л. И. Методологические возможности концепта сложно составного конфликта на постсоветском пространстве // Социально-политические исследования. 2020. №4 (9). С. 5–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-vozmozhnosti-kontsepta-slozhno-sostavnogo-konflikta-na-postsovetskom-prostranstve> (дата обращения: 14.03.2025).

18. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Особенности конфликтности трансформирующегося российского общества: к вопросу о модели сложно-составного конфликта // Социально-политические конфликты: теоретические представления и практики урегулирования : монография / Л. Н. Никовская, О. М. Михайленок, Л. Н. Тимофеева [и др.] ; отв. ред. Никовская Л. И., О. М. Михайленок ; предисл. О. М. Михайленок. М., 2024. С. 46–59. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=13701&printmode (дата обращения: 14.03.2025).

19. Озмитель М. Что угрожает безопасности стран Центральной Азии в текущем году // Российская газета. 28.02.2024. URL: <https://rg.ru/2024/02/28/kak-otvetit-na-globalnye-vyzovy.html> (дата обращения: 14.03.2025).

20. Российско-узбекистанские отношения // ТАСС. 26.05.2024. URL: <https://tass.ru/info/20906463> (дата обращения: 14.03.2025).

21. Саммит Россия — Центральная Азия // Президент России. 14.10.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69598> (дата обращения: 14.03.2025)..

22. Сулейменов Р. Товарооборот Китая с Центральной Азией достиг рекордной отметки в 2024 году // Международное информационное агентство «Казинформ». 23.01.2025. URL: <https://www.inform.kz/ru/tovarooborot-kitaya-stsentralnoy-aziey-dostig-rekordnoy-otmetki-v2024-godu-ff75bb> (дата обращения: 14.03.2025).

23. Толстых В.Л. Конфликтный потенциал Центральной Азии и международное право // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. №2. С. 14—31. https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_14.

24. Хайдарзода Р. Сотрудничество Центральной Азии и России: новые горизонты. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sotrudnichestvo-tsentralnoy-azii-i-rossii/> (дата обращения: 14.03.2025).

25. Янг А. Россия и Туркменистан: итоги 2024 года и перспективы 2025-го — в оценках Ивана Волюнкина // Каспийский вестник. 19.12.2024. URL: <https://casp-geo.ru/rossiya-i-turkmenistan-itogi-2024-goda-i-perspektivy-2025-go-v-otsenkah-ivana-volynkina/> (дата обращения: 14.03.2025).

Об авторах

Андрей Георгиевич Большаков — д-р полит. наук, доц., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия.
E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Евгения Валерьевна Храмова — канд. полит. наук, доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия.
E-mail: eugenlic@mail.ru

Елена Николаевна Спирчагова — ст. преп., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия.
E-mail: spirchagova2013@yandex.ru

A. G. Bolshakov, E. V. Khramova, E. N. Spirchagova

RUSSIA AND THE CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE PROCESS OF FORMING A NEW WORLD ORDER: COOPERATION AND CONFLICTS

Kazan (Volga region) Federal University, Russia

Received 14 June 2025

Accepted 28 June 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-9

To cite this article: Bolshakov A.G., Khramova E.V., Spirchagova E.N. 2025, Russia and the Central Asian countries in the process of forming a new world order: cooperation and conflicts, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 115—126. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-9.

The article analyzes the formation of a new world order that will change the entire modern system of international relations. Although its defining feature remains uncertainty, the majority of experts believe the emerging order will be polycentric, more equitable, and less stable than the current political system. At the current stage of societal development, a confrontation is unfolding between the "collective West" and the anti-colonial movement represented by organizations such as the SCO and BRICS+. One of the factors contributing to

changes in global politics is the Ukrainian crisis, which is gradually shifting from a stage of escalation to one of stabilization. This is a megatrend of modern global politics, against the backdrop of which all regions of the world, interregional relationships, and the geopolitical influence on specific regional actors are undergoing transformation. One such region is Central Asia. In this article, the region is viewed primarily as a community of five former Soviet republics that have become independent states. However, it is important to recognize that Central Asia also encompasses Afghanistan, Mongolia, and parts of India, China, and Russia, which significantly broadens the concept of the region and increases its geopolitical significance. Russia and Central Asia are historically connected; the region was once part of the Russian Empire and the Soviet Union. Today, these states are the Russian Federation's closest neighbors, forming a unified security belt. Over time, they have experienced various phases of mutual interaction, and their cooperation is currently among the most productive in the post-Soviet era. Russian influence remains a priority in Central Asia, though China's role in the region is also substantial. While the Russian Federation leads in matters of security and military-technical cooperation, China dominates in the economic sphere.

The aim of this study is to examine the role of Russia and the Central Asian states in the process of forming a new world order. The methodological foundation of the study includes theories of functional and complex conflict. These theories offer analytical tools to explore the formation and evolution of contemporary global conflicts. Additionally, methods of normative legal analysis and comparative analysis were employed. The results of the study indicate that relations between Russia and the Central Asian countries are currently characterized by two main trends: cooperation and conflict. Most conflicts are functional in nature and are subject to political resolution. The conclusions of the study suggest that the relationship between Russia and the Central Asian countries contributes to the development of a polycentric world. Researchers focusing on this region should analyze the multi-vector nature of the foreign policies pursued by Central Asian states and account for the ambiguous influence exerted by the United States, China, and Turkey in the region.

Keywords: Central Asian countries, Ukrainian crisis, new world order, polycentricity, SMO, "BRICS+", cooperation, conflict, multi-vector foreign policy

The authors

Prof. Andrey G. Bolshakov, Associate Professor, Professor, Head of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy of the Institute of International Relations and Oriental Studies, Kazan (Volga region) Federal University, Russia.

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

Dr Evgenia V. Khramova, Associate Professor, Department of International Relations, World Politics and Diplomacy of the Institute of International Relations and Oriental Studies, Kazan (Volga region) Federal University, Russia.

E-mail: eugenlic@mail.ru

Elena N. Spirchagova, Senior Lecturer, Department of International Relations, World Politics and Diplomacy of the Institute of International Relations and Oriental Studies, Kazan (Volga region) Federal University, Russia.

E-mail: spirchagova2013@yandex.ru

В. С. Дегтярева

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия

Поступила в редакцию 16.06.2025 г.

Принята к публикации 28.06.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-10

127

Для цитирования: Дегтярева В. С. Цифровые технологии как инструмент участия граждан в местном самоуправлении // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №2. С. 127 — 133. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-10.

Местные органы власти наиболее приближены к населению, на уровне муниципальных образований принимаются политико-управленческие решения, которые затрагивают интересы каждого гражданина. Этим обусловлена значимость цифровизации деятельности органов местного самоуправления. Развитие интернет-технологий создает новые инструменты для участия граждан в муниципальной политике. Отличительные особенности цифровых форм политического участия в деятельности органов местного самоуправления позволяют рассматривать их как самостоятельный вид политического участия граждан. Вместе с тем не теряют актуальности проблемы информационного неравенства муниципальных образований, технических ограничений применения интернет-технологий. Среди цифровых форм участия граждан в деятельности органов местного самоуправления можно выделить краудсорсинговые платформы для муниципальных референдумов, муниципальные онлайн-выборы, сервисы правотворческой инициативы и онлайн-обращений в органы муниципальной власти, онлайн-собрания и сход граждан, голосование по проектам бюджетного планирования.

Ключевые слова: цифровизация, интернет-технологии, политическое участие, местное самоуправление

Введение

Урбанизация и рост современных городов активно переплетаются с процессом цифровизации. Одно из наиболее перспективных направлений внедрения интернет-технологий в деятельность органов муниципальной власти — механизмы вовлечения граждан в муниципальную политику и осуществление местного самоуправления.

Политическое участие граждан в деятельности органов местного самоуправления подвергается цифровой трансформации. Интернет-технологии расширяют доступ к муниципальным услугам, создают инструменты для вовлечения граждан в процесс принятия местных решений, позволяют оперативно реагировать на запросы горожан.

В муниципальную политику многих городов внедрены различные формы цифрового участия, которые позволяют вовлекать горожан в решение местных проблем.

Обзор литературы

Проблематику цифрового участия граждан в деятельности органов местного самоуправления можно признать развивающейся областью исследований. Систему электронного муниципалитета исследуют Р.В. Амелин, М.А. Липчанская, С.Е. Чаннов [2], Д.Р. Мухаметов [12], А.В. Шиндина [10]. Цифровизация муниципального управления подробно рассматривается в трудах Е.Н. Каратуевой [8], Г.В. Костиной [9], Д.В. Юркова [14].

Развитие электронных форм участия граждан в деятельности органов местного самоуправления обстоятельно рассматривается в исследованиях Е.Ю. Видясова [4; 5]. В диссертации «Институционализация электронного участия граждан Российской Федерации в управлении мегаполисом (на примере Санкт-Петербурга)» Е.Ю. Видясов рассматривает следующие коммуникационные каналы Санкт-Петербурга, через которые реализуются «механизмы участия горожан в управлении мегаполисом» [4, с. 85]: портал решения городских проблем; порталы инициативного бюджетирования; электронная приемная губернатора; системы краудсорсинга; системы электронного голосования; очные посещения органов власти [4, с. 86].

В исследованиях В.Н. Якимец и Л.И. Никовской проводится глубокий анализ нормативно-правовой основы регулирования местного самоуправления и отмечается необходимость проведения «постепенной цифровой трансформации названных в Федеральном законе №131-ФЗ форм общественного участия граждан» [15, с. 98]. Исследователи выделяют четыре группы «механизмов и форм вовлечения и участия граждан, бизнеса и чиновников в местном самоуправлении:

- 1) формы непосредственного осуществления населением муниципального самоуправления (МСУ);
- 2) участие населения в осуществлении МСУ;
- 3) выявление и учет мнения жителей муниципальных округов (МО);
- 4) участие жителей МО в подготовке решений, экспертизе, контроле, реализации инициативных проектов и участии в механизмах муниципального социального заказа, в муниципально-частном партнерстве, на краудсорсинговых платформах и др.» [15, с. 99].

Значимость цифровизации муниципальной политики актуализирует исследование практик внедрения цифровых форм участия граждан в деятельности органов местного самоуправления.

Основная часть

В муниципальную политику многих городов внедрены различные формы цифрового участия горожан в решении местных проблем. Опи-

раясь на политическую практику и дополняя имеющиеся исследования, можно выделить следующие цифровые формы участия граждан в муниципальном самоуправлении.

1. Муниципальные электронные выборы и референдумы. Впервые в России система дистанционного электронного голосования (ДЭГ) была применена в Москве на выборах депутатов Мосгордумы 2019 г. [11]. В эксперименте участвовали три избирательных округа, где ДЭГ показала свою эффективность [11]. В 2021 г. система позволила провести голосование на выборах депутатов Государственной думы, а в 2022 г. на выборах муниципальных депутатов впервые был применен электронный список избирателей [11]. В 2023 г. на выборах мэра Москвы весь процесс голосования был переведен в цифровой формат [11]. На выборах депутатов 2024 г. в Москве было организовано онлайн-голосование, позволившее москвичам отдать голос за депутата «в удобное время и в удобном месте» [6]. Голосование было организовано на платформе *eles.mos.ru* [6].

Использование дистанционного электронного голосования не отменяет традиционные способы, а скорее, дополняет их, предлагая своеобразное решение проблемы абсентеизма [2, с. 11]. Оценивая имеющийся опыт, Р. В. Амелин, М. А. Липчанская, С. Е. Чаннов выделяют ряд преимуществ применения дистанционного электронного голосования на муниципальном уровне по сравнению с традиционным участием. Во-первых, удобство такого формата для граждан, отмечают исследователи, может помочь преодолеть абсентеизм избирателей. Во-вторых, электронный формат голосования предполагает оперативность подсчета результатов [2, с. 11]. С другой стороны, исследователи предупреждают о возникающих при электронном формате голосования проблемах, начиная с риска нарушения подсчета голосов. Из-за сложности фиксации незаконных действий в интернете такие нарушения трудно выявить и доказать, что порождает сомнения в правильности подсчета голосов. Решением данной проблемы, по мнению исследователей, могут быть блокчейн-технологии [2, с. 12]. Дословно «блокчейн» переводится как «цепочка блоков», соответственно, блокчейн-технологии предполагают децентрализованное хранение информации, формируемой из цепочки блоков. Как отмечают Р. В. Амелин, М. А. Липчанская, С. Е. Чаннов, система блокчейна предполагает децентрализацию базы данных без возможности редактирования или удаления ранее добавленной информации, что является основой обеспечения защиты от манипуляций [2, с. 12].

2. Краудсорсинговые платформы для сервисов правотворческой инициативы и онлайн-обращений в органы муниципальной власти. Технологии краудсорсинга позволяют активно включать горожан в генерацию решений вопросов местного значения, контролировать исполнение решений и оценивать оказываемые услуги. Например, сервис «Активный ростовчанин» создан для поддержки инициатив горожан

по наиболее важным вопросам городского благоустройства и выявления мнений населения города по инициативам муниципальных властей [1]. «Ростовчане и представители городской власти создают голосования и опросы по различным городским инициативам. По любой инициативе ростовчане могут голосовать, выражая свое мнение» [1]. На сайте сервиса указано, что предусмотрены голосования по инициативам двух типов: «Голосование — голосуется “за” или “против” реализации конкретной инициативы; опрос — выбирается один или несколько вариантов ответа. Вариант, набравший наибольшее число голосов, принимается во внимание администрацией города» [1]. Если инициатива набирает 500 голосов, при этом не менее 70 % пользователей ее поддерживают, инициатива поступает на рассмотрение городской администрации [1].

3. Онлайн-собрания, опросы и сход граждан. Важным механизмом прямой демократии на местах является сход граждан. В литературе отмечается, что онлайн-референдумы могут постепенно вытеснить сходы граждан: несмотря на то что референдумы организационно сложнее, им отдается приоритет в случаях, когда нужно учесть волю большого количества граждан. Эти трудности нивелирует электронный формат — количество участников в данном случае уже не является определяющим критерием выбора механизма выявления воли жителей [2, с. 15]. Конечно же, о полном отказе от схода граждан говорить не приходится: это обусловлено существованием в ряде муниципалитетов преград по внедрению электронного референдума, приемлемостью схода граждан для малочисленных муниципальных образований, самой процедурой обсуждения принимаемых решений на сходе, что не предусмотрено при электронном референдуме [2, с. 15].

Московская область первой в России внедрила электронный формат проведения собраний собственников в многоквартирных домах [3]. Преимущества такого формата собраний очевидны: не нужно подстраивать индивидуальный график жильцов под собрания, поэтому в таком собрании могут присутствовать жители, которые не явились бы на очную встречу [3]. Как отметил министр жилищно-коммунального хозяйства Московской области Антон Велиховский, «за 2022 г. жители Подмосковья провели 13 652 общих собрания собственников онлайн» [3].

4. Голосование по проектам бюджетного планирования. Инновацией города Тюмени является проект «Твой бюджет», развивающий идею «инициативного бюджетирования» [7]. Один из этапов реализации инициативного бюджетирования в городе Тюмени предполагает «Голосование жителей города Тюмени за инициативные проекты в системе электронных опросов “Я решаю!” (www.dom.tyumen-city.ru/ir/)» [13]. Данную практику можно признать наиболее передовой, так как она предполагает максимальное вовлечение граждан в принятие политических решений и открытость органов муниципальной власти для гражданских инициатив.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования

Действительно, цифровые ресурсы имеют значительный политико-управленческий потенциал. Удобный формат, скорость обработки запросов, широкий охват аудитории превращают сетевые инструменты участия граждан в необходимый атрибут развития инфраструктуры современного муниципального образования. Вместе с тем в работе электронных сервисов имеются ограничения. Остается нерешенной проблема цифрового разрыва между муниципалитетами, активное применение интернет-технологий в деятельности органов местного самоуправления в крупных городах и более скромное — в малых городах и селах. Верно отмечается, что дистанционное электронное голосование «не панацея и не может решить все проблемы проведения голосования на муниципальном уровне» [2, с. 13]. Разумеется, цифровые технологии не могут сгладить все сложности проведения выборов или устранить проблемные аспекты работы органов власти. Они являются прежде всего технологиями коммуникации с гражданами государства, региона, отдельного муниципалитета. Сами по себе онлайн-ресурсы не становятся причиной социально-политических изменений, их эффективность определяется способом реализации данных технологий. Однако преимущества электронных форм политического участия в деятельности органов местного самоуправления определяют необходимость дальнейшей цифровой модернизации муниципальной политики и управления.

Таким образом, цифровая форма политического участия граждан в деятельности органов местного самоуправления отличается интерактивностью, оперативностью, технической доступностью, широким охватом населения и поэтому может характеризоваться как самостоятельный вид политического участия граждан. Цифровизация деятельности органов местного самоуправления расширяет возможности включения граждан в муниципальную политику. Можно выделить следующие формы участия граждан в муниципальном самоуправлении через интернет: краудсорсинговые платформы для муниципальных референдумов, муниципальные онлайн-выборы, сервисы правотворческой инициативы и онлайн-обращений в органы муниципальной власти, онлайн-собрания и сход граждан, голосование по проектам бюджетного планирования.

Список литературы

1. Активный ростовчанин. О сервисе. URL: <https://ar.rostov-gorod.ru/about> (дата обращения: 09.06.2025).
2. Амелин Р.В., Липчанская М.А., Чаннов С.Е. Формы непосредственной демократии на муниципальном уровне в условиях цифровой трансформации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. №52. С. 5–25. doi: 10.17223/22253513/52/1.
3. Более 13,5 тыс. общих собраний собственников онлайн провели жители Подмосковья в 2022 году. URL: <https://mgkh.mosreg.ru/sobytiya/novosti-ministerstva/14-12-2022-16-20-19-bolee-13-5-tys-obshchikh-sobraniy-sobstvennikov-on> (дата обращения: 09.06.2025).

4. Видясов Е. Ю. Институционализация электронного участия граждан Российской Федерации в управлении мегаполисом (на примере Санкт-Петербурга) : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2020.
5. Видясов Е. Ю. Электронное участие граждан в городском управлении на примере Санкт-Петербурга: постановка исследовательских задач // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы : матер. всерос. науч. конф. РАПН с междунар. участием. М., 2019.
6. Выборы депутатов в Москве — 2024. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/vote2024/> (дата обращения: 09.06.2025).
7. Инициативное бюджетирование. URL: <https://www.tyumen-city.ru/ekonomika/finansi/iniciativnoe-budjetirovanie/> (дата обращения: 09.06.2025).
8. Каратуева Е. Н. Влияние цифровой трансформации на муниципальное управление // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. №5 (179). С. 45—52.
9. Костина Г. В. Информационные технологии в системе муниципального управления (Социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2002.
10. Липчанская М. А., Шиндина А. В. Цифровая трансформация местного самоуправления в условиях развития информационного общества и концепции «Умный город» // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. №4. С. 6—12.
11. Московская система электронного голосования стала победителем отраслевой премии. URL: <https://www.mos.ru/news/item/146282073/> (дата обращения: 09.06.2025).
12. Мухаметов Д. Р. От умного города к цифровому региону: проблемы масштабирования сетей управления // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, №1. С. 141—156. doi: 10.18334/vines.11.1.111804.
13. Этапы реализации инициативного бюджетирования в городе Тюмени. URL: <https://www.tyumen-city.ru/ekonomika/finansi/iniciativnoe-budjetirovanie/etapi-realizacii/> (дата обращения: 09.06.2025).
14. Юрков Д. В. Совершенствование управления местным развитием на основе информационных технологий : дис. ... канд. экон. наук. М., 2007.
15. Якимец В. Н., Никовская Л. И. О цифровой трансформации муниципальной публичной политики в России // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2021. №4. С. 95—101.

Об авторе

Вера Сергеевна Дегтярева — соискатель, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия.
E-mail: vera-ufa@mail.ru

V. S. Degtyareva

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR CITIZEN PARTICIPATION IN LOCAL GOVERNMENT

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
Received 16 June 2025
Accepted 28 June 2025
doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-10

To cite this article: Degtyareva V. S. 2025, Digital technologies as a tool for citizen participation in local government, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 127—133. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-2-10.

Local authorities are the closest level of government to the population, and it is at the municipal level that political and administrative decisions are made which directly affect the interests of every citizen. This underlines the importance of digitalizing the activities of local self-government bodies. The development of internet technologies creates new tools for citizen participation in municipal politics. The distinctive features of digital forms of political participation in the activities of local self-government bodies allow them to be regarded as an independent type of civic political engagement. At the same time, the problems of informational inequality among municipalities and technical limitations in the use of internet technologies remain relevant. Among the digital forms of citizen participation in the work of local self-government bodies, one can identify crowdsourcing platforms for municipal referendums, municipal online elections, services for legislative initiatives and online appeals to municipal authorities, online meetings and citizen gatherings, as well as voting on budget planning projects.

Keywords: digitalization, internet technologies, political participation, local government

The author

Vera S. Degtyareva, doctoral candidate, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: vera-ufa@mail.ru

**ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА
Серия: Гуманитарные и общественные науки**

Правила публикации статей в журнале

134

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

в) аннотацию на русском и английском языках (150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (4 – 8 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информации;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематике;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
2025

№ 2

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 11.08.2025 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,9
Тираж 40 экз. Цена свободная. Заказ 76

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14